

Санкт-Петербургский государственный университет
Русское общество истории и философии науки

**Второй Международный Конгресс Русского общества
истории и философии науки
«Наука как общественное благо»**

Том 5

Сборник научных статей

Москва
Издательство РОИФН
2020

УДК 13+16 (08)
ББК 72.3+87.22
Н34

Рецензенты:
Бажанов Валентин Александрович
Ульяновский государственный университет
Маслов Вадим Михайлович
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского

Научная редакция и составление – Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавин.

Н34 Наука как общественное благо: сборник научных статей / Научн. ред. и сост. Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавин: В 7 томах. Т. 5. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2020. – 157 с. ISBN 978-5-6045557-0-5. - Режим доступа: <http://rshps.ru/books/congress2020t5.pdf>

ISBN 978-5-6045557-0-5 (Т. 5)

ISBN 978-5-6043173-5-8

В сборнике публикуются материалы Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо» (27-29 ноября 2020 года, Санкт-Петербургский государственный университет). В пятый том вошли работы участников секции «Этические проблемы медицины и биотехнологии» и круглых столов «Наука как призвание и профессия», «Научное сообщество: коммуникативные аспекты» и «Этика и нормативность в условиях научно-технологических трансформаций». На Конгрессе рассматриваются современные концептуальные и методологические проблемы истории и философии науки, эпистемологии естественных, технических и социогуманитарных наук.

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-6045557-0-5 (Т. 5)

УДК 13+16 (08)

ББК 72.3+87.22

Мероприятие проведено при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-011-22064

© Русское общество истории и философии науки, 2020
© Авторы, 2020

ЧАСТЬ 1

НАУКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

<i>Антоновский А.Ю.</i> Специализации как условие научного успеха.....	5
<i>Дорожкин А.М.</i> Псевдозоны обмена: основные особенности и причины возникновения...	8
<i>Зиновьев А.О.</i> Политическая революция и стратегическая рациональность науки.....	11
<i>Касавин И.Т.</i> Психологизм призвания: критика стандартного подхода.....	14
<i>Касавина Н.А.</i> Наука как беспокойство духа (следуя за К. Ясперсом).....	17
<i>Костина А.О.</i> Несправедливость свидетельствования и герменевтическая несправедливость как препятствия институциональных и общих социальных практик.....	19
<i>Масланов Е.В.</i> Роль эксперта в социальных преобразованиях.....	22
<i>Мухина С.Х.</i> Идея заботы в контексте проблемы научного познания.....	25
<i>Пигров К.С.</i> Дилетантизм и ирония. К аналитике «жрецов» и «шутов» в науке.....	29
<i>Погожина Н.Н.</i> Фигура ученого и фигура политика: вопрос этических обязательств.....	33
<i>Савченко И.А.</i> Критический поворот в постнеклассической науке.....	35
<i>Тухватулина Л.А.</i> Ученые и власть: к вопросу об актуальности доклада М. Вебера.....	39
<i>Чеботарева Е.Э.</i> Софт-инженеры, криптографы, шифропанки: между доверием и подозрением.....	41
<i>Шибаршина С.В.</i> К проблеме личности во внешней научной коммуникации.....	45
<i>Щербакова Е.В.</i> Принципы научного познания М. Вебера в их применении к вопросу дифференциации идеологии и науки.....	48

ЧАСТЬ 2

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО: КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Аблажей А.М.</i> Радикальная реформа академической науки в оценках научного сообщества.....	52
<i>Душина С.А.</i> Коммуникация ученых на цифровых платформах: эпистемологические следствия.....	54
<i>Емельянова Н.Н.</i> К вопросу об основных акторах медиасреды, участвующих в формировании научной информационной повестки.....	57
<i>Корзун В.П.</i> Юбилей Академии наук в первой половине XX века: конструирование коммуникативного поля.....	60
<i>Куприянов В.А.</i> Коммуникативная природа научного сообщества (по материалам научно-организационных проектов Г.В. Лейбница).....	63
<i>Пирожкова С.В.</i> Специалист и дилетант: позиции ученого в междисциплинарной коммуникации.....	67
<i>Пирожкова С.В., Омелаенко В.В.</i> Роль молодого ученого в коммуникациях и производстве знания в науке.....	70
<i>Синельникова Е.Ф.</i> Журнал «Мысль» в коммуникативном пространстве русской философии начала 1920-х гг.....	73
<i>Скрыдлов А.Ю.</i> Из истории создания первого статистического описания Российской империи: научные труды И.К. Кирилова (1689-1737).....	77
<i>Труфанова Е.О., Яковлева А.Ф.</i> Роль гуманитария в современном коммуникативном пространстве науки.....	81

ЧАСТЬ 3

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНЫ И БИОТЕХНОЛОГИИ

<i>Kovac Z.</i> Towards a Deeper Understanding of Pathobiological Nature of Disease – the Unique Integrative Re-Synthesis.....	84
<i>Stanciulescu T.D., Scripciu V.</i> Bioethical Controversies of an Essential Emergence: Biophotonics, the Science of the “Living Light”.....	87

<i>Андриянова Е.А., Гришечкина Н.В.</i> Социальное доверие в медицине: возможности онлайн-коммуникации.....	90
<i>Барбашина Э.В.</i> Методологические и содержательные проблемы нарративной медицины..	93
<i>Белялетдинов Р.Р.</i> Благо и уважение автономии как биотехнологическая проблема.....	96
<i>Гребенищикова Е.Г.</i> Пресимптоматическое генетическое тестирование: от права знать к праву не знать.....	99
<i>Кабельо Э.М.</i> Биоэтика в латиноамериканской перспективе.....	102
<i>Кетова Т.Н.</i> Проблема «уязвимости» в мире биомедицинских технологий.....	104
<i>Куксо К.А.</i> Картезианский мотив врачебного этоса заботы.....	108
<i>Майленова Ф.Г.</i> Сексуальные роботы: моральные коллизии трансформации интимности...	111
<i>Михель Д.В.</i> Прижизненное нецеленаправленное донорство органов: перспективы и проблемы.....	115
<i>Патракова А.П.</i> «Пиррова победа»? Синдром последствий интенсивной терапии (PICS) в контексте этических проблем реаниматологии.....	118
<i>Попова О.В.</i> Биосоциальность, генетизация и биоидентичность как феномены современной технонауки: казус «орфанных» пациентов.....	121
<i>Тищенко П.Д.</i> Концептуальные основания биотического анализа цифровизации и датификации медицины.....	124
<i>Шевченко С.Ю.</i> Нейроэтика и нейровласть.....	127

ЧАСТЬ 4

ЭТИКА И НОРМАТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

<i>Барташевич Т.Ю., Овчинникова Е.А.</i> Экспертный потенциал этики в пространстве современной науки.....	131
<i>Водяникова И.Ф.</i> Наука - путь преодоления глобальных проблем.....	134
<i>Ерохина Е.А.</i> Народ или нация: этносоциальный менеджмент и две парадигмы этнологического-антропологического знания.....	136
<i>Карташева А.А.</i> Нормативность эмоциональных маркеров как условие их распознавания интеллектуальными системами.....	139
<i>Ларионов И.Ю.</i> Экологический аспект деятельности археолога и профессиональная этика ученого.....	142
<i>Мясников А.Г., Мясникова Т.А.</i> Философский анализ традиционных постулатов несвободы в условиях информационной революции.....	146
<i>Перов В.Ю.</i> «Гражданская наука», сетевые сообщества и профессиональный этос науки...	150
<i>Шевченко А.А.</i> Блокчейн: общественное благо или технология зла?.....	154

НАУКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

О НЕКОТОРЫХ УСЛОВИЯХ НАУЧНОГО УСПЕХА*

Александр Юрьевич Антоновский

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН,

E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Тот, кто является единственным знатоком (как, например, социолог, анализирующий какую-то особую малоизученную возрастную и культурную, религиозную, этническую группу в отношении ее каких-то специфических взглядов), тот в определенной степени гарантирует себе успех исследования, прежде всего успех принятия публикации в печать. То же касается и биолога, анализирующего какой-то редкий вид организмов, и математика, специализирующегося в узкой области. Ведь в соответствующей высоко-специфической области публикации об очень специфическом объекте или предмете не встретит "внутривидовых" конкурентов. Ответим на этот вопрос с помощью Макса Вебера.

Ключевые слова: Макс Вебер, наука, социальная эпистемология, философия науки

ABOUT SOME CONDITIONS OF THE SCIENTIFIC SUCCESS

Alexander Yu. Antonovski

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: antonovski@iph.ras.ru

Anyone who is the only expert (like, for example, a sociologist who analyzes some particular, poorly studied age and cultural, religious, ethnic group in relation to its specific views) will to some extent guarantee the success of research, especially the success of proceeding the publication in print. The same is applied to a biologist who analyzes some rare species of organisms and to a mathematician who specializes in a narrow field. Indeed, in the corresponding highly specific field of publication about an extremely specific object or subject, there are no "intraspecific" competitors. We will answer this question with the help of Max Weber.

Keywords: Max Weber, science, social epistemology, philosophy of sciences

И конечно, можно задуматься, каковы пределы такой специализации? Дойдет ли развитие науки до некой гипотетической предельной стадии - один ученый - одна проблема? А что делать наукам, у которых есть некий общий набор предельно обобщенных так называемых "вечных" проблем? На эти вопросы попытался дать ответ Мак Вебер [1]. И вот уже здесь начинает вырисовываться компенсаторное призвание, взамен призвания прошлого – приоткрывания божественного установления.

На первый взгляд, мы можем согласиться с Вебером, что "призвание" – это находит выражение в некоем выплеске индивидуального внутреннего чувства [2]. Вебер говорит о «переживании полноты, страсти, упоения наукой».

* Статья написана при поддержке РФФИ, грант РФФИ № 18-011-00980 «Социальная эволюция и прогресс как категории номотетического познания»; Грант РФФИ № 18-011-01097 «Социальная теория и власть. Современная российская перспектива».

И связаны эти чувства, в первую очередь, со специализированным индивидуальным достижением. Правда, стоит добавить, что никакого упоения не будет, если это личное переживание не встретит еще и *признания* в процессе рефлексии. Достижение должно быть социально-признано или хотя бы принято к рассмотрению научным сообществом.

В этом смысле такое личностное переживание-упоение оказывается "социальным чувством", назовем это, генерализированной мотивацией. Это значит, что в случае фактического наличия некоторой другой мотивации к научной деятельности (деньги, карьера, честолюбие) ученый все равно должен себя вести так, будто у тебя есть этот внутренний поглощающий интерес и любопытство.

Но еще важнее, что это чувство социально в том смысле, что оно носит *компенсационный* характер и связано с фундаментальным *временным* характером науки как института, как производителя специфического и главное – быстро-портящегося продукта. Означенная специализация, и практически гарантированное на ее основе личное достижение, – как маркер современной науки, – как раз и призвано компенсировать прессинг и быстротечность научного времени. Ведь это *нейтрализует* тот самый веберовский релятивизм и конструктивизм [3] научных истин. Все фундаментальные теории сменяют друг друга, однако специализация делает возможным появление неких «устоев» во временном потоке сменяющих друг друга научных достижений. В качестве иллюстрации приведет слова Фейгеля в отношении временного релятивизма Веберовского типа, который он же сам и снимает в своем тезисе о специализации. «Я не впечатлен такими чисто спекулятивными возможностями, которые неутомимо изобретаются ... с помощью шокирующе-абстрактной супер-софистичности ... Тысячи физических и химических констант фигурируют в поразительно устойчивых эмпирических законах. Рефракция проявляется в бесчисленном числе прозрачных субстанций (разных типах стекла, кварца, воды, спирта), удельные веса, удельные температуры, удельные теплоемкости, теплопроводности, электроемкости и электропроводности десятков тысяч субстанций ... - все продолжают использоваться и необходимы для проверки теорий более высокого уровня.» [4, с. 48].

Это первый парадокс, который мы хотели бы отметить: наука временна и одновременно вневременна. И специализация разрешает этот парадокс. Наука временна в глобальных масштабах и гранд-теориях, но вневременна или долговременна в специализированных достижениях, на уровне законов и теориях среднего уровня.

Второе условие успеха современной науки, которое формулирует Вебер, – это парадоксальная констелляция противоположностей: например, сопряжение интуиции и расчета, озарений и вычислений, индивидуального открытия и коллективно-разделяемого обоснования, роли дилетантов и специалистов. Это парадоксальное свойство коллективно-индивидуального (или социального) измерения научной коммуникации [5, 6] наука это коллективное и в то же время индивидуальное предприятие.

Но и этот парадокс получает разрешение: наука индивидуальна в ее логике открытия (озарение, интуиция), но коллективна в ее логике обоснования (расчет, калькуляция).

Третье условие успеха, которое формулирует Вебер, состоит в том, что современная наука выделена из общества, но все-таки остается обществом, поскольку, по крайней мере, на уровне организации, существенно не отличается от офиса или экономического предприятия. В обоих случаях должен присутствовать организационный запрос на предприимчивость.

Но что же в этом случае критериально отличает науку от других сообществ? Вебер полагает, что наука представляет собой особое сообщество, где социальный контроль минимизирован, и социальные иерархии и субординации не ограничивают существенно шансы на успех у одних в пользу других. *Дело* – вот главный научный ориентир, которому подчиняется любое личностное или коллективное достижение. *Личное достижение в науке демонстрирует как раз тот, кто от своей личности отказывается и посвящает себя делу, словно растворяется в предмете исследования.*

В науке социальное измерение, т. е. инклюзия в научное сообщество, удостоверяется, во-первых, *предметно* и, во-вторых, *во времени*. Другими словами, личное достижение фиксируют там, где о *предмете* научного интереса высказались *раньше* других. Контроль поведения, инклюзия в сообщество и положение в научном сообществе подчинено измерению предметному и временному, а распределение вознаграждений за научные достижения не контролируется исключительно социально, тем или иным положением исследователя в иерархии.

И здесь, очевидно, мы опять сталкиваемся с парадоксом, ведь личность проявляет себя именно там, где от личности (скажем, особенностей индивидуального восприятия, идиосинкразии ученого) и именно ради личного успеха приходится отказываться и апеллировать исключительно к свойствам наблюдаемого предмета.

Итак, перечисленные смыслы или условия возможности науки предположительно должны были компенсировать утраченное или иллюзорное призвание ученого по открыванию истины и бытия. Но они еще недостаточно фундаментальны, и мы бы сказали, несколько тривиальны.

Все-таки главная функция или задача науки, как ни тривиально это звучит, проистекает из ее уникальной способности поставлять знание в распоряжение общества и открывать законы. И именно это должно было бы мотивировать исследователей. Однако такая вроде бы очевидная *самоценность знания*, внутренняя ценность познания, независимая от утилитарных нужд, средствами науки, по Веберу, как раз и невозможно доказать. Так, физика формулирует, словами Вебера, «последние законы космического процесса», но стоят ли они этого познания или нет, доказано не может быть. Ценность познания и ценность науки всегда остается под вопросом.

В этом и состоял главный парадокс, который формулирует Вебер: *у объективного познания необъективные основания*.

Главный когнитивный ресурс науки – средства эмпирической проверки – не может быть применен к ее предпосылке: ее собственной нужности и ценности для общества и человека. Правда, сравнивая науку и теологию, Вебер несколько непоследовательно упрекает уже теологию в том же самом недостатке – неспособности рефлексировать свои предпосылки, и отличает тем самым теологию от науки.

Итак, ценность науки не может быть доказана. И тут же Вебер попытался ее доказать. Ценность науки и одновременно призвание ученого, оказывается, состоят в том, чтобы обеспечить *ясность* определения противоположных ценностных позиций. Ученый не является «вождем» (и научная коммуникация тем самым демаркируется от политики [7] [8]), но он, однако, предстает «судьей», правда, без права выноса решающего суждения. Пусть он не способен раскрыть замысел бога, зато сам как бы занимает позицию бога. Он, как всеприсутствующий наблюдатель, наблюдает мир одновременно со всех и ценностных, и объективных позиций, и предлагает человеку осуществить свой свободный выбор: между ценностной (религиозной, эстетической) точкой зрения и объективным, научно-ориентированным взглядом.

И снова возникает парадокс: партикуляризм науки состоит в ее универсальности, в мировоззренческой всеохватности. Наука, не принуждает к занятию позиций, но показывает человеку, какие последствия имеет то или иное действие, реализующее ту или иную мировоззренческую или ценностную ориентацию. Так, если индивид разделяет некоторую фанатичную религиозную позицию, тогда придется считаться с определенными последствиями в защите своих ценностей. Мировоззренческие карты благодаря науке оказываются вскрытыми.

Литература

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
2. Weber M. Schriften 1894 – 1922. Stuttgart: Kröner, 2002. Band 233. 863 S.
3. Лекторский В.А., Пружинин Б.И., Антоновский А.Ю. и др. Конструктивизм в философии и науках о человеке (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2008. №3. С. 3–36.
4. Feigl H. Empiricism at Bay // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. Minneapolis. 1972. Vol. 5.
5. Антоновский А.Ю. Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 52. № 2. С. 201–214.
6. Касавин И.Т. Интерактивные зоны: к предистории научной лаборатории // Вестник РАН. 2014. Т. 84. No 12. С. 1098–1106.
7. Kasavin, I.T. Norms in cognition and cognition of norms // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. Vol. 54. No 4. pp. 8-19.

8. Антоновский А.Ю., Бараиш Р.Э. «Истина» и «власть» как категории социальной философии// Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 102—116. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.07.

ПСЕВДОЗОНЫ ОБМЕНА: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ*

Александр Михайлович Дорожкин

*Доктор философских наук, профессор кафедры философии
Нижегородский государственный университет им. Лобачевского.
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com*

В работе дается краткое сообщение о зонах обмена и их исследованиях. Указываются особенности различных типов зон обмена: галисоновских - общение в научной среде; гумбольдтовских - общение в процессе обучения и негумбольдтовских - отношения между членами научного и ненаучного сообществ. Обсуждаются основные условия формирования псевдозон обмена. Приводится типичный пример псевдозоны и называются причины ее возникновения. Рассматриваются возможности распространения выделенных особенностей для галисоновских, гумбольдтовских и негумбольдтовских зон обмена. Кратко анализируются особенности возникновения и функционирования псевдозон в отмеченных типах взаимоотношений. Высказывается предположение о наименьшей вероятности появления псевдозон галисоновского типа. Отмечается, что возникновение псевдозон гумбольдтовского типа более вероятно. Называются причины такого вывода. Наибольшая вероятность появления псевдозон фиксируется в зонах негумбольдтовского типа. Объясняется причина этого, а также высказывается предположение, что некоторые из подобных построений имеют оправдания.

Ключевые слова: Галисоновские зоны обмена, гумбольдтовские зоны обмена, негумбольдтовские зоны обмена, псевдозоны обмена, объяснение, понимание, лженаука

PSEUDO-EXCHANGE ZONES: MAIN FEATURES AND REASONS OF APPEARANCE

Alexander M. Dorozhkin

*DSc in Philosophy, Professor
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com*

The article gives a brief report on exchange zones and their research. The features of various types of exchange zones are indicated: Galison - communication in the scientific community, Humboldt - communication in the learning process, and non-Humboldt - the relationship between members of the scientific and unscientific communities. The basic conditions for the formation of pseudo-exchange zones are discussed. A typical example of a pseudo-zone is given, and the reasons for its occurrence are called. The possibilities of the distribution of the distinguished features for the Galison, Humboldt and non-Humboldt exchange zones are considered. The features of the appearance and functioning of pseudo-zones in the noted types of relationships are briefly analyzed. An assumption is made of the least likelihood of the appearance of Galison-type pseudozones. It is noted that the emergence of pseudo-zones of the Humboldt type is more likely. The reasons for this conclusion are called. The greatest probability of the appearance of pseudo-zones is fixed in zones of a non-Humboldt type. The reason for this is explained, and it is also suggested that some of these constructions

* Исследование выполнено по гранту РНФ № 18-18 00238, «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры».

have excuses.

Keywords: Galison exchange zones, Humboldt exchange zones, non-Humboldt exchange zones, pseudo-exchange zones, explanation, understanding, pseudoscience

«Зоны обмена» - термин, введенный П. Галисоном для рассмотрения проблемы общения представителей научного сообщества. [1]. Идея получила определенное развитие, как в зарубежной философии [2],[3],[4] и др., так и в отечественной. Что касается последнего, то группа исследователей под руководством И.Т. Касавина предложила и разрабатывает дополнения к «галисоновским зонам обмена», касающиеся проблем общения в процессе обучения - «гумбольдтовские зоны обмена» и в процессе общения представителей научного сообщества с представителями ненаучного сообщества - «негумбольдтовские зоны обмена» [5], [6] и др. В ходе такой разработки выяснилась и возможность формирования псевдозон обмена. Такая возможность отмечена в общих чертах в [7]. В данной работе мы постараемся немного подробнее рассмотреть этот вопрос.

С нашей точки зрения такие псевдозоны могут возникать во все типах зон, причем причины возникновения и характерные особенности для разных типов зон будут различны. Однако, можно выделить и наиболее характерные особенности псевдозоны обмена в целом. Наиболее простой и яркий вариант построения псевдозоны это, по видимому, некоторые случаи общения ребенка со взрослым человеком. Ребенок делает попытку открыть зону обмена задавая различные вопросы. При этом на некоторые из вопросов ребенку можно дать точный ответ, а на некоторые нет. Примеры последних - вопрос о его происхождении, вопрос о возможности заключать кровнородственные браки и т. п. Взрослый человек при этом оказывается в довольно затруднительно положении. Можно, конечно, закрыть зону, то есть не отвечать на поставленный вопрос, сославшись на занятость или, - еще хуже, - ответить грубостью: мал еще знать это, или нечто подобное. Но, как правило, предпочтение отдается построению псевдозоны: со ссылками на аистов, капусту, и прочие причины происхождения, кровосмешения или других вопросов, истинные ответы на которые ребенку знать еще действительно рано. По сути это ложные ответы на поставленный вопрос и тогда, псевдозона будет определена как общение с элементами лжи, по крайней мере с одной стороны. Отметим однако, что общение ребенка со взрослым довольно не просто вписывается в предложенную выше классификацию зон обмена. Действительно, такая зона общения не является ни по каким признакам ни «галисоновской» ни «негумбольдтовской». С определенной «натяжкой» ее можно квалифицировать как «гумбольдтовскую», но и здесь возникнут определенные сомнения в силу как раз того, что ответ на поставленный вопрос ложен, причем ложен по своей сути, а при построении гумбольдтовской зоны ложные ответы не допустимы, иначе образование теряет всякий смысл. Следовательно, приведенный пример псевдозоны с ее характерной особенностью не является типичным, а возможно и вообще не является псевдозоной.

Однако, тогда мы вправе, задать вопрос: как быть в тех случаях, когда одной из сторон формирующейся зоны обмена, задавшей какой - то вопрос, истинного объяснения, то есть полного и однозначного ответа на этот вопрос, просто не понять? Заявить ему это - означает закрытие зоны обмена и это не самый лучший вариант развития событий. Открытую ребенком зону предпочитают каким - либо образом оставить открытой. И такая ситуация является уже типичной не только для общения ребенка и взрослого, но и для любой формы общения. Каким образом это реализуется, в случаях, когда ложные ответы недопустимы? П.Галисон утверждает, что для построения зоны обмена между членами научного сообщества, необходимо сформировать соответствующий уровню понимания всех сторон такого обмена, язык - «пиджин сайенс» [1]. Логично предположить, что такое же условие должно иметь место и для других, отмеченных выше типов зон обмена, иначе просто таких зон не возникнет. В нашем примере истинный ответ на поставленный ребенком вопрос предполагает использование знаний и терминов, совершенно не знакомых ребенку, поэтому выход из такой ситуации не просто нахождение нужного языка общения, но и предельное его упрощение, что и приводит в конце концов к неверному ответу на поставленный вопрос. И такая ситуация, по нашему мнению, будет иметь место также и для всех зон обмена, независимо от того, подпадает ли приведенный нами пример под приведенную типологию зон. Таким образом получается, что при построении любой зоны обмена и как следствие формирование соответствующего конкретной зоне упрощенного языка, такое упрощение может достигнуть таких пределов когда необходимость достижения понимания сообщения приведет к неверному или, в предельном случае, ложному

объяснению. Это и есть псевдозона обмена.

Итак, если упрощение приводит к построению псевдозоны, то не лучше ли вообще не предпринимать попыток общения? Ведь ложный ответ может повлечь за собой далеко идущие негативные последствия. Вопрос может быть поставлен и таким образом: что есть большее «зло» – закрытие зоны общения из-за опасения построения псевдозоны или же само прекращение общения: ведь после этого оно может и не возобновиться ни при каких условиях? Мы полагаем, что здесь и начинаются проявляться различия особенностей псевдозон, – вернее, – их оценок при различных типах общения.

Отличие типов зон обмена определяется в данном случае активностью или пассивностью различных сторон общения. Мы имеем в виду следующее: при построении галисоновской зоны обмена обе стороны общения заинтересованы в построении и активном развитии зоны обмена. Обе стороны заинтересованы в получении как можно большей информации друг от друга, причем информации достоверной и при этом обе стороны имеют определенные критерии достоверности такой информации. При попытках формирования псевдозоны здесь возможен контроль и коррекция недостоверной информации, причем с обеих сторон. Как следствие, фиксируемые сторонами псевдозоны определяются как лженаучная, псевдонаучная и т.п. Конечно, и здесь возможны ошибки, но для науки характерно то, что они довольно быстро исправляются. Таким образом построение псевдозоны здесь наименее вероятно.

В случае построения гумбольдтовской зоны обмена, контроль за достоверностью информации при ее передаче на языке, доступном пониманию учениками, может осуществлять только одна из сторон. При этом, силу все большего отхода современных принципов образования от непосредственного контакта учителя и ученика, исчезает возможность учителя узнать, понимает ли его ученик. Эти условия ставят перед учителем выбор: либо отказаться от формирования языка упрощения и прослыть среди учеников формалистом не умеющим и не желающим дать внятное объяснение, либо прибегнуть к рискованным и никак не проверенным упрощениям. И это обуславливает возникновение здесь псевдозон.

Однако, с нашей точки зрения, наиболее вероятное появление псевдозон следует ожидать в негумбольдтовских зонах. И нужно отметить, что, за исключением случаев откровенного плутовства, построение таких зон зачастую оправдано. Как известно, до середины прошлого века, доктрина, определяющая отношение научного сообщества к обществу в целом, носила название «доктрина академической свободы» и она давала возможность представителям научного сообщества самостоятельно распределять средства, необходимые для его деятельности. Обоснование такому положению дел – невозможность объяснить общественности сути научной деятельности, а следовательно и невозможность построения зоны обмена. Если такие попытки и будут предприняты, единственный результат – построение псевдозоны. Однако это доктрина была заменена «доктриной социальной ответственности ученого». Причиной замены часто называют использование открытой учеными атомной энергии не в мирных целях. По сути это означало, что общество не желает финансировать научные исследования без обсуждений как их социальных последствий, так и вообще целесообразности их проведения. Следовательно общество требует построения зоны обмена. Причем, это в условиях, когда язык науки становится все более и более специфическим, а следовательно построение такой зоны становится весьма проблематичным. И разумеется, возникает вполне обоснованный соблазн для ученых построить псевдозону, не фиксируемую как таковую другой стороной. Известен случай с Д.И. Менделеевым, который вынужден был для продолжения исследований глубокого вакуума добиться у военного ведомства в Спб. средств на получение взрывчатых веществ. В дополнение к этому, сошлемся на многочисленные примеры из истории научных открытий приведенные Ю.В. Чайковским в [8], которые также свидетельствуют о крайне непростой судьбе признания обществом различных научных достижений.

Разумеется, мы не считаем, что причины и особенности псевдозон обмена ограничиваются отмеченными выше. Запредельное упрощение вырабатываемого языка общения или намеренно ложная информация – это всего лишь одни из возможных характеристик таких зон. Дальнейшее же изучение вопроса требует значительно большего объема исследований, нежели допустимые в данном случае границы работы.

Литература

1. Galison P. Trading zone. Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader / Ed. by

M. Biagioli. New York: Routledge, 1999.

2. Rosbach D. Building a Transdisciplinary Trading Zone // The International Journal of Science in Society. 2012. Vol 3. Iss. 3 pp.17 – 30;

3. Gorman M., Swami N., Werhane P.H. Moral Imagination, Trading Zone and the Role of the Ethicist in Nanotechnology // Nano Ethics. 2009. Vol. 3. No 3. pp. 185-195.

4. Winther R.G. Evo-devo as a Trading Zone // A.C. Love (td) Conceptual Change in Biology, Boston Studies in the Philosophy and History of Science. Springer Science + Business Media Dordrecht. 2015.

5. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8-17.

6. Дорожкин А.М. Проблемы построения и типологии «зон обмена» // Эпистемология и философия науки. 2017 Т. 51. № 4. С. 10 -20.

7. Дорожкин А.М. Особенности построения негумбольдтовских зон обмена // Вестник Вятского государственного университета. 2018. №4. С. 7-13

8. Чайковский Ю.В. Будем осторожны с уверениями авторитетов (как устроена наука) // Вопросы истории естествознания и техники/ 2011. №3. С. 57 -70.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ НАУКИ

Андрей Олегович Зиновьев

Кандидат политических наук, доцент

Петербургский государственный университет путей сообщения

E-mail: azin73@mail.ru

В статье предлагается понимать феномен «научной революции» как исторически связанный с политическими революциями. Две символические фигуры научных революций – И. Ньютон и А. Эйнштейн жили в эпохи политических революций. Хотя наука связана с коммуникативной рациональностью в смысле Ю. Хабермаса, еще более современная наука связана со стратегической рациональностью и встроена в идеологический порядок государства. Парадигма в смысле Т. Куна, возможно, является частью более широкой идеологической «парадигмы» «старого порядка». В начале политической революции происходит разрушение идеологической «парадигмы» (утрата легитимности «старого порядка»), что способствует принятию новой парадигмы в смысле Куна. Политические революции сделали возможным принятие новых парадигм И.Ньютона и А.Эйнштейна.

Ключевые слова: политическая революция, научная революция, парадигма, стратегическая рациональность, коммуникативная рациональность, «старый порядок»

POLITICAL REVOLUTION AND STRATEGIC RATIONALITY OF SCIENCE

Andrew O. Zinoviev

CSc in Political Sciences, Associate Professor

Saint Petersburg State Transport University

E-mail: azin73@mail.ru

The article proposes to understand the phenomenon of “scientific revolution” in historical association with political revolutions. Two symbolic figures of scientific revolutions - I. Newton and A. Einstein - lived in the era of political revolutions. Although science is connected with communicative rationality in the sense of J. Habermas, the modern science is even more associated with strategic rationality and embedded in the ideological order of the state. The paradigm in the sense of T. Kuhn is perhaps a part of a broader ideological “paradigm” of the “ancien regime (old order)”. At the beginning of the political revolution, the ideological “paradigm” is destroyed (the

legitimacy of the “ancien regime (old order)” is lost), and this occasion contributes to the adoption of a new paradigm in the sense of Kuhn. Political revolutions made possible the adoption of new paradigms by I. Newton and A. Einstein.

Keywords: political revolution, scientific revolution, paradigm, strategic rationality, communicative rationality, “ancien regime (old order)”

Научные революции в смысле Томаса Куна [1], которому принадлежит заслуга объяснения важности истории для понимания естественных наук, возможно, следует понимать не только как метафору. Два наиболее известных символа научных революций – Исаак Ньютон и Альберт Эйнштейн, жили в эпохи политических революций. Есть основания видеть в данном факте не просто случайность, а существенную историческую связь между политическими революциями и сменой научных парадигм. По мнению Макса Вебера [2], страсть и призвание объединяют политику и науку, а наиболее полно призвание ученого проявляется в эпоху политических революций и при создании новой парадигмы.

В естественных науках присутствует философский аспект понимания мира и в данном смысле любая наука связана с коммуникативной рациональностью как деятельностью по поиску лучших аргументов. Именно характер научной коммуникации послужил прообразом выделения Юргеном Хабермасом понятия «коммуникативной рациональности» [3]. В некотором смысле естественные науки, как и науки об обществе, занимаются социальной герменевтикой в виде адаптации своего знания для общества. Но, с другой стороны, как показал в своих работах Бруно Латур [4], естественные науки более подвижны достижением конкретных целей, то есть «стратегической рациональностью» в понимании Хабермаса. Коммуникативная рациональность «проблематизирует» (если воспользоваться понятием Мишеля Фуко) вхождение субъективного опыта в социальные отношения, с учетом реалий объективного мира. В рамках когнитивно-инструментальной рациональности «проблематизируется» вхождение объективной реальности в субъективный опыт ученого, который уже опосредован тем обществом (социальным миром), в котором ученый живет, то есть «проблематизируются» отношения между «действительностью» и «наукой». Перенос инструментальной рациональности на социальный мир, это и есть стратегическая рациональность, которая предполагает обращение с другими людьми как с объективными элементами ситуации. Для стратегической рациональности характерен акцент на объективном характере познания и рациональности. Напротив, для коммуникативной рациональности важен акцент на субъективности нашего познания в широком смысле, на его постоянном движении от отдельного человека к обществу и обратно, на «идеальных» аспектах рациональности. В своем различении двух типов рациональности Хабермас критикует и развивает представления о науке Вебера, для которого основой рациональности была стратегическая рациональность, смысл был связан с культурой и религией, а не с особой формой рациональности, которую Хабермас выделил как коммуникативную рациональность. Для Вебера, как и для Латура, наиболее полным выражением современной науки выступает «нормальная наука» Томаса Куна, в которой стратегическая рациональность конкретных целей и задач преобладает над проблемами понимания и смысла. Иначе говоря, бюрократия науки как выражение стратегической рациональности государства. Естественные науки развивались в связи со стратегической рациональностью государства в военной сфере, с военными потребностями государства, а с недавнего времени их развитие направлено на удовлетворение экономических потребностей государства, направляется стратегической рациональностью экономических «менеджеров».

Связь естественных наук с потребностями государства может включать их в поддержание «старого порядка» (то есть состояния государства до революции), включает в сети идеологической власти (в смысле Майкла Манна [5]) «старого порядка». Включенность естественных наук в сети идеологической власти делает радикальные перемены в содержании естественных наук значительно более сложным делом. Именно в данном ключе, на мой взгляд, можно истолковать «дело» Галилео Галилея, который своими содержательными утверждениями в рамках физики подрывал более общий философский порядок идеологической власти католической церкви в Италии того времени. В условиях стабильной политической ситуации функционеры католической церкви (то есть носители идеологической власти) сочли своим долгом подавить выступление Галилея как политически (а не содержательно в рамках физики) неприемлемое подрывание «старого порядка». Понятие «парадигмы» в смысле Куна

можно расширить до понятия идеологической парадигмы «старого порядка», которое включает в себя все существенные аспекты идеологической власти «старого порядка», а не только стабильное состояние естественнонаучного знания. Можно сказать, что Вебер описывал отношения между наукой и смыслом именно в рамках устойчивой идеологической «парадигмы» «старого порядка» в Германии, которую считал нужным защищать и после ее краха в 1918 году.

В случае с Исааком Ньютоном [6], его личные усилия по завершению новой парадигмы естественнонаучного знания совпали с эпохой максимальной политической нестабильности в Англии того времени. Начальный этап любой политической революции содержит в себе существенную утрату легитимности «старого порядка», то есть разрушение его «идеологической парадигмы». Как писал Стивен Шейпин: «Когда системы социального контроля работают без каких-то ощутимых вызовов, тогда авторитет знания, воплощенного в институтах, кажется практически необоримым. А когда институты оказываются под атакой обстоятельств, они неизбежно распадаются, и в центре обсуждения оказывается проблема знания и его легитимации.» [7, с. 466]. Этот процесс, разрушающий идеологический порядок в обществе в целом, существенно облегчает смену «парадигмы» в смысле Куна, а создание нового революционного государства облегчает процесс включения новой парадигмы естественнонаучного знания в стратегическую рациональность данного государства. Облегчает признание «практической» ценности новой парадигмы естественнонаучного знания со стороны государственной бюрократии. Благополучная личная судьба Исаака Ньютона как ключевой символической фигуры «научной революции» была связана с его успешной интеграцией в новое государство, которое было создано в результате успешной политической революции. Новая парадигма Ньютона (естественнонаучного знания) стала частью новой идеологической «парадигмы» английского государства.

В случае Альберта Эйнштейна [8], его успех как создателя новой парадигмы сопоставим с успехом Ньютона, но был существенно хуже с точки зрения его личной безопасности и успешности в немецком обществе и государстве. Как ученый-физик Эйнштейн был принят до политической революции в Германии, но его еврейское происхождение и политические взгляды стали приемлемыми только в эпоху Веймарской республики. Принятие новой парадигмы Эйнштейна было изначально связано с деятельностью либеральной части немецких ученых. Политическая революция в Германии и создание Веймарской республики усилили позиции либеральной части немецких ученых, хотя значительная часть научного сообщества Германии остались сторонниками идеологической «парадигмы» «старого порядка» [9]. Либеральная часть немецкого научного сообщества, которая доминировала в естественных науках, включила авторитет немецкой науки для поддержания идей Эйнштейна во всем мире. Идеи Эйнштейна стали частью идеологической борьбы в Веймарской республике и потерпели поражение, что привело к бегству Эйнштейна из Германии. Политическая революция в Германии помогла принятию новой парадигмы Эйнштейна, но личная судьба Эйнштейна была более трагична по сравнению с Ньютоном (хотя и более счастлива по сравнению с Галилеем). Существенно важно, что крах Веймарской республики произошел уже после всеобщего признания новой парадигмы Эйнштейна и уже не мог существенно повлиять на ее судьбу во всем мире (но не в Германии 1933-1945 годов).

Хотя в области содержания физики ученый относительно отделен от политических процессов своего времени, он включен в данные процессы как житель суверенного государства, в котором он ориентирован на относительный материальный успех и относительную личную безопасность как создатель новой парадигмы естественнонаучного знания. События политической революции резко повышают шансы на успех создателей новых парадигм в любой сфере человеческой деятельности, в том числе в области естественнонаучного знания. Таким образом, создатели новых парадигм естественнонаучного знания живут в обществе, их парадигмы меняют часть стратегической рациональности в общем объеме стратегической рациональности государства, и, по данной причине, на их успех влияют политические революции в их государствах.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. 608 с.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное. М.: РОССПЭН, 2006.

C. 529-546

3. *Habermas J.* Theorie des kommunikativen Handelns. Band I. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982. 546 s.

4. *Латур Б.* Наука в действии. СПб.: ЕУ в СПб., 2013. 414 с.

5. *Манн М.* Источники социальной власти. Т. 3. Глобальные империи и революция, 1890-1945 годы. М.: Дело, 2018. 696 с.

6. *Park C., Daston L. (Ed.)* The Cambridge History of Science. Volume 3: Early Modern Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 870 p.

7. *Деар П., Шейтин С.* Научная революция как событие. М.: НЛО, 2015. 576 с.

8. *Пайс А.* Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна. М.: Наука, 1989. 568 с.

9. *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. М.: НЛО, 2008. 648 с.

ПСИХОЛОГИЗМ ПРИЗВАНИЯ: КРИТИКА СТАНДАРТНОГО ПОДХОДА*

Илья Теодорович Касавин

Доктор философских наук, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: itkasavin@gmail.com

Лекция Макса Вебера «Наука как профессия и призвание» (в русском переводе) дала начало для резкого противопоставления этих двух ипостасей науки. В статье это называется «стандартным подходом» и подвергается критике. Реконструируются возможные методологические и теоретические истоки данного подхода, которые обнаруживаются в «гильотине Юма» Макса Блэка и в парадоксе Мертона-Поппера. Дальнейший анализ показывает, что последовательное прочтение Вебера и принятие всерьез тезиса расколдовывания мира позволяет избавиться от призвания от непостижимости и мистичности и понять его как естественное дополнение профессии.

Ключевые слова: профессия и призвание, стандартный подход, гильотина Юма, парадокс Мертона-Поппера

PSYCHOLOGISM OF A VOCATION: A CRITIQUE OF THE STANDARD APPROACH

Ilya T. Kasavin

DSc in Philosophy, Chief Researcher

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: itkasavin@gmail.com

Max Weber's lecture "Science as a Vocation" (in Russian translation) gave rise to a sharp contrast between these two embodiments of science. In the article, this is dubbed a "standard approach" and is critically examined. The paper contains a reconstruction of possible methodological and theoretical origins of this approach represented by Hume's Guillotine (Max Black) and in the Merton-Popper paradox. Further analysis shows that the consistent reading of Weber and taking seriously his thesis of the disenchantment of the world allows riding the vocation of incomprehensibility and mysticism and understanding it as a natural addition to the profession.

Keywords: profession and vocation, the standard approach, Hume's Guillotine, the Merton-Popper paradox

Предметом исследования является подход, ссылающийся на Макса Вебера [1] и опирающийся на непримиримое противостояние профессии и призвания. Я буду называть его «стандартным подходом». Его исходной предпосылкой является железный занавес между внешним и внутренним миром и, тем самым, непреодолимый дуализм профессиональной

* Выполнено по гранту РФФИ 20-011-00397 А, «Эпистемология добродетелей: ценностно-нормативный образ субъекта познания».

«объективной» науки, с одной стороны, и призвания как часть *Lebenswelt*, с другой. Существует, по крайней мере, два известных аргумента в пользу стандартного подхода, а именно: «гильотина Юма» и парадокс Мертона-Поппера. Мы постараемся показать, что они с таким же успехом могут быть истолкованы как аргументы против него, а именно, в пользу взаимной дополнительности профессии и призвания.

Макс Блэк известен, кроме всего прочего, тем, что изобрел гильотину Юма со ссылкой на довольно расплывчатый отрывок из «Трактата» [2]. По словам Блэка, проблема “is–ought problem” (проблема сущего-должного) состоит в признании резкого различия между «экзистенциальными» фактуальными утверждениями и общими нормативными утверждениями. Кажется очевидным, что не существует корректного логического способа перейти от «есть» к «долженствованию», от дескрипций к предписаниям, от моральных или научных фактов к моральным нормам или законам природы. Мы откладываем в сторону известную и значимую дискуссию, спровоцированную намерением Блэка избежать скептицизма в отношении общих утверждений. Вместо этого, мы сосредотачиваемся на неожиданных следствиях из «гильотины Юма» для этики науки, которой предстоит примирить профессию и призвание. В этом случае мы сталкиваемся с двумя рядами событий.

Первый ряд – это профессиональная наука. В ней есть, во-первых, последовательность наблюдаемых фактов, представляющих науку как поиск объективных знаний с помощью рациональной логики и эмпирических данных, и во-вторых, социальный институт, также основанный на таких твердых артефактах, как журналы, книги, инструменты, университеты и лаборатории.

Второй ряд событий представляет собой призвание: набор ментальных состояний (идеи, образы, ощущения и их ассоциации), который интерпретируется при определенных условиях как доказательство в пользу того или иного выбора профессии. Мы полагаем, что выбор конкретной профессии является продуктом рационального решения в пользу более высокой заработной платы, любого другого «материального» преимущества или, по крайней мере, некой случайности. И напротив, призвание избирается по другой причине; такой выбор руководствуется, скорее, некой духовной склонностью или ценностью, что делает его не просто биографическим фактом, а судьбоносным событием. В первом случае в целом можно проследить аргументы в пользу выбора профессии и представить их в логической последовательности. Но во втором случае аналогичный дискурс вряд ли возможен, как скоро выбор коренится в глубине сознания и протекает в молчаливой форме квазирелигиозного «обращения»: это внезапное открытие своей судьбы.

Гильотина Юма, применяемая к различию профессии и призвания, казалось бы воспроизводит контрверзу Х. Райхенбаха, противопоставившего логике обоснования психологию (или мистику?) открытия со всеми ее недостатками. Идея (концепция) профессии как института приобретает лишь шаткую основу в личных склонностях к призванию, и последнее также не выводится из профессии. Вряд ли можно оправдать идею (концепцию) призвания через ссылки на твердые факты профессии, не апеллируя к доказательной силе вероятностной логики. И факты профессии вряд ли можно вывести из идеи призвания, что делает последнее неуместным. Давайте представим это более формально.

Субъект Р сделал выбор в пользу науки как профессии Sp , потому что Sp имеет некоторые наблюдаемые свойства, или преимущества $M_{1,2,3 \dots n}$, побуждая Р верить в ценность Sp (социальный престиж, большое количество свободного времени, отсутствие тяжелой физической работы, высокая зарплата). Субъект Q, сделавший выбор в пользу науки в качестве призвания Sv , испытал некоторые ментальные состояния $E_{1,2,3 \dots n}$, побуждавшие его поверить в ценность Sv (романтический образ ученого, духовный интерес, рефлексивное отношение, специальные знания).

Сравнение этих двух дискурсивных рядов показывает их различия. В случае Sp аргументы для выбора интерсубъективны, и понятия имеют ясные и конкретные смыслы. В случае Sv понятия весьма абстрактны, и аргументы апеллируют к более субъективным предпочтениям. Тем не менее, специальное знание Sv аналогично социальному престижу в случае Sp : оба представляют собой социально принимаемые ценности. Зафиксируем этот результат следующим образом: даже гильотина Юма, применяемая к этике науки, не в состоянии полностью разграничить «объективную» профессию от «субъективного» призвания.

Рассмотрим еще один случай. Парадокс Мертона-Поппера возникает, если сравнивать этос науки Роберта Мертона с моральным смыслом фальсификационизма Карла Поппера [3]. Как и гильотина Юма, парадокс демонстрирует двойственность в согласовании Sp и Sv или учете их взаимной значимости. Основная цель этики науки Мертона заключается в том, чтобы найти основу для единства научного сообщества и добросовестности ученых. Наука, по словам Мертона, представляет собой институт для производства надежных знаний. Основным механизмом функционирования науки является свод правил, существующих в научном сообществе и регулирующих профессиональную деятельность ученых. Сила, приводящая в движение этот механизм, обеспечивается стремлением каждого ученого к профессиональному признанию, которое реализуется в институте науки. Предлагаемые императивы (коммунизм, универсализм, бескорыстие и организованный скептицизм) охватывают то, что связано с Sv, хотя и выявляют определенные противоречия между ними (бескорыстие находится в конфликте с авторитетом). Далее, Мертон разработал и расширил набор норм, чтобы понять и описать реальную научную деятельность, Sp. Его девять амбивалентных нормативных пар в случае реального применения способны даже больше препятствовать исследованиям, чем первоначальные четыре нормы. Однако, даже символизируя дамоклов меч над головой ученого, они эффективно функционируют в качестве нормативной обязанности выполнять итеративные моральные решения.

Фальсификационизм Поппера, казалось бы, направлен на представление Sv науки как «перманентной революции» путем отбрасывания опровергнутых теорий и гипотез, и тем самым он разрушает целостность научного сообщества. Однако Поппер считает, что предлагать смелые гипотезы и смелые фальсификации есть моральный долг ученого, который связывает научное сообщество и демаркирует его от лженауки, и, следовательно, устанавливает Sp. Если мой краткий анализ правдоподобен, то мы можем заключить: и Роберт Мертон и Карл Поппер, несмотря на свои различия, стремятся интегрировать профессию и призвание в науку.

Мы попытались артикулировать интуиции, лежащие в основе гильотины Юма и парадокса Мертона-Поппера, и применить их к профессии и призванию как двум измерениям науки. Напомним, что основная контрверза стандартного подхода сформулирована в двух вопросах. Нуждается ли профессиональная наука – институциональный культурный и социальный организм – в призвании, т.е. в констелляции расплывчатых психологических установок, избыточного воображения и слепой веры в культурные паттерны, навязанные человеку? Может ли призвание – весьма субъективная склонность или мифический призыв – быть основано на твердых фактах? С учетом вышеприведенного анализа мы получаем следующий вывод. Если последовательно соглашаться с Вебером в его расколдовывании внешнего мира, то мы рано или поздно приходим к задаче аналогичной депсихологизации внутреннего мира. Таким образом, Sv превращается в культурный паттерн, плод массовых коммуникаций, объективируемый в артефактах культуры и теряет свое «иррациональное» обличье. В таком случае стандартный подход просто вводит в заблуждение.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 707-735.
2. Black M. The gap between is and ought // The Philosophical Review. 1964. V. 73. Issue 2. P. 165-181.
3. Антоновский А.Ю., Бараиш Р.Э. О науке Макса Вебера: рецепция и современность // Epistemology & Philosophy of Science. 2018. Т. 55. № 4. С. 174–188.

НАУКА КАК БЕСПОКОЙСТВО ДУХА (СЛЕДУЯ ЗА К. ЯСПЕРСОМ)*

Надежда Александровна Касавина

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

Рассматриваются взгляды К. Ясперса о назначении науки как субъекта формирования и сохранения гуманистических ценностей общества и культуры. Рассуждая о науке в обществе первой половины – середины XX века, К. Ясперс подчеркивает ее сложное положение в мире культурного релятивизма и политического давления, что дополнительно высвечивает ее роль в раскрытии сознания эпохи, устройении социальной жизни, воспитании и образовании человека. Прослеживается связь между реализмом и гуманизмом в науке, которая проявляется как избавление ученого от опасных для сознания иллюзий и уважение к уникальной человеческой личности. Эта связь обосновывается К. Ясперсом как научный идеал, соответствующий современному облику науки, что не теряет своей актуальности и сегодня. Наука как путь и беспокойство духа разоблачает заблуждения и препятствует обманчивому успокоению во имя ясного видения человеческой ситуации, развития разума и продвижения гуманизма.

Ключевые слова: наука, ученый, гуманизм, философия, университет, М. Вебер, К. Ясперс

SCIENCE AS AN ANXIETY OF THE SPIRIT (FOLLOWING K. JASPERS)

Nadezhda A. Kasavina

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: kasavina.na@yandex.ru

The article examines the views of K. Jaspers on the purpose of science as a subject of the formation and preservation of humanist values of society and culture. While speaking of science in the society of the first half – the middle of the XX century, K. Jaspers emphasizes the difficult position of science in the world of cultural relativism and political pressure, which additionally shows its role in the disclosure of consciousness of the epoch, the structure of social life, upbringing and education of man. There is a connection between realism and humanism in science, which manifests itself as disabusing the scientist of delusions and respect for the unique human personality. This connection is justified by K. Jaspers as a scientific ideal corresponding to the modern look of science which does not lose its relevance today. Science as a way and a concern of the spirit exposes misconceptions and prevents deceptive comfort for the sake of a clear vision of the human situation, the development of mind and the advancement of humanism.

Keywords: science, scientist, humanism, philosophy, university, M. Weber, K. Jaspers

Столетие речи М. Вебера о науке как призвании и профессии инициировало проведение научных мероприятий и исследований, которые актуализировали вопросы о разрывании научного этоса и назначении деятельности ученого в современном мире. В связи с этим хотелось бы обратиться к идеям К. Ясперса, ученика и последователя М. Вебера, о призвании науки, университета, ученого через призму более поздних событий социальной, культурной, политической жизни. О М. Вебере он отзывался как о великом мыслителе своего времени. «Нас завораживал его прозорливый взгляд в будущее, его введение настоящего в целостность исторической перспективы и, одновременно, его твердая уверенность в жизненности только

* Работа проведена в рамках научно-исследовательского проекта РНФ 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как призвание и профессия».

современных экзистенциальных задач, под углом зрения которых творения прошлого, даже великие, подчас казались ему «старым хламом». Он обладал сознанием мира и самого себя в настоящем» [1, с. 556].

Первая половина XX века - время активного оформления ключевых контуров науки, определивших ее современный облик. Формирование этого облика включало видение места науки в общественной жизни, ее влияния на духовную ситуацию своего времени. В работах К. Ясперса, который во многом продолжил вектор веберовских размышлений о науке, исследуется ее сложное положение в мире культурной и политической рассогласованности, негативного влияния тоталитарного режима на свободный дух исследовательской и образовательной среды, признается ее высокое значение в устройении социальной жизни. Университет как место, где разворачиваются научные исследования, представляется как пространство раскрытия сознания эпохи [2, с. 36]. В контексте понимания идеи университета и возникающего на ее основе института проясняются отношения между наукой и философией

Свое время К. Ясперс представляет «разорванным, релятивистским, лишенным веры, интеллектуалистичным...» - «расколдованным», как обозначил его М. Вебер. Во многом эти черты упрочились с течением времени и стали постоянными атрибутами современной реальности. Каким образом в эту реальность вписана наука, как она на нее влияет, какие задачи стоят перед ней? Эти вопросы К. Ясперс освещал в рефлексии по отношению к научной деятельности в социальном и культурном континууме и формированию ценностей науки.

В своей философской автобиографии автор связывает избавление человека из плена иллюзий, которое протекает под влиянием научного познания, с гуманизмом, а именно, с пониманием того, «насколько бесконечен, неисчерпаем каждый человек в отдельности», с уважением к уникальной человеческой личности [3, с. 262]. Философ предостерегает ученого от иллюзии, будто бы он способен к всеохватывающему постижению человека. К. Ясперс, не только как философ, но и как врач считает, что столь необходимое, например, для врача-гуманиста трепетное отношение к человеку, благоговение перед ним сохраняется именно благодаря чувству неисчерпаемости личности, ее таинственности и загадочности. Для ученого-исследователя необходимо спасти человека уникального, неповторимого, индивидуального, даже если этот человек – лишь возможность, «бросающая свет на настоящее», и в этом – важнейшая задача науки и культуры, особый вклад в реализацию которой вносит философия.

В связи с вышесказанным, сомнение, вопрошание, скептицизм, осторожность в вынесении окончательных утверждений как черты научного познания сохраняют гуманизм. Подлинно научным является то знание, которое сознает свои границы и критично и к себе, и к окружающей действительности [3, с. 273]. По К. Ясперсу, не существует предела вопрошанию, с помощью которого осуществляется проверка представлений ученого.

В своей трактовке роли философии К. Ясперс призывает ее не выступать в роли проповедника или постулирующей инстанции. В «Психологии мировоззрений» он мыслит философию как интерес к человеку, заботу о нем, попытку предельной честности [2, с. 270]. Это поставлено в центр экзистенциальной философии, или философии существования и развернуто Ясперсом в вопросах о современной человеческой ситуации и контурах ее пограничности. Науку же он предостерегает от решения вопросов человеческого бытия, разделяя научное и экзистенциальное знание. Научное предметное познание не является познанием бытия и не ориентировано на само бытие. Ограничения науки связаны с тем, что «научное знание не способно ставить цели перед жизнью», оно само не утверждает значимых ценностей и, по большому счету, наука не может дать ответ на вопрос о своем собственном смысле». [2, с. 45]. Эти границы науки выполняют важную функцию. Они ограждают ученого и общество от суеверий и глубокого разочарования, которое следует за теми этапами в истории науки, когда от нее ожидают больше, чем она в состоянии дать.

Рассматривая вопрос о сущности науки, К. Ясперс прежде всего указывает, что она не оправдывает себя как компенсация (связь с техникой), а также как истина, касающаяся бытия как целого. Сомнению подвергается понимание ценности науки через полезность, а также рассмотрение ее как самоценности, как феномена науки для науки, что имело место в определенные исторические периоды.

Это объясняется тем, что техническая конструктивность науки имеет свои пределы, а техническая оснащенность является лишь одним из модусов человеческих возможностей в целом. Непосредственную полезность науки нельзя считать стимулом великих открытий. Как показывает история, часто они были далеки от их последующей применимости. В связи

с этим, полезность, служение жизненным целям не может быть полным и единственным смыслом науки. В качестве противовеса подчинению науки целям техники и жизненной практики наука была провозглашена как самоцель, но и это не устраивает К. Ясперса, поскольку приводит к ее обесмысливанию. Его идеи перекликаются с идеями М. Вебера, который в своем понимании науки выводил ее за пределы стремления общества к прогрессу и обустройству жизни. Поясняя эту задачу, М. Вебер обращался к имени Льва Толстого, показывая, что наука, помимо частных достижений, должна стремиться к постижению и укреплению духовного содержания жизни человека и культуры.

В чем же смысл науки и ее ценность? Отвечая на этот вопрос, К. Ясперс рассуждает в унисон с М. Вебером, который призывал науку к реальному видению «расколдованного мира» и судьбы человека. Стремление к настоящему «как оно есть», пристальное внимание к действительности во избежание опасных для человека, общества и культуры идейных химер и является той ключевой ценностью, которой должна служить наука. При этом, «наука является не твердой почвой, на которой я стою, а путем, которым я иду, чтобы в форме беспокойства (этого принадлежащего моему временному существованию стремления к знанию) удостовериться в трансценденции, которая уже руководит мной в стремлении к знанию» [2, с. 53].

Роль науки в том, что она разоблачает заблуждения, посредством которых человек и общество облегчают себе жизнь и ищут гарантий, снимает вуаль, скрывающую от человека пугающую его реальность, препятствует обманчивому успокоению. Наука как ясное видение ситуации человека только и может быть условием постановки реальных задач познания и «великой судьбой человека» [2, с. 54].

Наука всегда есть нечто большее, чем путь к определенным познавательным результатам, поскольку является сферой развития разума. «Решись быть мудрым!» (лат). К. Ясперс, обращаясь к этому яркому выражению, призывает ученого к решительному, требующему смелости и упорного труда неустанному стремлению к истине, которая раскрывает перед нами мир в его реальном своеобразии. Это раскрытие при условии сохранения свободы научного поиска и знания, творческого духа образования и университета является сильнейшим культурным фактором восхождения человечности. Становление модели науки, в которой сочетались бы гуманизм и реализм в целях взаимного прояснения и взаимопроникновения, К. Ясперс и считает главным смыслом деятельности ученого. Этот смысл не может быть представлен в готовом виде в нескольких формулировках, но должен быть пробужден, чтобы задавать масштаб научных исследований и коммуникации с сохранением в их поле человека как ценности.

Литература

1. *Ясперс К.* Речь памяти Макса Вебера. Выступление перед студентами Гейдельбергского университета на траурном заседании 17 июля 1920 года // Вебер М. Избранное. Образ общества. С. 553-556.
2. *Ясперс К.* Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с.
3. *Ясперс К.* Философская автобиография // Перцев А.В. Молодой Ясперс: Рождение экзистенциализма из пены психиатрии. СПб: «Владимир Даль», 2019. С. 240-393.

НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРЕПЯТСТВИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И ОБЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Алина Олеговна Костина

Кандидат философских наук, младший научный сотрудник

сектора социальной эпистемологии

Институт философии РАН

E-mail: alinainwndrln@gmail.com

Объединенное поле этики и эпистемологии, эпистемология добродетели, открывает новые возможности постановки и решения проблем, возникающих на

пути получения знания, а также плодотворного взаимодействия его субъектов. Несправедливость свидетельствования и герменевтическая несправедливость – два понятия, выдвинутые М. Фрикер, помогают понять, что несправедливость является более реальной практикой в институтах науки и за их пределами, нежели взятое в основу этических концепций понятие справедливости. Именно она становятся реальными преградами на пути развития знания. Субъект знания, который становится объектом недоверия, также становится жертвой приведенных выше видов несправедливости. Если путь преодоления первой – выработка рациональной эпистемологической чувствительности слушающего – может приравняться к индивидуальной задаче, то герменевтическая несправедливость вскрывает необходимость работы над предрассудками в восприятии на уровне социальных структур и пересмотра политики эпистемологических практик.

Ключевые слова: эпистемология, этика, несправедливость свидетельствования, герменевтическая несправедливость, Фрикер, знание, доверие

TESTIMONY INJUSTICE AND HERMENEUTIC INJUSTICE AS BOUNDARIES ON THE WAY TO ADEQUATE INSTITUTIONAL AND BROAD SOCIAL PRACTICE

Alina O. Kostina

CSc in Philosophy, Junior Research Fellow

Sectors of Social Epistemology

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: alinainwndrln@gmail.com

A joint field of ethics and epistemology, virtue epistemology, presents a new chance to state and solve some major problems on the way to new knowledge as well as to be a tool of fostering productive relationship. Testimony injustice and hermeneutic injustice are two terms coined by M. Fricker. They show that not justice as a key concept of ethics but injustice is a more vivid (but not positive) institutional and social practice. They become the stumbling stone on the way to knowledge and healthy interaction between the subjects of knowledge. These two kinds of injustice operate at different levels. If testimony injustice presents itself at the level of interpersonal communication, hermeneutic injustice deals with the level of broad social practices which are rendered with prejudices and bias. The two phenomena show the necessity of changes in the policy of epistemological practice.

Keywords: ethics, epistemology, testimony injustice, hermeneutic injustice, Fricker, knowledge, trust

Рассматриваемая в концепции эпистемологическая несправедливость становится центром исследования, что является альтернативным методологическим подходом к вопросу справедливости. Традиционно справедливость рассматривается в рамках этических подходов. При этом сам концепт справедливости становится ключевым. Феномен же несправедливости представляется лишь отклонением от существующей нормы. Можно ли при этом представить ситуацию, где корневым становится понятие несправедливости, причем не только как этической, но и эпистемологической области исследований? Могут ли при этом этика и эпистемология оставаться в области исключительно теоретических исследований? Новые ростки может дать практическое объединение этики и эпистемологии в рамках эпистемологии добродетели. Антропологический поворот в эпистемологии, обращение к субъекту знания позволяет пересмотреть не только саму фигуру обладателя знания. Также не менее важным становится взаимодействие субъектов знания между собой и то, насколько непредвзято оно может протекать.

Именно эта смежная область не оставляет возможности для исключительно кабинетного теоретизирования, обращая внимание на ряд социальных практик внутри научных институций, где характер передачи знания и взаимодействия между учеными напрямую влияет на характер и направление научного развития. Наличие или отсутствие эпистемологического доверия может стать одним из ключевых факторов процесса. При этом само представление о доверии

вырастает из структурных особенностей социальных практик, которые, при ближайшем рассмотрении, обнаруживают искаженность и предвзятость.

Разрешение данных вопросов связано с раскрытием политики эпистемологической практики. В частности того, что эпистемологическое доверие может быть напрямую связано с социальной властью. При этом социально невыгодное положение субъекта может приводить к эпистемологически невыгодному несправедливому положению. Эпистемологическая несправедливость ставит под сомнение человека как субъекта знания, а значит, подвергает сомнению и его общую человеческую ценность. А это, в свою очередь, становится полем более широких морально-этических проблем.

В соответствии с этим в фокусе рассмотрения оказываются передача знания другим посредством вербального выражения информации и осознание нашего собственного социального опыта.

Миранда Фрикер разделяет проблему эпистемологической несправедливости на два основных направления: несправедливость свидетельствования и герменевтическая несправедливость.

Согласно данному М. Фрикер определению «несправедливость свидетельствования» появляется, когда предрассудки заставляют слушающего занижать уровень благонадежности слов говорящего»[2, p.vii].

В моральной когнитивистской концепции добродетельный человек наделен способностью морального восприятия. При этом возможно провести параллель между добродетельным моральным человеком, воспринимающим мир через призму определенных моральных установок и непредвзятого добродетельного слушателя, способного воспринимать мир через эпистемологические установки. При этом «чувствительность к свидетельствованию» [2, p.71]. Необходимо заметить, что эта чувствительность имеет рациональную природу и достигается посредством опыта в практическом обмене свидетельствами, как индивидуальными, так и коллективными. При этом, если на индивидуальном уровне человек может быть лишен предрассудков, влияние его социальной среды настолько высоко, что он может их транслировать бессознательно. Поэтому так важно обращать внимание на все аспекты процесса как со стороны передающего знания, так и слушателя, понимая, что может становиться причиной предрассудков, выливаясь в несправедливость свидетельствования.

Второй вид несправедливости – герменевтическая. «Герменевтическая несправедливость возникает тогда, когда коллективные ресурсы интерпретации ставят кого-то в невыгодное положение, касающееся осмысления их социальных опытов»[2, p.vii]. Причиной этого становится разрыв в коллективных герменевтических ресурсах. Социальные группы, находящиеся в наименее выгодном положении можно обозначить как «герменевтически маргинализированные» [2,p.6]. Их маргинализированность заключается в том, что они не участвуют в равной степени в практике создания социальных смыслов. Это приводит к умозаключениям, что структуры коллективного понимания воспроизводят предрассудки. Соответственно, опыт маргинализированных групп не только плохо коценгуализирован, но и не осмыслен самими носителями этого опыта. В связи с этим основной проблемой, сперва неочевидной, становится то, что их социально и герменевтически маргинализированное положение и тот разрыв в понимании, жертвами которого они становятся, является главным барьером в осознании их собственного опыта. То есть ключевым моментом становится не столько внешнее осмысление опыта маргинализированных групп со стороны, сколько их собственное осмысление. Это один из возможных путей преодоления маргинализации.

Несправедливость свидетельствования и герменевтическая несправедливость, даже когда охватывают моменты индивидуального взаимодействия, являются отражением социальных процессов. При этом их взаимосвязь глубока. В ситуации реального диалога может произойти так, что слушающий не случайно испытывает недоверие к словам говорящего, так как их коммуникативные усилия отягощены герменевтической несправедливостью. Это и становится причиной недоверия, которое эпистемологически оправдано. Отсюда возникает вопрос: какова ценность диалога, произошедшего с использованием неадекватных искаженных инструментов.

Одним дополнительным вопросом становится определение границ не только несправедливости как корневого концепта, но и границ маргинализации. Насколько, в действительности, можно говорить, что одни области маргинализированы, а другие – нет. Если коммуникация не происходит должным образом, то есть в ее результате не достигается

понимание, то это не вопрос осознанности смыслов группами, подвергнутыми герменевтической несправедливости, но взаимной маргинализированности.

Как мы видим, из проводимых параллелей эпистемологии и этики данные концепты являются гибридными и открывают большую методологическую базу для разрешения вопросов. Инкорпорирование как этических, так и эпистемологических моментов позволяет сконцентрировать внимание на самой практике социального взаимодействия как научных, так и прочих социальных институтов. Понимание того, каковы причины предвзятости и каким образом из них вырастают более масштабные вопросы не только относительно настоящего, но и прошлого развития науки.

Таким образом, изначальным методологическим ходом, определяющим дальнейшее развитие концепции, становится обращение не к понятию справедливости, что характерно для исследований в области этики, но несправедливости как ключевому концепту и реальной социальной силе, негативно влияющей на эпистемологические практики и доверие по отношению к субъекту знания. Уже одно осознание того, что проблемы в оценке свидетельствований и герменевтический разрыв между субъектами знаний влияет на эпистемологический процесс, обозначает новые пути развития науки в рамках институциональных образований и в различных социальных практиках.

Эпистемологическая чувствительность, которая имеет рациональную природу, при этом является настроенностью не только на критический анализ слов говорящего, но и на самоанализ и обнаружение собственной предвзятости в восприятии свидетельствований. При том что герменевтическая несправедливость не может возлагаться на плечи отдельного человека, не относящегося со всем доверием к словам субъекта знания, там не менее осознание этого вопроса поможет выстроить диалог с рядом допущений, направленных на взаимопонимание.

Литература

1. Brady, Fricker M. (eds) The Epistemic Life of Groups: Essays in the Epistemology of Collectives. Oxford University Press, 2016.
2. Fricker M. Epistemic Injustice: Power and the Ethics of Knowing. Oxford University Press, 2007.
3. Fricker M. Powerlessness and Social Interpretation // Episteme: A Journal of Social Epistemology. 2006. Vol. 3, Is. 1-2. pp. 96-108.
4. Fricker M. Epistemic Injustice and A Role for Virtue in the Politics of Knowing // Metaphilosophy. 2003. Vol. 34. Nos. 1/2 Jan. pp. 154-173.

РОЛЬ ЭКСПЕРТА В СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ*

Евгений Валерьевич Масланов

*Кандидат философских наук, исследователь
Русское общество истории и философии науки
E-mail: evgenmas@rambler.ru*

Статья посвящена анализу института экспертизы. Эксперт обладает набором теоретических и практических знаний, на основе которых он может производить оценку различных проектов. При этом эксперт должен обладать ценностной нейтральностью. В результате его знания могут рассматриваться как общественное благо, которое может использоваться для поддержания бесконфликтного функционирования общества. В современных условиях функционирования общества эта схема оказывается не полной. Знание должно рассматриваться не только как инструмент оценки проектов, но и как механизм создания сетей между различными акторами, как человеческими так и не-человеческими. Знание можно описать как общественное благо способствующее трансформации и изменчивости

* Исследование выполнено по проекту РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

общества. Эксперт представляет различные сети производства, функционирования и распространения знания и не может быть ценностно нейтральным. Миссия эксперта представлять интересы различных акторов не обладающих собственным голосом в создании и производстве социотехнических и социокультурных изменений.

Ключевые слова: экспертиза, научное знание, экспертное знание, миссия ученого, этос науки, общественное благо

THE ROLE OF AN EXPERT IN SOCIAL TRANSFORMATION*

Eugene V. Maslanov

CSc in Philosophy, Project Researcher

Russian Society for History and Philosophy of Science

E-mail: evgenmas@rambler.ru

The article is devoted to the analysis of the institute of expertise. The expert has a set of theoretical and practical knowledge, on the basis of which they can evaluate various projects. In this case, the expert must have value neutrality. As a result, their knowledge can be considered as a public good that can be used to maintain the conflict-free functioning of society. In modern conditions of the functioning of society, this scheme is not complete. Knowledge should be considered not only as a tool for evaluating projects but also as a mechanism for creating networks between different actors, both human and non-human. Knowledge can be described as a public good conducive to the transformation and variability of society. The expert represents various networks of production functioning and dissemination of knowledge and can not be value neutral. The expert's mission is to represent the interests of various actors who do not have their own voice in the creation and production of sociotechnical and sociocultural changes.

Keywords: expertise, scientific knowledge, expert knowledge, mission of a scientist, ethos of science, public good

Развитие современного общества тесно связано с реализацией крупных научно-технических проектов, активным использованием научного знания. Не только фундаментальные и прикладные результаты развития науки, но и сам научный метод и принципы функционирования научного сообщества оказали влияние на становления современного общества. Разработанная Р. Мертоном [1] модель этоса научного сообщества, основанного на универсализме, коллективизме, бескорыстности и организованном скептицизме, может рассматриваться как одна из возможных идеальных моделей выстраивания общественных дискуссий, благодаря которым возможно преодолеть негативное влияние распространения популистских политических движений. В результате следования подобным принципам в общественных дискуссиях особым «статусом» начинают обладать люди, способные вынести обоснованные суждения о различных проблемах на основании имеющихся у них знаний и опыта решения схожих проблем, т.е. эксперты. Они могут играть роль специалистов в отдельных областях знаний, публичных интеллектуалов, лидеров мнений или выступать техническими экспертами как в системе бюрократии, так и за ее пределами. В этом случае их знания становятся благом, которое общество может использовать для оценки различных стратегий научно-технических и социогуманитарных преобразований.

Знания, которыми обладают подобные эксперты, включают в себя массивы теоретических, на основе которых может быть построены модель описания определенных сегментов мира, и прикладных знаний по решению определенного набора конкретных вопросов. Теоретические и практические знания они получают в процессе обучения, собственной исследовательской деятельности и в процессе их применения. Достаточно значимая часть процесса их освоения связана с «университетами». М. Вебер в своем докладе «Наука как призвание и профессия» отмечал, что университетское преподавание должно быть

* The research was performed within the project supported by Russian Science Foundation No. 19-18-00494 «The mission of the scientist in the modern world; science as profession and vocation».

ценностно нейтральным: университетские преподаватели не могут использовать свою позицию для продвижения определенного набора религиозных, политических и иных связанных с ценностными суждениями взглядов. Однако утверждая ценностную нейтральность научного знания, он настаивал на том, что его развитие сопровождается процессом «рационализации», «интеллектуализации» и «расколдовывания мира». Именно поэтому «судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы, – отмечает М. Вебер, – или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу» [2, с. 732-733]. В этом случае обладающее ценностной нейтральностью научное знание дает возможность выстраивать рациональные дискуссии между людьми, придерживающимися различных ценностных ориентиров. Наука выступает «сторожем» рационального подхода к миру, который может быть распространен за ее пределы.

Подобное видение роли научного и экспертного знания было разрушено различными социальными катаклизмами и неудачами в проектировании социальных изменений. Эксперты и профессионалы не смогли решить проблемы, связанные с развитием городов и формированием комфортной городской среды, они не смогли справиться с социальными потрясениями и конфликтами в различных уголках мира. Потерпело неудачу большое количество попыток успешно осуществить транзит различных общественных систем к демократическим обществам и создания конкурентных экономик [3]. Само западное общество и устоявшиеся экспертные позиции подверглись массовой критике представителями контркультуры в процессе массовых студенческих выступлений в 1968 году. «Представители молодого, с университетским образованием поколения – новый класс, как называли их комментаторы, – пишет исследователь контркультуры 1950-1960-х гг. Т. Рошак, – использовали свои развитые умы не для того, чтобы поддерживать систему, в которой им полагалось сколотить состояние, а что бы потрясти ее до основания» [4, с. 15]. Оказалось, что эксперты и ученые не могут предсказывать и успешно конструировать социальные изменения, а различные события постоянно приводят к тому, что мир оказывается неподконтрольным знанию и ставит его под сомнение. В этом случае знание само должно было стать действием и превратиться в технологию, позволяющую использовать различные стратегии для конструирования новых практик «собираания» мира.

Подобный подход предполагает смещение акцентов с идеи обладания определенным набором знаний к необходимости выстраивать новые стратегии формирования способов применения знания. Ученый и эксперт теперь должны рассматриваться как акторы способные собирать и выражать не только интересы универсального знания, но и интересы различных участников взаимодействий – человеческих и не-человеческих. М. Каллон в одной из своих работ демонстрирует, как ученые могут выступать «переводчиками» интересов рыбаков, морских гребешков, ученых, потребителей и других акторов на понятные для других акторов языки [5]. Подобный перевод позволяет ученым предстать экспертами, создающими различные сети интересов и формировать новые подходы к выстраиванию различных социальных практик. Поэтому не случайно, что именно он в своей статье задался вопросом о том «является ли наука общественным благом?» [6]. Он приходит к выводу, что она конечно же им является, но не столько из-за того, что знания и основанные на них умения могут быть использованы в экономической жизни. Она является общественным благом на том основании, что дает возможность реконфигурировать уже существующие сети инструментов, научных высказываний, социальных практик, которые позволяют по-новому выстраивать экономические отношения и решать общественные задачи. «Если мы хотим понять реальное экономическое значение науки, – пишет М. Каллон, – мы должны признать ее источником разнообразия» [6, р. 416]. Подобные изменения должны будут привести к трансформации в политике производства и использования знания, которые можно описать тремя принципами: 1) принцип свободной ассоциации, который предполагает включения различных акторов в производство высказываний о мире; 2) принцип свободы распространения знаний и результатов, базирующийся на том, что как только формируется коллектив по новому реконфигулирующий различные сети, он должен получить возможность выстраивать пространства циркуляции производимых им высказываний, инструментов и других производимых им «посредников»; 3) принцип борьбы с самозамыканием сетей, который подразумевает, что сети должны постоянно делиться полученной информацией и не превращаться в монопольных носителей определенного знания [6, р. 417].

Следование этим принципам как определенной практике производства знания и его включения в социальные отношения формирует новую позицию для эксперта и ученого. Они больше не являются носителями определенной истины, полученной ими в процессе обучения, исследования и формирования способности выносить суждения по различным вопросам. Эксперты и ученые теперь выступают как представители одной из сетей производства, циркуляции и использования знания в обществе. Они могут относиться к знанию и своей позиции в социальной структуре как к определенному товару, который может быть включен в операции экономического обмена, но могут рассматривать их как набор характеристик, который может быть включен в практику обмена дарами [7]. Но в любом случае они обладают связанной со своей сетью идентичностью, которая во многом формирует практику порождения и применения высказываний и анализа существующего положения дел. В результате подобного переопределения позиции эксперта она должны быть занята не только представителями научного сообщества, но и других социальных групп, участвующих в производстве, использовании и оценке существующих социальных практик. Миссией эксперта становится не только осуществление научно-технической оценки проекта, но и проведение этической и социально-гуманитарной экспертизы проектов научно-технических и социогуманитарных преобразований, затрагивающих интересы различных групп, которые не имеют собственного голоса в производстве и реализации проектов научно-технических и социальных преобразований.

Литература

1. Merton R.K. The Sociology of Science. Theoretical and Empirical Investigations. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1973. 605 p.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.
3. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015. 424 с.
4. Рошак Т. Истоки контркультуры / пер. с англ. О.А. Мышаковой. М.: АСТ, 2014. 380 с.
5. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыболовов бухты Сер-Бриё // Логос. Т. 27. 2017. №2. С. 49–50.
6. Callon M. Is Science a Public Good? Fifth Mullins Lecture, Virginia Polytechnic Institute, 23 March 1993. // Science, Technology, & Human Values. 1994. V. 19. № 4. pp. 395–424.
7. Kasavin I. Gift versus Trade: On the Culture of Science Communication // Philosophy of the Social Sciences. Vol 49. №6 pp. 453-472.

ИДЕЯ ЗАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ*

София Хамидовна Мухина

Магистр, ведущий специалист Института философии

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: alson7@mail.ru

В центре выбранной темы идея заботы как онтологического условия познания мира. Философская традиция осмысляет заботу в качестве фундаментального основания человеческого бытия, всецело определяющего его взаимоотношение с миром и поддерживающего внутреннюю связь с ним. Новоевропейский проект научного знания о мире выстраивается, полагая познающего субъекта в его изначальной противопоставленности миру как объекту познания. Философские истоки этой проблемы связаны со становлением идеи

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00798 «Инструментальные стратегии развития национального самосознания России: социально-философское исследование технологий скриптизации бытия».

субъекта познания, для которого постепенно утрачивается бытийный аспект знания и становится возможным знание как таковое. Обращение к опыту познания мира, который был известен античности, выстраивается, исходя из понимания мира как целого. Ключевой идеей здесь выступает принципиальная связь познавательной деятельности с опытом заботы, которая в самом широком смысле выступает необходимой бытийной предпосылкой познания

Ключевые слова: забота, античность, природа, новоевропейский проект науки, субъект познания

THE IDEA OF CARE IN THE CONTEXT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Sofia H. Mukhina

Master, Leading Specialist

Saint Petersburg State University

E-mail: alson7@mail.ru

In the context of this topic, the idea of care is considered as an ontological condition for cognizing the world. The philosophical tradition conceptualizes care as the fundamental foundation of human existence which completely determines its relationship with the world and maintains an internal connection with it. A modern project of scientific knowledge of the world is built on the assumption of the knowing subject in its original opposition to the world as an object of knowledge. The philosophical sources of this problem are connected with the formation of the idea of the subject of knowledge, for which the existential aspect of knowledge is gradually lost, and knowledge as such becomes possible. The appeal to the experience of knowing the world, which was known to antiquity, proceeds from the understanding of the world as a whole. The key idea here is the fundamental connection of cognitive activity with the experience of care which in the broadest sense acts as a necessary being prerequisite for cognition.

Keywords: care, antiquity, nature, the modern project of science, the subject of knowledge

Философское осмысление заботы полагает ее в качестве основного онтологического условия бытия человека в мире. Экзистенциальная аналитика заботы в философии XX века открывает её бытийный смысл, обнаруживая заботу в качестве принципиального основания, полностью определяющего отношение человека к миру, сам проект человеческой экзистенции открывается благодаря теургической силе заботы в устройении и поддержании человеческого универсума в целом. Мартин Хайдеггер, определяя заботу в качестве основного экзистенциала человеческого существования, обращается к басне Гигина, в которой она предстает в образе силы, сотворившей человека из глины, затем его одухотворяет Юпитер. Таким образом, тело человека принадлежит земле, душа Юпитеру, а сама жизнь, его настоящее – *заботе*, как активной, созидательной силе, составляющей основание человеческой жизни. Опыт познания мира, открывающийся в подходах и методах изучения природы, включает в себе различные и, порой, диаметрально противоположные модели отношения человека с миром. Философская задача заключается в том, чтобы открыть онтологическое основание этого опыта и осмыслить аксиологический горизонт познания.

Сама постановка вопроса о роли заботы в контексте научной картины мира, свидетельствует о необходимости формирования такого подхода к пониманию природы, в котором было бы возможно преодоление «субъект-объектной» установки в опыте познания. Для поиска этого подхода обратимся к основным вехам философской концептуализации природы.

Первым существенным периодом здесь является античный период, поскольку в это время происходит формирование самостоятельной области знания о природе – «физиологии», но уже Аристотель определяет её как вторичную по отношению к онтологии. Античная концепция природы полностью онтологична, т.е. всецело исходит из онтологических предпосылок, поэтому для её понимания необходимо обратиться к ряду философских понятий античной философии.

Природа, – то, что «существенно для каждого сущего с самого его возникновения» [1, с. 360], т.е. дающее жизнь и силы основание. В античной философии существует термин «фюзис», его смысл на русском языке может быть отражён в понятии сущности как сути вещи, её внутренней природы. Природа есть внутренняя сторона вещи, то, что определяет её существование, задаёт его особенности. «Корень греческого слова “фюзис” восходит к индоевропейскому *bheu* (со значениями “пробиваться”, “прорасти”, “распускаться”), послужившему в европейских языках основой для глагола “быть” <...>. Поэтому греческие существительные с этим корнем тоже несут в себе значение бытия, но не как результативного пребывания, а как происхождения на свет. Отсюда тесное соседство и почти синонимичность “фюзис” с “сущим” и “сущностью” в философском языке» [2, с. 346]. Формирование самого понятия («фюзис») в античный период происходит на стыке двух областей знания: физики и онтологии, так Аристотель определяет «фюзис» как начало движения, «*фюзис*» есть то, что делает возможным самостановление, иначе говоря, это внутренняя причинность вещи.

Греческое понятие природы раскрывается в контексте античных представлений о космосе, устройстве мира, внутренней связи человека с космическим порядком. Греки видели в мире порядок, разумное устройство вселенной являло собой главный мировой закон. Познание мира предстает здесь деятельностью, реализующей идею космического порядка в контексте человеческого Универсума. Забота о поддержании мирового порядка здесь выступает нравственным условием любого познания, оно разворачивается в горизонте заботы в ее онтологическом смысле. «У каждой сущности своя “фюзис”, когда же рассматривается космос или всё в целом и слово “фюзис” говорится применительно к нему, целое мыслится как особая самоцельная сущность со своей природой, в которой каждое “физически сущее” имеет определённое место и назначение. Космос есть совершенная завершенность, определяющая и формирующая сферу “физически сущего” как вечное самостановление и самоформирование» [2, с. 164]. Космологическое миропредставление, возникающее в древней Греции формирует такое отношение к миру природы, в котором человек мыслит себя неотделимой от неё частью. Постигание внутренней связи с космосом сформировало представление о месте человека в мироздании и одновременно легло в основу его отношения к миру. Принадлежность человека к природе мыслилась здесь как подчинение космическому закону, а значит и дань гармонии и мировому порядку и поэтому совершенствование, преодоление собственной природы никоим образом не могло перейти в бунт по отношению к миру природы. Наоборот, человек здесь предстает словно перед лицом этого порядка.

Итак, античная концепция природы в западноевропейской философской традиции имела в своём основании прочный онтологический фундамент, а именно исходила из понимания природы как имеющей целесообразное и смысловое начало, которое являло собой подлинно живой источник. Именно такое содержание в себе несёт натурфилософия Аристотеля: «...рациональность аристотелевской физики отличается от научной рациональности в ее современном понимании, так что без большой натяжки мы можем назвать ее альтернативной. Научное познание мира, с точки зрения Аристотеля, отнюдь не предполагает абстрагирование от изучающего этот мир сознания и от существования человека в этом мире, не требует того противопоставления субъекта и объекта, на котором стоит современная наука. Такой подход к изучению природы можно назвать натурфилософским. Сегодня к натурфилософии не случайно возрождается большой интерес» [2, с. 164].

Для античного мышления природа есть «существо, подлежащее онтологическому умопостижению» [2, с. 7], что существенным образом отличает греческую концепцию природы от новоевропейского подхода к ней (классической концепции природы), заключающегося в естественнонаучном познании, которое основывается на практических научных методах. Т.е., это по сути своей два разных способа познания вещей, два разных представления о том, что значит быть предметом познания, предметом мысли.

Следующий этап развития идеи природы связан с христианством и включает в себе кардинальную перемену в понимании онтологического статуса природы. Средневековая «натурология» в отличие от античной «фюзиологии» задаёт совершенно иное видение природного начала. Это связано с представлением о «тварной» природе вещей и разного рода интерпретациями этого понятия в христианском богословии. Вопрос об онтологическом статусе материального мира ставится здесь в свете общей христианской теологии.

Догмат о Творении выступает центральной идеей всей христианской мысли и в тоже время выступает одной из предпосылок для формирования новоевропейской концепции

природы. Существенным для нового понимания природы является то, что основание мира, находящееся вне его самого, позволяет говорить о вещах природного мира как о вторичных, не обладающих собственным онтологическим началом, а значит истинным бытием. Несомненным является тот факт, что именно христианское мировоззрение способствовало возникновению особенностей научного взгляда на мир, закрепившегося в новоевропейский период. Так, Александр Кожев в работе о христианском происхождении науки называет догмат о Воплощении главной христианской метафизической предпосылкой становления точной науки (математической физики), которая предстает гносеологическим проектом Нового времени. Поскольку Бог воплотился в мире, то и сам земной мир совершенен, т.е. земные тела, как и небесные, совершенны и поддаются точному измерению и исследованию, и поскольку «божественные (небесные) тела правильно отражают вечные связи между математическими сущностями, ничто не препятствует более отысканию этих связей на этом свете, как и на небе» [3, с. 416].

Событием, во многом определившим новоевропейское понимание природы является появление субъекта познания, иными словами, превращение самого человека в субъекта. Этические последствия этого события способствовали возникновению проблемы антропоцентризма в её современном понимании, суть которой заключается в том, что европейский рационализм всецело провозглашает разумное превосходство человека. В конечном итоге, это превосходство начинает расцениваться как то, что даёт ему право властвовать, повелевать и распоряжаться. Эта рационалистическая парадигма в значительной степени повлияла на становление позитивных наук. «Противопоставленная человеку в качестве объекта природа в новоевропейской культуре оказывается антитезой всему человеческому» [4, с. 351]. В этот период освоение и присвоение начинают казаться безграничными, и, быть может потому, что главные границы уже нарушены. Научная рациональность Нового времени внесла существенные изменения в понимание ценностных установок познания.

Проблемы, которые на сегодняшний день принято относить к области экологии по сути своей философские. Они возникают в связи с определёнными философскими предпосылками, историческими попытками концептуализации природы. Обращение к опыту познания мира, который был известен античности, исходит из понимания мира как целого. Поддержание это единства есть одно из условий этого проекта познания. Ключевой идеей здесь выступает принципиальная связь познавательной деятельности с античным проектом «заботы о себе» как опытом философского постижения мира, «философствовать – значит упражняться в том, чтобы “жить”, то есть жить сознательно и свободно: сознательно – превосходя пределы индивидуальности, чтобы распознавать себя как часть космоса, одушевляемого разумом, <...>» [5, с. 30]. Таким образом, вопрос о научном познании предстает в его сущностной связи с проблемой самосознания и необходимостью формирования субъекта заботы в поле формирования современных подходов к научному познанию мира.

Литература

1. Философский словарь. М.: «Республика». 2003. 575 с.
2. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в новое время («фюзис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 208 с.
3. Кожев А. Христианское происхождение науки. // Атеизм. М., 2007. 512 с.
4. Новая философская энциклопедия. Т. III. М., 2001. 692 с.
5. Адо Пьер. Духовные упражнения и античная философия. СПб: «Степной ветер», 2005. 448 с.

ДИЛЕТАНТИЗМ И ИРОНИЯ. К АНАЛИТИКЕ «ЖРЕЦОВ» И «ШУТОВ» В НАУКЕ*

Константин Сергеевич Пигров

*Доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории
Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: kspigrov@yandex.ru*

Феномен дилетантизма в современной науке представляет собой многоплановую проблему, являющую собой столкновение двух встречных «иронических потоков»: со стороны профессионалов по отношению к дилетантам и со стороны дилетантов - к профессионалам. За фигурой дилетанта стоит архетип «шута», а за фигурой профессионала - архетип «жреца». Новатор-дилетант, поскольку он посягает на устоявшийся порядок, несет в себе момент трикстерства, - он оказывается «неудобным», «неприятным», даже «преступным». В самой мягкой, наиболее «приемлемой» для цивилизованного общества форме иронии ученый-новатор выражает онтологически необходимый негативный момент инновации по отношению к устоявшимся нормам. Ученый-профессионал, также в форме иронии, выражает столь же необходимую критику в адрес ученого-новатора. Разработка данной проблемы схватывается в рамках существующего науковедения не в полной мере и может быть эвристичной с использованием аппарата рецептивной эстетики.

Ключевые слова: новоевропейская цивилизация, новоевропейская наука, дилетантизм, профессионализм, ирония, архетип «шута», архетип «жреца»

DILETTANTISM AND IRONY. TO THE ANALYSIS OF “PRIESTS” AND “JESTERS” IN SCIENCE

Konstantin S. Pigrov

*DSc in Philosophy, Professor, Department of Social Philosophy and Philosophy of History
Saint Petersburg State University
E-mail: kspigrov@yandex.ru*

The phenomenon of dilettantism in modern science is a multifaceted problem which is a collision of two counter “ironic flows”: from the side of professionals in relation to dilettantes and from the side of dilettantes - to professionals. Behind the Amateur figure, there is an archetype of the “jester”, and behind the professional figure, there is an archetype of the “priest”. The dilettante is an innovator, because they encroach on the established order, carry with them a moment of tricksterism: they turn out to be “inconvenient”, “unpleasant”, even “criminal”. In the mildest, the most “acceptable” form of irony for civilized society, the scientist-innovator, expresses the ontologically necessary negative moment of innovation in relation to established norms. The professional scientist also in the form of irony expresses the equally necessary criticism of the innovator scientist. The development of this problem is not fully grasped within the framework of existing science and can be heuristic using the apparatus of receptive aesthetics.

Keywords: modern civilization, modern science, amateurism, professionalism, irony, archetype of the “jester”, archetype of the “priest”

Наука в её новоевропейской Галилеевой форме, - «духовное производство», выстроенное по модели производства материального, существенным образом отличается от простой репликации вещей. Продуцирование идеи предполагает не только *значимость*, но и её *новизну*, в которой «невозможное становится необходимым» (Пьер Булез). Ученые, способные

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00798 «Инструментальные стратегии развития национального самосознания России: социально-философское исследование технологий скриптизации бытия»

производить новизну, *новаторы*, отличаются от тех, кто производят только значимость. Новатор, поскольку он посягает на устоявшийся порядок, всегда несет в себе момент *трикстерства*, - он оказывается «неудобным», «неприятным», даже «преступным». В самом мягком, наиболее «приемлемом» для цивилизованного общества случае ученый-новатор выражает самым своим существованием негативный момент инновации.

Для понимания функции иронии в генезисе новизны нам следует иметь в виду двойственность динамики сознания вообще, постоянно усиливающееся разобщение между разумом и знаками разума. Ещё Парменид различал два пути: путь истины и путь мнения. Двусмысленность видимости, находящейся между Бытием и Не-Бытием, внушает то недоверие, которое и есть *азбука иронии*. Видимость, разумеется, не реальность, но в ней есть нечто относительно истинное. Она есть часть истины, вернее, она есть нечто *иное*, чем то, что она объявляет. Но иное – это всё же «что-то». [см.1, с. 37]. В таком образе «иронически понятой» видимости коренится *онтология новизны*, которая проходит по грани между бытием и небытием и субъективно переживается как ирония.

Сама новизна ввергает ученого в конфликт с его социализированностью. Профессионализация является господствующей социализацией в западных социокультурных представлениях, [2; 3; 4]. Профессионализм оказывается одним из наиболее существенных аксиологических универсалий в новоевропейской цивилизации. Не случайно А. Смит именно разделение труда ставил в качестве главного отличительного момента для формировавшейся новоевропейской цивилизации в Англии 18 в., [5]. Профессионализм сегодня представляет собой свидетельство принятости ученого цивилизацией, - включенности в буржуазную систему разделения труда.

Дилетант позволяет себе игру с профессиональной идентичностью. Он иронически обозначает маргинализм по отношению к ней. Правда, в то же время он с высочайшим уровнем мотивированности, «абсурдно» претендует на то, чтобы действовать в рамках той или иной профессиональной сферы деятельности. В ответ на своё ироническое дистанцирование по отношению к профессии он получает иронию в свой адрес в терминах «полужнаительства», «неосведомлённости», «недостаточной образованности» и т.п. *Два этих встречных потока взаимной иронии и создают напряженное поле профессиональной принадлежности в науке.* Насмешка знающих «всё ни о чем» узких специалистов сталкивается со встречной насмешкой «не знающих ничего обо всём» (случай Сократа).

Как представляется на первый взгляд, идентифицированность профессионала осуществляется с помощью определенной системы навыков, или «владением» некоторым определенным образом очерченным опытом и регламентированными стереотипами интеллектуального поведения в рамках соответствующего социального института. Однако эта импликация может быть и обратной. Если я идентифицирован с определенным сообществом, то я, по умолчанию, «вдруг» начинаю как бы «обладать определенными знаниями». В событии профессионализма, как и в архаической инициации, [6; 7] присутствует момент коллективного внушения. Профессионализация не представляет собой просто «загрузку необходимой информации», но обозначает ценностные изменения самой личности, - в некотором смысле – «запись на душе» и «запись на теле». Момент закреплённости профессионализации, как оказывается, способен к самостоятельному существованию. Институт диплома об образовании, удостоверяющий, что данное лицо действительно является профессионалом в некоторой области, (иногда «записи на теле») рождает практику торговли муляжами дипломов. Торговля дипломами означает, что сами по себе «священные ритуалы» образования (с экзаменами, зачетами, лекциями, и т.п.) вовсе не обеспечивают успех в работе. Индивид, покупая муляж диплома, предполагает, что он в конкретной ситуации сможет «сориентироваться», - справиться со своими «служебными обязанностями». Вне такой уверенности «торговля дипломами» была бы бессмысленна.

Какова роль дилетантизма в процессах развития современной науки? Почему некоторые люди, которых называют любителями, самоучками, автодидактами, дилетантами, так страстно, а иногда и не безуспешно занимаются теми областями, где они не получили профессиональной подготовки?

Во-первых, потому, что такой подготовки может и не быть. Мы имеем дело с динамизмом профессий, когда новое дело, например, еще не сформировало своей профессиональной подготовки. Эту ситуацию описал Айзек Азимов в своей антиутопии «Профессия». А. Азимов подводит нас к мысли, что сама идея профессионализма де-факто

обнаруживает в концепте профессионализма презумпцию патернализма. Мол, «профессия, вуз, учебная программа и т.п., думает за нас». [8].

Во-вторых, вечная актуальность дилетантизма коренится в том, что профессиональная подготовка, полученная в вузе, неминуемо устаревает. С тенью дилетантизма мы встречаемся всякий раз, когда выходим за рамки решения стереотипных алгоритмизированных задач. Дилетантизм культивирует смену самой установки: не пассивное получение готовых знаний, а самостоятельная активность, - *самообразование* как непрерывное самотворчество. Инновационная деятельность (получение новых и значимых результатов) всегда в известном смысле «дилетантчна», она осуществляется по модели неумелого труда, обязательно включающего стратегию проб и ошибок.

С этой точки зрения представляет интерес АССНАТ (Ассоциация натуралистов-самоучек) существовавшая в СССР в 20-х гг. Ее руководитель А.П. Модестов полагал, что *все* великие открытия и изобретения делаются либо «самоучками», либо «условными самоучками», [9]. Это было известное объединение, в которое входил, например, К.Э. Циолковский, было связано с «рабочей оппозицией» в Коммунистической партии. Известно, что марксистский концепт переустройства буржуазной цивилизации вообще предполагал, что профессионализм, будет «снят» в будущем обществе. Идея труда как первой жизненной потребности в этом отношении «дилетантчна». Однако, как показал опыт, утопия преодоления разделения труда и снятия ценности профессионализма оказалась нежизнеспособной.

Существенно то обстоятельство, что отношение различных национальных культур к дилетантизму и профессионализму различно. Это отношение в значительной мере определено тем, насколько национальная культура усвоила фундаментальные принципы новоевропейской цивилизации. Так немцы на уровне общественной психологии «не любят» дилетантов, рассматривают их как «дураков с инициативой», но готовы простить узколобость профессионалу, который «хорошо делает свое четко очерченное дело». Русские, напротив, «любят» дилетантов как «деятелей свободы» и иронически относятся к ограниченности профессионалов. Ср. [10].

К.Э. Циолковский в 20-30-е гг. 20 в. активно атаковал советские учреждения с проектами полетов на Луну. Его проекты попали, в частности, на отзыв к акад. А.Н. Крылову, профессионалу высочайшего класса. Реакция академика была разгромной. Мол, нужно в первую очередь решать самые актуальные хозяйственно-технические проблемы. Однако в итоге оказалось, что идеи Циолковского нашли непосредственное применение в военной области и уже в 1957 г. в СССР был запущен первый в мире искусственный спутник Земли.

Драма профессионализма – дилетантизма имеет серьезные общекультурные аксиологические коннотации. Профессионалы и дилетанты выполняют социальные роли, восходящие еще к архаике, - роли жрецов и шутов, [11]. Профессионал как «жрец», серьезен и самоуверен. Своим спокойствием он внушает уверенность окружающим, которые зависят от его действий. Это необходимо в целом ряде профессий, таких как медицина, эксплуатация технических объектов повышенной опасности, и т.д. Дилетант представляет себя как «шут». Будучи маргиналом в профессии, он несет в себе комическую стихию, - склонен к иронии, юмору, к смеху, к парадоксам и игре. Но именно он, даже если он и не гений, может обеспечить нестандартные решения тех задач, которые ставят в тупик узких специалистов.

В плане социальной иерархии властители всегда надевают маску профессионалов, оставляя «низам» в деле управления государством роль дилетантов. Демократия в историософском плане выступает как определенная легализация народного дилетантизма в государственных делах. В «Илиаде» цари в известном смысле выступают как «профессионалы власти». Напротив, Терсит – жалкий «дилетант». Он в своих речах ироничен по отношению к царям, но сам оказывается смешным и в итоге претерпевает поражение. [12]

Современные проявления абсолютного духа в философии, религии и искусстве требуют поддержки непрофессионалов, которые своим активным присутствием формируют то, что именуется «публикой». На незаменимую роль последней обратили особое внимание в рецептивной эстетике, [13;14]. Аналогичным образом в философии также важны не только те, кто профессионально создают философские труды, но и любители, которые, не являясь специалистами, эти философские труды по крайней мере читают. Здесь также обнаруживает себя своеобразная философская публика, «дилетантчная» по своей природе. Она существует как Философские клубы, собрания самодельных философов, и т.п. [15; 16; 17].

Подведем итоги. Феномен дилетантизма в современной науке представляет собой сложную проблему, являющую собой столкновение двух «иронических потоков»: со стороны профессионалов к дилетантам и со стороны дилетантов к профессионалам. Эстетическая разработка проблематики может быть здесь эвристичной. Мы стремимся подчеркнуть, что однозначная морализаторская оценка дилетантизма как исключительно негативного отклонения в условиях новоевропейской науки контрпродуктивна; его аксиология всегда чревата амбивалентностью. Дилетантизм, с одной стороны, это серьезная болезнь новоевропейской цивилизации, тяжесть которой особенно остро переживают страны «второго эшелона», например, Россия. Однако «прямолинейность» в оценке дилетантизма невозможна. Ведь, именно благодаря «болезни» дилетантизма новоевропейская цивилизация только и может существовать как развивающаяся. При всей своей «сомнительности» и даже «опасности», дерзость дилетанта открывает горизонты инновационного развития, без которых цивилизация захлебнется в скуке, пустоте и застое.

Литература

1. Янкелевич В. Ирония. Прощение. Перевод с французского В.В. Большакова, Б.М. Скуратова. М. Издательство «Республика». 2004.
2. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // В кн.: М. Вебер. Избр. произв. М. 1990. С. 61-272.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов, М.: ЭКСМО, 2009.
6. Геннеп А. Инициация // Арнольд ван Геннеп. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999. С. 64-107.
7. Генон Р. Заметки об инициации // Рено Генон. Кризис современного мира — М.: Эксмо, 2008. С. 141-442.
8. Азимов А. Профессия. Рассказ. Перевод С. Васильевой // В сб. Айзек Азимов. Прощание с Землей. М.: Эксмо, 2010 г. 848 с.
9. Модестов А.П. Замечательные работники науки и техники. М., Изд. АСНАТ, 1927.
10. Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Сочинения в 8-ти томах, М., 1975. Т. II. С. 5-20.
11. Колаковский, Лешек. Похвала непоследовательности. Пер. с польского В. Кольцов. Edizioni Aurora Firenze, 1974.
12. Гомер. Илиада. Перевод с древнегреческого Н. Гнедича. М.: Художественная литература, 1986.
13. Яусс Х.Р. История литературы как провокация // http://www.libok.net/writer/14437/kniga/62670/yauss_hans_robert/istoriya_literaturyi_kak_provokatsiya/read/8; 17.04.14.
14. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения. Предисловие Н. Зоркой // Новое литературное обозрение. 1995. № 12.
15. Пигров К.С. Феномен самостоятельной философии в Санкт-Петербурге // История культуры Петербурга и современность. Материалы межвузовской научно-практической конференции 30 июня 2005 года. СПб. 2006. С.57 - 61.
16. Пигров К.С. Любители философии и профессионалы: альтернативы в горизонтах XXI в. // Альтернативное образование в поисках своего качества: сб. материалов конференций по проблемам альтернативного образования. СПб, 2006. С. 69-80.
17. Пигров К.С. Профессионалы и самостоятельные философы: к развитию рецептивной философии // Феномен самостоятельного философствования. Сборник статей. Главный редактор Пигров К.С. Российское философское общество. Санкт-Петербургский Философский клуб. СПб, 2005. С 11- 29.

ФИГУРА УЧЕНОГО И ФИГУРА ПОЛИТИКА: ВОПРОС ЭТИЧЕСКИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ*

Наталья Николаевна Погожина

Старший преподаватель Философского факультета

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

E-mail: nat60089784@yandex.ru

Автор доклада обращается к программной речи М. Вебера и рассматривает ее в контексте современного философского и социологического дискурса, разворачивающегося вокруг проблематики социальности знания (и социальной природы истины как особого маркера научного знания). Проводится анализ этических требований, выдвинутых к ученому Вебером. Эти требования исследуются в сравнении с местом, ролью политика и, соответственно, предписаниями, наложенными на его деятельность. Рассматривается специфика научной коммуникации, исходя из дистинкции истины/ценности; исследуется место науки среди других коммуникативных систем и противоречия, возникающие при попытке занять выделенную позицию наблюдения или провести демаркационную линию научного/не-научного знания. Автор приходит к выводу о возможности использования социальной формы «политик»/«ученый» для обсуждения проблемы реализма/антиреализма в науке.

Ключевые слова: М. Вебер, наука, истина, ценность, научное познание, этические нормы науки

THE FIGURE OF A SCIENTIST AND THE FIGURE OF A POLITICIAN: THE ETHICAL COMMITMENT ISSUE

Natalia N. Pogozhina

Senior Lecturer, Faculty of Philosophy

Lomonosov Moscow State University

E-mail: nat60089784@yandex.ru

The author of the report addresses to M. Weber 's program speech and considers it in the context of the modern philosophical and sociological discourse that is unfolded around the issue of the sociality of knowledge (and the social nature of the truth as a special marker of scientific knowledge). An analysis of the ethical requirements is put forward for the scientist. These requirements are investigated in comparison with the place, role of a politician and, accordingly, prescriptions imposed on its activities. The specifics of scientific communication based on truth/value divergence are considered; the place of science among other communicative systems and the contradictions arising when trying to take a dedicated observation position or to draw a demarcation line of scientific/non-scientific knowledge are investigated. The author concludes that it is possible to use the social form of a “politician”/“scientist” to discuss the problem of realism/anti-realism in science.

Keywords: M. Weber, science, truth, value, scientific knowledge, scientific ethics

Речь М. Вебера «Наука как призвание и профессия» представляется совершенно уникальной в своей парадоксальности. На наш взгляд, именно эта парадоксальность уже на протяжении ста лет заставляет возвращаться к ней снова и снова - перечитывать, высвечивать новые смыслы и находить перспективы, исходя из современной оптики анализа науки и научного знания. Необходимо оговориться, что потенциал такой парадоксальности заключается, как нам видится, в ее функции «раздражителя», побуждающего к пересмотру устоявшихся позиций и стимула к поиску иных проблемопостановок; и более того –

* Доклад выполнен при поддержке фонда РФФИ (грант № 18-011-00980 «"Социальная эволюция" и "прогресс" как категории номотетического познания» и № 17-03-00733-ОГН «Системно-коммуникативный подход Н. Лумана в приложении к Российскому обществу»).

парадоксальность, в принципе, заложена в фундаменте всякого знания [1, с. 103-108]. При детальном разборе кажется, что буквально весь доклад пронизан парадоксами – и именно эта сеть парадоксов создает должное взаимное напряжение – проблему – в ее актуальном рассмотрении. Уже тот факт, что программная речь без конца «препарируется» и показывает богатство новых прочтений, делает ее современной – отвечающей вызовам метакритики.

Эта работа традиционно рассматривается в качестве одной из ключевых для анализа проблемы демаркации научного знания. В своем докладе мы попытаемся осуществить реконструкцию тезисов «Науки как призвания и профессии», взяв за точку опоры заложенную в них идею *социального анализа науки и знания*, отражение которой мы находим в социальной философии науки, и которая отвечает актуальной повестке эпистемологического дискурса.

Вебер выдвигает требование к ученому – стоять на позиции объективности, конкретизированное в известной формуле «свободы от оценки» [2, с. 559]. Что это значит? Говоря об опасности оценочных суждений в науке, исследователь с необходимостью указывает на значимость ценностных установок как ориентира для осуществления познавательных практик. И здесь нет противоречия – напротив, перед нами возникает важная постановка вопроса о соотношении истины и ценности. В современной социальной теории науки мы рассматриваем истину как маркер коммуникативного успеха научного поиска [3]. Более того, истина и ценность близки с точки зрения формы реализации (и у Вебера мы находим подобную идею) – они основываются на общем *переживании*. Речь идет о возможности совместного переживания открытия как удостоверения в его истинностной природе – повторного прохождения пути ученого к открытию. Размежевание *когнитивных/нормативных* ожиданий и различение *переживания/действия* происходит вследствие необходимости постоянного получения и проверки нового знания, поэтому истина не может рассматриваться как нечто окончательно оформленное или «безупречное», что вело бы к отказу от парадоксов, которые свойственны науке и познанию вообще. Таким образом, коммуникация в науке основана на общем переживании (открытии) нового знания. Инклюзивность в научное сообщество предлагает удостоверять новое при помощи совместного переживания, то есть эмоционального принятия открытия, которое может разделить любой, включенный в научную коммуникацию. Это специфическим образом отличает научную подсистему от политической, поскольку в случае второй – существует фильтр нормативности к ожиданиям. Система науки «живет» полемическим взаимодействием ученых, поэтому важным является наличие определенных механизмов, которые помогают, с одной стороны, сформировать конфликтную ситуацию (научную дискуссию), а с другой – поддерживать специфику разделения конфликта/консенсуса в науке, например, не допустить в случае «проигрыша» одной из сторон конфликта исключение этого человека из других систем коммуникаций (влияние на статус семьянина, гражданина, друга и тд.). Это позволяет (при условии отсутствия апелляции к иным социальным ролям дискутирующих) негативно оценивать как необоснованное утверждение об истинности теории, так и незрелую критику теории.

Безусловно, вопрос «места» ученого кажется нам одним из центральных и предвосхитивших дискурс философии науки на десятки лет вперед. Может ли исследователь занять выделенное положение? Что же значит «быть объективным»? О каком «объекте/типе объектов» идет речь? И возможно ли поставить вопрос более радикально – существует ли (как существует) объект? Рассуждения Вебера в программных трудах об этическом долге ученого и политика, по сути, позволяют перейти к обсуждению проблемы реальности объекта в науке, то есть к классическому спору реализма/антиреализма.

Здесь необходимо сделать ряд важных замечаний. Вебер, налагая запрет на пропаганду за кафедрой, отвечает на крайне актуальный запрос своего времени на *пророков* (нужно принимать в расчет и исторический контекст, и образовательную парадигму немецкого университета, в отличие, скажем, от американского). С другой стороны, ангажированность исследователя может «подорвать изнутри» любую науку, а особенно – социальную. И в этом ключе, Вебер, очевидно, выступает апологетом социологии и социогуманитарного знания в принципе, причем с совершенно иных позиций, чем В. Виндельбанд и Г. Риккерт, к идеям первого из которых, например, как нам известно, он относился довольно критически.

Заявленную проблему места и роли ученого невозможно обсуждать в отрыве от идей Вебера о предназначении и положении политика. Фигура политика и фигура ученого часто представляются во взаимном напряжении – сравнении и противопоставлении друг другу. В этом смысле, они выступают некими идеальными социальными типами или даже

социальными формами, наподобие образов бедняка или торговца-чужака, используемых Г. Зиммелем для анализа социальной дистанции и проблематики Я/Другой.

Для нас исследование фигур ученого и политика, в том числе с точки зрения внутренней мотивации и реализации социальных конвенций и этических установок в отношении деятельности каждого из них, дает возможность говорить о конечных существенных различиях в важнейших социальных практиках – формировании социального порядка (конституировании властных институтов) и институализации познавательной деятельности. Для Вебера этот методологический прием также необходим, чтобы высветить различие между «реальной» политикой – практической деятельностью по управлению – и ориентацией на политическое знание в структуре той или иной научной дисциплины.

Магистральной линией различия между ученым и политиком является как раз этическая норма. Для первого характерны этические принципы *убеждения* – возможность стороннего наблюдения, для второго – строгая *ответственность* за действия, в том смысле, что за любым действием политика может следовать буквальное изменение того или иного вектора социальной жизни, то есть любое действие имеет ощутимый неумозрительный эффект. Ученый, по Веберу, может и должен занимать стороннее положение аналитика. Здесь необходимо отметить, что под «сторонним наблюдением» понимается попытка беспристрастной оценки. В этой связи возникает вопрос о возможности занять выделенное положение по отношению к научному знанию в принципе – что предполагает предельное деление науки и не-науки. На наш взгляд, Вебер в своей речи пытается анализировать демаркацию науки, занимая такое выделенное положение – «вне», по средствам сознательного обращения к «не-научному» (то есть политическому) способу осуществления коммуникации – провозглашению нормативности (в данном случае декларативно связывая этическими требованиями ученого). Фигура политика и фигура ученого часто представляются во взаимном напряжении – сравнении и противопоставлении друг другу. В этом смысле, они выступают некими идеальными социальными типами или даже социальными формами, наподобие образов бедняка или торговца-чужака, используемых Г. Зиммелем для анализа социальной дистанции и проблематики Я/Другой.

Выходит, что используя социальные формы ученый/политик, с первым мы можем связать аргументацию классической позиции реализма в науке, а со вторым – совокупность подходов антиреализма (вариантов научного конструктивизма). Для политика-«конструктивиста» мир подконтролен его действиям и не стандартизирован, то есть, в известной степени, имеет потенцию к перестройке. Ученый же, по Веберу, действительность не производит, она существует независимо от него и несмотря на «истинность» / «ложность» его представлений о ней.

Литература

1. Луман Н. Истина, знание, наука как система. М., Логос. 2016. 408 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. М., Прогресс. 1990. 808 с.
3. Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема: Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 158–171.

КРИТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ*

Илья Андреевич Савченко
Младший научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: axon69@yandex.ru

Автором рассматривается комплекс процессов и тенденций, происходящих в рамках постнеклассической науки, в соответствии с которыми наблюдается усиление холистических, метафизических и конструктивистских позиций при

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке фонда РФФИ (грант № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание»).

осмыслении сущности научного знания. Приводится анализ оформившихся в XX веке различий между классической и постнеклассической научными парадигмами. Отмечается, что в силу этих изменений наблюдается также направленность на построение мета-научного дискурса, анализ фундаментальных предпосылок, обуславливающих научные результаты, находящихся за пределами непосредственно научного знания, что в конечном итоге формирует ряд критических программ в философии науки. Автор предполагает, что с одной стороны, данные тенденции могут привести к кризисной ситуации тотального скепсиса в отношении научных учреждений и выдвигаемых ими положений, с другой же стороны, позволяют полнее понять роль науки в обществе, их взаимовлияние и сущность процесса реализации науки.

Ключевые слова: философия науки, эпистемология, метафизика, холизм, конструктивизм, постнеклассическая наука

CRITICAL TURN IN POST-NON-CLASSICAL SCIENCE

Ilya A. Savchenko
Junior Researcher
Institute of Philosophy, RAS
E-mail: axon69@yandex.ru

The author considers a complex of processes and trends occurring within the framework of post-non-classical science, in accordance with which there is an increase in holistic, metaphysical and constructivist positions in understanding the essence of scientific knowledge. The article presents an analysis of the differences between the classical and post-non-classical scientific paradigms formed in the XX century. Due to these changes, there is also a focus on building a meta-scientific discourse, analysis of the fundamental premises that determine scientific results which are outside of direct scientific knowledge which ultimately forms a number of critical programs in the philosophy of science. The author assumes that, on the one hand, these trends can lead to a crisis and total skepticism about scientific institutions and, on the other hand, they allow a better understanding of the role of science in society and their mutual influence.

Keywords: philosophy of science, epistemology, metaphysics, holism, constructivism, post-non-classical science

Вопросы о развитии науки, условиях возможности, специфике и закономерностях научного прогресса, а также сопутствующие этому вопросы о сущности истины, положении науки в социуме, роли ученого и исследовательских групп в науке, конструктивном характере теоретических положений и иные вопросы сопутствующей тематики широко осмысливались научным и философским сообществами на протяжении всего XX века. В особенности этому способствовали как масштабные преобразования, произошедшие в самом научном знании, выделение в нем определенных областей, требующих принципиально иного, неклассического порядка осмысления (например, передовые исследования в области квантовой механики, теоретической биологии, развитие междисциплинарных областей исследований, таких как кибернетика, общая теория систем и т.д.), так и конкретные произведения авторов, специально рассматривавших соответствующие вопросы (Т. Кун, И. Лакатос, С. Тулмин, П. Фейрабенд и т.д.), сформировавшие особый метанаучный дискурс, направленный на переосмысление представлений о производстве знаний в науке.

Данная проблематика также тесно связана с тем, как нам следует понимать науку – в классическом смысле, как непротиворечивую систему знания, удостоверяемую данными, полученными в ходе эмпирических наблюдений и экспериментов, или же следует включать в эту систему все аспекты, связанные с организацией производства научного знания, личными позициями и убеждениями ученого, отношениями между людьми в рабочем процессе (отношения преемственности, власти, финансирования, организации исследовательских лабораторий и сообществ и т.д.), на необходимость чего указывают такие исследователи, как Т. Кун, Б. Латур и другие.

С одной стороны, на протяжении всего XX века увеличивается значение результатов исследований в области социологии знания, эпистемологии и культурологии, указывающих на культурный и социальный “бэкграунд” научных теорий, который обуславливает утверждения, выдвигаемые наукой, с другой же стороны, особенно остро проявляется необходимость возвращения науки к изначальным аспектам логичности, рациональности и непротиворечивости, которые обеспечивали ее прогресс и ясность. Эта необходимость обусловлена и усилением скепсиса в отношении “неудобных” научных утверждений, ярким примером которого является, например, климатический скептицизм.

В контексте современной постнеклассической науки обнаруживаются некоторые смещения, по сравнению с ее классической моделью, построенной на принципах эмпиризма (всё может быть проверено экспериментально), рационализма (всё может быть проанализировано в соответствии с логикой, любые утверждения могут быть определены, как истинные и ложные), объективизма (объект познания не зависит собственных свойств от познающего) и с верой в тотальность законов, безусловную возможность их наглядного описания, корреляцию человеческого разума и объективной реальности. Мы выделим некоторые аспекты научного знания, которые подверглись значительному преобразованию в ходе развития науки на протяжении XX века:

Во-первых, ясность научного результата перестала являться значимым приоритетом в исследовательской работе, наблюдается распространение применения искусственного языка, порой составленного для решения частной исследовательской задачи, который может не обладать характеристикой ясности. Этому сопутствует и углубление специализации научного знания, проявляется сложность в адекватной коммуникации между учеными, работающими в различных областях, а также в сопоставлении результатов научного познания, обозначается утрата универсальной картины мира. Так, например, крайне сложной актуальной задачей является теоретическая сводимость химии, биологии и физики, о чем заявляют многие современные ученые [1]. На этом фоне наблюдается оформление междисциплинарных областей исследований и научных мегапроектов, преследующих цель установления теоретической сводимости в научном знании, что можно считать компенсаторным механизмом, образованным по причине мощного разрыва, образовавшегося в науке и нашем понимании мира в целом, общей ситуации диссипации научного знания.

Во-вторых, в современной науке обнаруживается возрастание значения метафизического, спекулятивного и теоретического мышления, данные которых могут лишь косвенно соответствовать положению дел и обязаны слагаться лишь с экспериментальными данными, точность и репрезентативность которых остается дискуссионной. С другой же стороны, на пограничных областях научного знания экспериментальные данные становятся все труднее получить, многие эксперименты, призванные верифицировать теоретические положения, становятся просто невозможно осуществить, например, в силу необходимости огромных инвестиций для создания необходимых условий проведения эксперимента. При этом, на наш взгляд, такая ситуация представляется менее проблематичной, чем проверка некоторых теоретических положений в социальных науках и философии, где присутствует множество теоретических допущений и обобщений, а также осуществляется работа творческого воображения и интуиции, порой предполагающие невозможность прямого сопоставления теории и эмпирического материала. Как можно подчеркнуть в труде Ж. Деррида “О грамматологии” [2], знание, производимое гуманитарной наукой, всегда существует способом, определенным его нарративом и контекстом. Таким образом, мы не имеем никаких гарантий об истинности некоторого знания, которое часто выражено концептуально, как и способов верификации, а зачастую, невозможно даже установить, к чему непосредственно реферируют мнимые понятия, моделирующие симуляции смыслов [3]. Естественные науки также оказываются неочищенными от влияния субъектов, вовлеченных в их производство, а эмпирические данные остаются подверженными неоднозначным интерпретациям, определенным концептуальными рамками той или иной теории.

В-третьих, широкое развитие получает метатеоретические и метанаучные изыскания, направленные на раскрытие специфики самого научного процесса. Развиваются подходы в изучении науки, предлагающие рассматривать деятельность через новые концептуальные оптики и дополнительные порядки наблюдения, позволяющие проследить закономерности собственных действий ученого. Вместе с тем понимание самой науки становится все более социологичным, а ее результаты отождествляются все чаще не с объективной структурой мира,

а с культурным контекстом и социальным конструированием, заведомо определяющими эти результаты.

И наконец, оформляется конфликт холистических и редукционистских методологических программ в исследовании объектов. Редукционистские подходы предполагают рассмотрение объекта через его расщепление, обзор и анализ составляющих его частей. Предполагается, что сумма знаний о предполагаемых частях объекта определяет возможность достижения завершённого знания об объекте в целом. Этот подход также предполагает, что организация процесса исследования и наблюдатель не вносят дополнительных знаний, принципиальным образом определяющих объект познания. Холизм, в свою очередь, предполагает рассмотрение объекта как целостности, имеющей эмерджентные свойства, которые не могут быть в равной степени сведены к сумме частных составляющих объекта. Соответственно, эпистемологической основой холизма является положение, согласно которому сложное явление не может быть до конца понято, исходя исключительно из анализа частей его составляющих. Конфликт данных подходов определил возникновение множества расхождений, оформивших в научном знании XX века новые проблемные поля, в частности те, которые связаны с попыткой объяснения сущности научного знания и его прогресса.

Отмеченные нами смещения в области научного знания, а также знания самой о науке отчасти определили и отчасти были определены интеллектуальным ландшафтом XX века, в котором обнаружились и обострились как проблемы, связанные с нашим познанием внешнего мира, так и проблемы экзистенциального характера. Уже в начале века М. Хайдеггер в работе “Время картины мира” ставит под сомнение преимущества науки, а также самого способа жизни, сложившегося в Европе, акцентируя внимание на разнице между наукой, которая возникла в Новое время, средневековой сциенцией и греческой эпистемой. Он утверждает, что нет смысла в сравнении различных типов научного знания, ведь “Греческая наука никогда не была точной, а именно потому, что по своему существу не могла быть точной и не нуждалась в том, чтобы быть точной. Поэтому вообще не имеет смысла говорить, что современная наука точнее античной” [4, с. 41]. Хайдеггер утверждает это на том основании, что научные представления в разные эпохи покоились на разных истолкованиях “истины сущего и обуславливает соответственно другой способ видения и изучения природных процессов” [4, с. 41].

Эти предварительные наброски затем будут воплощены в ряде критических проектов философии науки (социология науки, эпистемологический конструктивизм, некумулятивные концепции развития науки и т.д.), которые углубят наши познания о структуре научного производства и вместе с тем предоставят серьезные основания для скепсиса в роли научных учреждений, о чем заявляет создатель одного из наиболее масштабных критических проектов Б. Латур: “Было ли ошибкой с моей стороны принять участие в становлении области исследований, которая известна как социология науки? Достаточно ли сказать, что мы имели в виду совсем не то, когда мы это говорили? Почему я не могу без запинки произнести: глобальное потепление — это факт, хотите вы этого или нет?” [5, с. 227]. Таким образом, положения, создаваемые в рамках науки, парадоксальным образом предоставляют самой науке шаткое положение, определяя ее кризисное состояние при переходе в XXI век, в котором, как никогда остро оформляются риски глобальных катаклизмов экологического, эпидемического, социального и характера, возможность к преодолению которых находится, в первую очередь, в области научных учреждений.

Литература

1. Scerri E. Some Aspects of the Metaphysics of Chemistry and the Nature of the Elements // Hyle. 2005. Vol. 11. No. 2. P. 127-145
2. Деррида Ж. О грамматиологии / Пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Пер. с фр. В. Суслова. Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. 72 с.
4. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 41
5. Latour B. Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern // Critical Inquiry. 2004. Vol. 30. No. 2. P. 227.

УЧЕНЫЕ И ВЛАСТЬ: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ДОКЛАДА М. ВЕБЕРА*

Лиана Анваровна Тухватулина

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: spero-meliora@bk.ru

В докладе обсуждается вопрос об актуальности доклада М. Вебера «Наука как призвание и профессия» в контексте осмысления проблемы статуса экспертного знания. Рассматриваются различия между экспертным знанием и знанием собственно научным. Обосновывается тезис о том, что веберовский принцип «свободы от оценки» может лечь в основу нормативной модели коммуникации науки и власти. В докладе показано, что принцип «свободы от оценки» соответствует экспертной функции науки в демократическом обществе (идея «элективного модернизма» Г.Коллинза и Р.Эванса). Обосновывается тезис о том, что ценностно-нейтральное экспертное знание возможно тогда, когда целью экспертной деятельности становится выявление возможных альтернатив политических решений. При этом обсуждение самих этих решений выносится на суд общественности.

Ключевые слова: экспертиза, наука, рациональность, Вебер, модернизация, демократия, коммуникация

SCIENTISTS AND POLITICIANS: ON THE TOPICALITY OF MAX WEBER'S "SCIENCE AS A VOCATION"

Liana A. Tukhvatulina

CSc in Philosophy, Researcher

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: spero-meliora@bk.ru

The author discusses the topicality of Max Weber's ideas in their relation to the problem of expert knowledge. She considers the differences between an expertise and science. She argues that Weberian value freedom principle could be considered as a basis for a normative model of science-politics communication. She insists that this principle is essential for the implementation of scientific expertise in a democratic society. She argues that the idea of "elective modernism" by Harry Collins and Robert Evans corresponds with Weberian ideas on scientific objectivity and neutrality. She claims that value-neutral expert knowledge is possible if we understand the purpose of the expertise correctly. The experts should only "put all the alternatives on the table", while the public should decide which of them is the most appropriate one.

Keywords: expertise, science, rationality, Weber, modernization, democracy, rationality, communication

Для современной философии науки характерен особый интерес к проблемам эпистемологического статуса экспертного знания. Так, активно обсуждается вопрос о соотношении экспертного знания и знания собственно научного. Актуальность этого вопроса вызвана тем, что признание экспертных рекомендаций не в последнюю очередь связано с верой в их научную обоснованность. При этом нельзя не отметить, что различие между экспертным и научным знанием остается весьма существенным. Главным образом, это различие связано с предназначением экспертного знания – выработкой альтернатив политических решений. Как отмечают Г.Коллинз и Р.Эванс, целевая ориентация экспертного знания предполагает, что «решения, затрагивающие публичные интересы, должны быть приняты в строго установленное заказчиком время. А значит, это должно произойти еще до того, как осядет пыль от научных дискуссий, поскольку динамика политической повестки значительно выше

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива».

скорости достижения научного консенсуса» [3, 241]. Это обстоятельство позволяет утверждать, что экспертное знание, будучи ориентировано на интересы заказчика, вынужденно приобретает «рецептурную» форму. Именно эта особенность указывает на наиболее существенное отличие экспертного знания от знания собственно научного. Такого рода особенность создает весомые поводы для критики научной экспертизы.

В 2019 г. знаменитой речи М. Вебера «Наука как призвание и профессия» исполнилось 100 лет. Во многих аспектах этот текст немецкого социолога остается актуальным и сегодня. В частности, примечательна позиция Вебера по вопросу о взаимодействии ученых и политиков. Известно, что Вебер считал крайне нежелательной для науки коллаборацию ученых и политиков, поскольку последняя дезавуирует ценность научного поиска. Важнейшая для науки установка заключается в том, что всякое научное знание является самоценным потому, что сущее «достойно быть познанным» (being worth knowing) [2, 18]. Иными словами, научное знание не нуждается в политическом признании или общественном одобрении, при этом именно стремление к легитимации (в широком смысле) часто оказывается причиной политизации науки.

Однако наш тезис состоит в том, что более точное понимание веберовского принципа «свободы от оценки» все же предполагает возможность участия ученых в диалоге с властью. Более того, именно этот принцип может лежать в основе нормативной модели коммуникации науки и политики. В этой связи стоит обратиться к комментарию К. Левита за прояснением смысла «свободы от оценки» в концепции Вебера: «эта доктрина требует вовсе не элиминации ценностей, но их *объективации*, что, в свою очередь, позволяет осмыслить их с определенной дистанции. Здесь проходит тончайшая линия, разграничивающая науку и веру. И хотя научные суждения не могут быть полностью изолированы от суждений о ценностях, их все же необходимо различать» [5, 53]. Иными словами, тезис о «свободе от оценки» вовсе не предполагает веры в абсолютную нейтральность людей науки. Наивное толкование главной методологической предпосылки Вебера требовало бы полной десубъективации ученых, не оставляя никакой возможности для реального анализа ценностных установок в науке. Однако замечание К. Левита помогает прояснить суть веберовского тезиса: «свобода от оценки» вовсе не требует избыточной идеализации научной рациональности, но проясняет смысл объективности в науке. Объективность достижима лишь через объективацию ценностных установок, которые лежат в основе научной практики. При этом существенно, что объективация препятствует абсолютизации исходных ценностных установок, а значит, становится главным средством против экспансии научной рациональности. Отметим, что требуемая объективация возможна посредством критики, которую осуществляют философия и социология науки.

Для нас весьма существенно, что жесткое требование «политической» нейтральности в науке все-таки не исключает участия ученых в обсуждении актуальной для общества повестки. Принцип «свободы от оценки» вовсе не требует социального эскапизма (escapism), но позволяет прояснить, каким образом возможно «нейтральное» участие ученых в делах, касающихся вопросов «общего блага». В докладе М. Вебер формулирует важное положение о том, что «...мы (ученые – *Л.Т.*) можем, если мы правильно понимаем свое дело [...], заставить индивида – или, по крайней мере, помочь ему – дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности» [1, 730].

На наш взгляд, этот тезис Вебера представляет интерес в том числе для осмысления проблемы научной экспертизы. В своей недавней работе Г.Коллинз и Р.Эванс представили проект так называемого «элективного модернизма» [4]. Социологи полагают, что правильное понимание сути научной экспертизы вовсе не противоречит демократическим идеалам и не приводит к экспансии научной рациональности. Цель научной экспертизы – сделать видимыми все альтернативы возможных решений, обеспечивая тем самым общество адекватным знанием о сути рассматриваемой проблемы. В свою очередь, выбор конкретного плана действий остается предметом общественной дискуссии, в которой ученые-эксперты участвуют наравне с другими [4]. Можно сказать, что такого рода обсуждение может осуществляться благодаря механизмам делиберативной демократии (Ю. Хабермас) с целью поиска рефлексивного равновесия (Дж.Ролз). При этом именно в рамках такой модели ученые-эксперты сохраняют возможность невмешательства в «битву богов». «Экстернализация» процесса принятия особенно значимых для общества решений позволяет минимизировать моральное давление на экспертов, а также делает политику по-настоящему «общим делом»

(res publica). При этом важнейшим преимуществом подобного понимания сути экспертной деятельности видится распределение ответственности за принятие общественно важных решений, которое способствует минимизации угрозы «экспансии научной рациональности» и научной колонизации «жизненного мира». «Экстернализованная» экспертиза может представлять ту модель взаимодействия науки и власти, которая предлагает срединный путь между Сциллой и Харибдой технократизма и популизма. Прозрачная экспертиза требует полной открытости информации о соотношении «знания» и «незнания» в экспертном сообществе: артикуляции разногласий, информирование о методологических лакунах, о возможных рисках, с которыми сопряжена реализация той или иной экспертной программы. Иными словами, задача экспертизы состоит в репрезентации текущего состояния научного знания по той проблеме, решения которой требует общество. При этом, разумеется, речь не идет о том, чтобы передать обществу право выступать арбитром в научной полемике и разрешать научные споры. «Экстернализация» лишь предполагает полноту информирования заинтересованных лиц о состоянии научного знания по проблеме. Однако выбор оптимального (для данного общества в текущих обстоятельствах) решения остается делом публичной дискуссии. Обобщая, можно сказать, что экспертиза как «экстернализация несоответствий» предполагает обнаружение «неудобных фактов» (inconvenient facts) и разногласий в экспертном сообществе, а также презентацию возможных рисков принятия тех или иных решений (даже если подобная презентация грозит «пролиферацией» рисков). Существенным преимуществом такого понимания экспертизы является то, что оно позволяет не только обосновать ее научные основания, но и показать роль научного (в данном случае, научно-экспертного) сообщества в поддержке и развитии институтов делиберации. Устойчивости демократии в современном обществе, где принятие политических решений сопряжено с колоссальными рисками, может способствовать формирование *информированного* консенсуса, суть которого состоит не только в консолидации мнений, но и в агрегации знания, требуемого для решения общественных проблем.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С. 707–735.
2. Weber M. Science as a Vocation // Max Weber's 'Science as a Vocation' /ed. by P. Lass-man & I. Velody. London: Unwin Hyman. P. 3–32.
3. Collins H.M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Experties and Experience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32. No. 2. P. 235-296.
4. Collins H.M., Evans R. Why Democracies Need Science. Cambridge, UK ; Malden, MA : Polity Press, 2017.
5. Löwith K. Max Weber and Karl Marx. London: Routledge, 1993.

СОФТ-ИНЖЕНЕРЫ, КРИПТОГРАФЫ, ШИФРОПАНКИ: МЕЖДУ ДОВЕРИЕМ И ПОДОЗРЕНИЕМ*

Елена Эдуардовна Чеботарева

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии науки и техники
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: e.chebotareva@spbu.ru*

Статья показывает перспективы философского подхода к исследованию блокчейн-технологий и цифрового пространства. Философский подход раскрывается через онтологическое, эпистемологическое и этическое рассмотрение цифровых технологий: их определения, классификации, телеологию, возможности, пределы и ограничения, а также организационные архитектуры и идеи в основании

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00920 «Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ»

новой цифровой реальности. Кроме того, важными оказываются связи новых понятий и устоявшихся культурных контекстов. В статье затронуты исследования о связи философии с криптографией в связи с проблематикой доверия и подозрения в основании блокчейн-технологии. Автор также демонстрирует эпистемологический потенциал децентрализованных проектов на примере подхода «мудрость толпы» и показывает его роль для исследований философии науки. Помимо этого, затронут вопрос о том, как рождался проект блокчейн-технологий и криптовалюты и какие следствия были предсказаны его теоретиками.

Ключевые слова: философия науки, цифровое пространство, технологии блокчейн, криптовалюта, «мудрость толпы», шифропанки

SOFTWARE ENGINEERS, CRYPTOGRAPHERS, CYPHERPUNKS: BETWEEN TRUST AND SUSPICION

Elena E. Chebotareva

*CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy of Science and Technology
Saint Petersburg State University
E-mail: e.chebotareva@spbu.ru*

The article argues the prospects of a philosophical approach to the study of blockchain technologies and digital space. The philosophical approach gives the ontological, epistemological and ethical considerations of digital technologies: their definitions, classifications, teleology, capabilities, constraints and limitations as well as reference architecture and ideas in the foundation of a new digital reality. Moreover, there has been shown the importance of the connections between new concepts and familiar cultural contexts. The article touches upon the issue on the connection between philosophy and cryptography related to the problems of trust and suspicion of the foundation of the blockchain technology. The author also demonstrates the epistemological potential of decentralized projects on the example of the “wisdom of the crowd” approach and shows its role in the study of the philosophy of science. In addition, the article investigates how the project of blockchain technologies and cryptocurrencies was born and what consequences were predicted by its theorists.

Keywords: philosophy of science, digital space, blockchain technology, cryptocurrency, “the wisdom of the crowd”, cypherpunks

Технологии блокчейн, стремительно набирающие популярность, становятся предметом исследований многих дисциплин. При этом до сих пор большинство людей, включая философов, с трудом представляют себе принцип действия и смысл технологий распределенных данных в практической жизни. Мы наблюдаем первые попытки говорить о технологиях блокчейн и их последствиях с точки зрения философии – но пока их немного.

Постепенно появляются работы об опыте использования технологии блокчейн в некоторых практических сферах: «Сетевые технологии распределенных данных были впервые использованы в финансовой сфере (2008 г.), а затем стали расширяться в сфере услуг, торговли, местного самоуправления, искусства и других областях. Однако социальный и политический характер этой технологии еще не изучен. Более того, имеющиеся исследования показывают только некоторые аспекты общественно-политического характера технологии блокчейн и больше описывают эти вопросы гипотетически. Эти исследования разбросаны между различными отраслями знаний, что снижает их эффективность с учетом гуманитарного и технического характера технологии распределенных данных. В этом отношении важно развить основы для нового синтезированного научного направления “цифровой социальной гуманитаристики”» [1, 89]

Как полагают зарубежные исследователи, философия обладает целым рядом содержательных подходов к рассмотрению блокчейна. «Интернет побудил нас переосмыслить такие темы, как «я», отношения между физическим миром и виртуальным миром, индивидом и обществом, а также концепции материальности, воплощения, временности, пространственности и возможности. Технологии блокчейн требуют такой же степени

философского исследования. Возможен полный спектр их рассмотрения в классических областях философии: онтологии, эпистемологии и аксиологии. Вообще говоря, онтология рассматривает вопросы существования. Что такое технология блокчейн? Как её характеризуют, создают и реализуют? Как это работает в мире? Каковы её определения, классификации, телеология, возможности, пределы и ограничения?» [2]

Цифровое пространство именуется так именно потому, что подчинено цифре, математике; оно не просто описывается ею, подобно тому, как природа описывается через физические законы с помощью математических инструментов, а именно творится с помощью кода. Код – это закон цифровой реальности, иными словами, при наличии времени, желания и таланта представляется возможным создавать альтернативные цифровые реальности, в которых будет изобретена иная архитектура связей анонимности, приватности, секретности, взаимодействия, доверия. Мы наблюдаем, с одной стороны, волю к творению нового мира, и с другой стороны, эволюцию этих миров, потому что их конкретное воплощение зависит от того, сколько пользователей захочет поддержать новую систему и разделить идеи, лежащие в её основе. По крайней мере на данный момент мы наблюдаем эволюцию криптовалюты (вслед за биткоином возникло множество других криптовалют разной степени надёжности и экономности добычи, а общее их число превышает 2000). Эта ситуация близка лейбницевской концепции множества миров: сущностью обладает любой мир, если он не противоречит законам логики (математики) и подчиняется программному коду, при этом реальное воплощение получает лучший цифровой мир из возможных (или наименее плохой). Очевидно, что выбор остается за самими пользователями, за тем, какие ценности и возможности для них окажутся приоритетными. С учетом этих мыслей представляется польза философского подхода, широко исследующего организационные архитектуры и идеи в основании новой цифровой реальности, а также связи новых понятий и устоявшихся культурных контекстов. Показательны в этом отношении исследования о связи философии с криптографией, где криптоанализ и криптография интерпретируются как «названия снова актуализированной философской деятельности по установлению различия и баланса между открытым и закрытым, явленным и неявным. В этой работе тайна является способом вновь проблематизировать такие важные для современной философии и науки эпистемологические модусы, как доверие и подозрение» [3, 26]. Собственно, проблематика доверия и подозрения как раз и лежит в основании блокчейн-технологии.

С другой стороны, технология распределенных данных обладает огромным эпистемологическим потенциалом и дает возможность новой методологии исследования общества. В качестве такого примера можно рассмотреть некоторые децентрализованные проекты, такие как децентрализованный рынок предсказаний Augur, позволяющий всем желающим делать ставки на любые события в будущем (см.: <https://www.augur.net/>). Компания Augur собирается эксплуатировать подход, который называется «мудрость толпы». Этот подход предполагает, что если вы соберете достаточное количество мнений об исходе будущего события, то среднее арифметическое этих ответов даст поразительный уровень точности в предсказании исхода этого события. Согласно этому подходу, один человек, специалист или небольшая группа специалистов не могут быть единственным источником достоверных данных, а получение согласованного мнения больших групп — это практически безошибочный способ прогнозирования. Самый известный (до того момента как в 2012 году федеральные власти не вынудили его прекратить деятельность в США) рынок предсказаний In Trade, правильно предсказал результаты президентских выборов в 48 из 50 штатов, превзойдя точность прогнозов социологов и различных опросов общественных мнений. Таким образом, децентрализованные рынки предсказаний – тема весьма значимая и скользкая, поскольку она связана с двумя основополагающими человеческими свободами: свободой слова и свободой политических убеждений [4].

Мы видим, что «власть экспертов» теряет свои позиции, и каждый человек с одной стороны, получает возможность высказать своё мнение, а с другой – никто не может считать себя автором прогноза и предоставлять исчерпывающие объяснения ситуации. Это определенно новый баланс между субъективностью и объективностью высказывания о реальности. Несмотря на то, что «мудрость толпы» была отмечена ещё Аристотелем, у человечества не было технологической возможности непосредственной масштабной реализации этого подхода. Подход «мудрость толпы» достаточно активно изучается в настоящее время, и здесь важно отметить один момент. Исследователи подчёркивают,

что попытки людей прийти к консенсусу (совместному решению) по любому вопросу, вместо того, чтобы дать анонимный ответ, снижают правильность итогового ответа, в силу психологического и социального влияния одних групп на другие [5].

Принимая во внимание возможность снижения интереса к консенсусам, можно предположить, что концепция конвенциональной истины окажется под угрозой исчезновения и современная парадигма научного знания будет существенно перестроена. Кроме того, возникает вопрос о новом смысле консенсуса и согласия как для научной эпистемологии, так и для развития общества в целом. Эти вопросы представляют собой определенный вызов для современной философии науки, в частности в контексте того, что все описанные тренды цифрового мира будут происходить в конвергенции с другими технологиями – с биологическими, с нанотехнологиями и так далее. Есть ли в таком случае смысл говорить об отдельных технологических, эпистемологических и дисциплинарных проблемах вне конвергенции и действия последствий других технологий, или же следует выдвинуть тезис о том, что наиболее быстро развивающаяся технология имеет некоторый онтологический и эпистемологический приоритет в области влияния?

Опираясь на концепт «мудрости толпы», следует отметить ещё одну важную деталь происхождения технологии блокчейн: она была предсказана не только в среде математиков, криптологов и шифропанков, которые её собственно и придумали, но в том числе людьми, весьма далекими от этого: писателем лордом Уильямом Рис-Моггом и экономистом Джеймсом Дэвидсоном в книге «Суверенная личность: овладение переходом к информационной эпохе» (*The Sovereign Individual: Mastering the Transition to the Information Age*) в 1997 г. (впрочем, они не ограничились лишь одной работой на эту тему). Авторы книги хорошо продумали не только специфику блокчейна (включая описание грядущей цифровой валюты биткойна и её возможности дробления на бесчисленно малые доли), но и последствия использования этих технологий, в частности освобождения людей от власти государства и потерю последним монополии на насилие [6]. В одном из журналов авторы отмечали, что люди будущего, которые оглянутся «назад в эпоху национального государства», найдут некоторые обязательства, принятые на себя в 20-м веке во имя гражданства, такими же нелепыми, как некоторые средневековые рыцарские обряды [7, 14]. Таким образом, в конце 20 века похожие прогнозы были сделаны совершенно разными с точки зрения занятий и профессионального опыта людьми.

Данная статья показывает, что философские исследования в области блокчейн-технологий могут быть конструктивными с точки зрения онтологии новых цифровых пространств, эпистемологии и этики. Кроме того, главные творцы цифровых технологий – софт-инженеры, криптологи и шифропанки дают поле для исследования в направлении философии инженерии. Представляется, что история длительного противостояния инженеров-технократов и менеджеров-финансистов, показанная рядом исследователей 20-го века, в нашем веке получает новый поворот.

Литература

1. *Сморгунов Л.В.* Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 88-99
2. *Swan M., de Filippi P.* Toward a Philosophy of Blockchain: A Symposium: Introduction // *Metaphilosophy*. 2017. Vol. 48. No 5. P. 603-619. URL: <https://doi.org/10.1111/meta.12270>
3. *Дуденкова И.* Философия как криптография. Философско-литературный журнал Логос. 2017. Т. 27. № 4 (119). С. 23-46
4. Наследие шифропанков: эволюция идей. Блог компании HashFlare. 6 октября 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/company/hashflare/blog/384799/> (дата обращения 12.10.2019)
5. *Ball P.* "Wisdom of the crowd": The myths and realities". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20140708-when-crowd-wisdom-goes-wrong> (дата обращения 11.10.2019)
6. *Davidson J., Rees-Mogg W.* The Sovereign Individual: Mastering the Transition to the Information Age. Published August 26th 1999 by Touchstone (first published 1997), P. 448
7. *Davidson J., Rees-Mogg W.* Twentieth-century penance? Across the Board 34 (6): Jun 1, 1997. P. 14.

К ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТИ ВО ВНЕШНЕЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Светлана Викторовна Шибаршина

Кандидат философских наук, доцент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского

E-mail: svet.shib@gmail.com

В данном исследовании рассматривается проблема личности и личностного во внешней научной коммуникации (science communication). Автор отталкивается от идей, высказанных Максом Вебером в работе «Наука как призвание и профессия», относительно призвания ученого и подлинной страсти к науке, с одной стороны, и ценностной нейтральности ученого-преподавателя, с другой. Показано, что в science communication проблема личности оказывается еще более неоднозначной, нежели во внутринаучной коммуникации. Автор обосновывает тезис о том, что принцип «доступности для понимания», как один из важнейших в science communication, может вступать в противоречие с такими внутринаучными этическими и эпистемическими принципами, как эмоциональная нейтральность, незаинтересованность, ясность, прозрачность и тщательность. Проблематизируется этическая приемлемость манипуляции как способа достижения эффективности во внешней научной коммуникации.

Ключевые слова: Макс Вебер, наука, личность, этика, science communication, манипуляция

SCIENCE COMMUNICATION: TO THE PROBLEM OF PERSONALITY**

Svetlana V. Shibarshina

CSc in Philosophy, Associate Professor

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: svet.shib@gmail.com

This article considers the problem of personality in science communication between scientists and society. The author proceeds from the ideas expressed by Max Weber in his work “Science as a Vocation” regarding the scientist’s calling and genuine passion for science, on the one hand, and the value neutrality of a scientist as a teacher, on the other. The author shows that in science communication the problem of personality is even more ambiguous than in intra-scientific communication. The author substantiates her argument that the principle of “accessibility for understanding” as one of the most important in science communication may conflict with such intra-scientific ethical and epistemic principles as emotional neutrality, disinterestedness, clarity, transparency and thoroughness. She also discusses the ethical acceptability of manipulation as a way to achieve efficiency in science communication.

Keywords: Max Weber, science, personality, ethics, science communication, manipulation

В работе «Наука как призвание и профессия» Макс Вебер, говоря о призвании ученого и одновременно его роли как преподавателя, высказал следующие идеи. С одной стороны, он акцентировал внимание на необходимости подлинного призвания к науке: «[б]ез странного упоения ... человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-нибудь другим» [1, с. 708]. С другой стороны, ученый-преподаватель в аудитории перед студентами не может быть «вождем» и «пророком», внушающим, прежде всего, политические ценности. По этому поводу Вебер пишет, что «[с]туденты приходят к нам на лекции, требуя от нас качества

* Исследование выполнено по проекту РНФ № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание». Шибаршина Светлана Викторовна – к.ф.н, исследователь проекта, МРОО «Русское общество истории и философии науки».

** This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant no. 19-18-00494 ‘The mission of the scientist in the modern world: science as profession and vocation.’

вождя», однако при этом «наука есть профессия ... служащая делу самосознания и познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящий спасение и откровение, и не составная часть размышления мудрецов и философов о смысле мира» [1, с. 728, 731]. Таким образом, ученый должен быть страстно увлечен своей деятельностью и при этом сохранять ценностную нейтральность перед аудиторией, которая по своему эпистемическому статусу не может вступать с ним в полноценные дискуссии. Позже в различных вариантах нормативной этики науки (Р. Мертон, Б. Барбер и др.) были описаны принципы эмоциональной нейтральности и незаинтересованности.

И все же, как было показано в различных исследовательских практиках, изучающих науку и ученых, личность ученого в целостности ее составляющих (социальных, культурных, психологических и пр.) не редуцируема к некоему идеалу максимально объективного, незаинтересованного, нейтрального познающего субъекта. В отношении научной коммуникации это связано с тем, что, во-первых, последняя осуществляется личностью и, во-вторых, в определенных случаях вовлекает рассказ о личности. При этом как оценивать те формы научной коммуникации, когда ученый как бы снимает «маску» обезличенной объективности и незаинтересованности и представляет свои аргументы в форме личностной, иногда автобиографической, истории? Проблему снятия «маски» можно, правда, рассмотреть иначе. В частности, в теории социального взаимодействия американского социолога Ирвинга Гофмана жизнь человека уподобляется спектаклю и сыгранным ролям, которые определяют его повседневное поведение и презентацию себя в обществе, по сути характеризуют личность человека «масками» [2]. Таким образом, когда научная коммуникация выходит за пределы эмоциональной нейтральности, можно с опорой на социологическую драматургию сказать, что ученый отнюдь не обнажает истинное лицо, а, скорее, надевает маску другого типа [3, р. 117], для других целей. Является ли это нарушением научной этики? Можно ли обвинить ученого в манипуляции?

Проблема личности в научной коммуникации приобретает еще большую неоднозначность в контексте взаимодействия между наукой и обществом (так называемой *science communication*). Здесь, с одной стороны, в рамках партиципаторной модели ученые, сталкиваясь с проблемой эпистемического доверия к себе, уже не могут безоговорочно претендовать на традиционный или харизматический авторитет, поэтому им необходима рациональная основа, позволяющая им высказываться по тем или иным вопросам. Предлагаемые для *science communication* этические принципы призваны, таким образом, как направлять сообщения ученых в этически приемлемое русло, так и обеспечивать ученым доверие со стороны общественности [4, р. 348-349]. С другой стороны, безоговорочное следование нормам внутринаучной коммуникации, предполагающим ясность, прозрачность и тщательность в передаче результатов научного исследования, способно сделать *science communication* неэффективной, если будет нарушен один из важнейших ее принципов – принцип понимания: научное знание должно быть представлено в понятной для ненаучной аудитории форме. Подобное нарушение имеет существенное этическое измерение. По словам Оноры О'Нил, передача научного знания «этически приемлема только тогда, когда она происходит в форме, доступной для понимания и оценки аудиторией» [5, р. 186]. Соответственно, ради достижения понимания научный коммуникатор может поступить такими важнейшими принципами внутринаучной коммуникации, как прозрачность и тщательность предоставления информации. Действительно, использование большого количества данных в общении с не-экспертами может затруднять понимание.

Science communication неизбежно сталкивается с проблемой того, можно ли считать манипуляцию этически приемлемой. В связи с этим Дэн Кан предложил ряд этических правил, включающих следующее. Не следует лгать и манипулировать. Следует использовать коммуникационные стратегии и процедуры только для стимулирования взаимодействия с информацией, а не для того, чтобы побуждать делать те или иные выводы. Можно призывать аудиторию к взаимодействию только тогда, когда есть веские основания полагать, что подобное взаимодействие соответствует целям и интересам получателей информации (другими словами, если аудитория предпочитает верить «ненаучным» вещам, следует оставить ее в покое) [6]. То есть научный коммуникатор должен вступать в коммуникацию, только если сообщаемая им информация отвечает интересам его реципиентов; кроме того, он должен способствовать тому, чтобы аудитория стремилась к рефлексивному, критичному взаимодействию с информацией. Однако так ли уж недопустима здесь манипуляция? Дело

в том, что практики научного коммуникаторства можно сравнить с работой учителя, который порой, следуя принципу «доступности для понимания», вынужден применять манипуляцию. В контексте science communication манипуляцию описывают как «действия, направленные на создание (когнитивных, поведенческих, эмоциональных) эффектов посредством провоцирования нерациональных эмоциональных / когнитивных реакций» [7]. Далеко не все исследователи science communication оценивают манипуляцию исключительно отрицательно. К примеру, Томас Атчинсон полагает, что она допустима в благих целях, если коммуникатор не преследует следующие этически неприемлемые цели: сознательное введение людей в заблуждение, препятствование ясному пониманию проблемы, нарушение отношений равенства, нанесение вреда [7].

Р. Кохейн и его соавторы также рассматривают вопрос манипуляции, в частности, применительно к взаимодействию между экспертами и политическими акторами по вопросам глобальных проблем, к примеру, изменения климата. Анализируя принцип «доступности для понимания», они предлагают сильную и слабую версию его интерпретации [4, р. 356]. Слабая предполагает формулирование утверждений на языке, доступном для понимания рациональной и образованной аудиторией. Сильная же интерпретация опирается на психологические и когнитивные аспекты коммуникации, включая использование эффекта фрейминга (когнитивного искажения, при котором форма подачи информации влияет на ее восприятие). Однако это может быть чревато переходом в манипуляцию, поэтому Кохейн предлагает ограничиваться слабой версией [4]; соответственно, сознательная манипуляция в любой форме приобретает в его оценке, скорее, отрицательный характер. На наш взгляд, в случае Кохейна и его коллег это, очевидно, вполне правомерное решение, поскольку речь идет о влиянии на политические решения. Однако если рассмотреть ситуацию научной популяризации, одна из важнейших целей которой – вовлечение молодежи в научную деятельность и, соответственно, конструирование привлекательного имиджа ученых и науки, – здесь, на наш взгляд, прагматически более адекватным оказывается подход Атчинсона.

Рассмотрим и другую грань проблемы личности в science communication, связанную с научной популяризацией. Как нам представляется, часть аудитории ищет в публичных лекциях и научно-популярных книгах, например, Стивена Хокинга, ответы на фундаментальные вопросы о смысле мироздания и места человека в нем. Это может влиять и на восприятие личности коммуникатора. С какой целью люди набивались в зал на научно-популярные лекции А.Н. Колмогорова об искусственном интеллекте или лекцию Норберта Винера «Волны головного мозга и самоорганизующиеся системы», приехавшего в СССР в 1960 г. [8, р. 268] – не есть ли в подобном познавательном интересе смысловая составляющая? Можно сказать, что иногда публика ищет в ученом как раз вождя и пророка, и именно эти ожидания, особенно если они оправдываются, могут способствовать выбору научной профессии. Ученый или научный журналист в попытках сделать коммуникацию успешной, зачастую выступает своего рода адвокатом и даже пропагандистом науки. В научной популяризации не так просто отграничить нарратив о науке и пропаганду науки как ценности и научного мировоззрения.

Таким образом, научный коммуникатор, сталкиваясь в своей деятельности с различными эпистемическими, методологическими, этическими и пр. проблемами, неизбежно преломляет фокус их решения через себя как личность. В этом смысле интересно замечание Лоры Д. Уоллс о творчестве Генри Дэвида Торо, которого иногда называют примером гуманизированной научной практики, рассматривающей личность ученого в ее целостности, а объект исследования – как субъект [9]. На наш взгляд, научный коммуникатор, прежде всего, из-за особенностей своей аудитории в некоторых ситуациях вынужден, если воспользоваться терминологией Гофмана, «надевать маску» заинтересованности и субъективности, лавируя при этом между различными этическими «Сциллами» и «Харибдами».

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.
2. Гофман И. Представление себя другим в реальной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц. Кучково поле, 2000. 304 с.
3. Ranalli B. Science Communication as Communication about Persons // Ethics and Practice in

Science Communication. Ed. S. Priest, J. Goodwin, and M. Dahlstrom. Chicago, IL: University of Chicago Press, 2018. P. 116-135.

4. Keohane R.O., Lane M., Oppenheimer M. The Ethics of Scientific Communication under Uncertainty // Politics, Philosophy & Economics. 2014. Vol. 13. No. 4. P. 343-368.

5. O'Neill O. Autonomy and Trust in Bioethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 213 p.

6. Kahan D. Ethical Guidelines for Science Communication Informed by Cultural Cognition Research [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturalcognition.net/blog/2012/4/19/ethical-guidelines-for-science-communication-informed-by-cul.html/>. (дата обращения 17.09.2019)

7. Atchison T. Autonomy, Manipulation, and Respect (for Mortals) // Ethical Issues in Science Communication: A Theory-Based Approach: 3rd Iowa State Summer Symposium on Science Communication. Iowa, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.dr.iastate.edu/sciencecommunication/2013/proceedings/2/>. (дата обращения 21.09.2019)

8. Fet Y. From the History of Russian Computer Science. In: Reflections on the History of Computing. IFIP Advances in Information and Communication Technology. Ed. A. Tatnall. Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. P. 265-288.

9. Walls L.D. Seeing New Worlds: Henry David Thoreau and Nineteenth-Century Natural Science. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1995. 232 p.

ПРИНЦИПЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ М. ВЕБЕРА В ИХ ПРИМЕНЕНИИ К ВОПРОСУ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИДЕОЛОГИИ И НАУКИ*

Елизавета Валерьевна Щербакова

*Кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальной философии
и философии истории философского факультета*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: Ev-philos@yandex.ru

В статье рассматривается теория М. Вебера, утверждавшего, что, с одной стороны, наука должна быть освобождена от практических оценок, с другой, что ценность самой науки нуждается в обосновании. Автор отмечает сложность достоверного разделения оценочных и фактических суждений, отмечая, что часто общепризнанность оценок принимается за их истинность. Автор противопоставляет науку как форму духовной деятельности идеологии, которая по сути своей является ценностным типом мировоззрения. Это является причиной большей ее эмоциональной привлекательности для людей по сравнению с наукой и позволяет ей выполнять важные социальные функции: интегрирующую, компенсаторную, мотивационную, воспитательную и др., но, одновременно с этим, делает ее утверждения менее достоверными по сравнению с научными.

Ключевые слова: Вебер, идеология, истина, Луман, наука, ценности

THE PRINCIPLES OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF M. WEBER IN THEIR APPLICATION TO THE ISSUE OF DIFFERENTIATION OF IDEOLOGY AND SCIENCE

Elizaveta V. Shcherbskova

*CSc in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Social Philosophy
and Philosophy of History*

Lomonosov Moscow State University

E-mail: Ev-philos@yandex.ru

The article considers the theory of M. Weber who argued that, on the one hand, science should be exempted from value judgments, and, on the other, that the value of

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00733-ОГН «Системно-коммуникативный подход Никласа Лумана в приложении к российскому обществу», проект № 18-011-01097 «Социальная теория и власть: современная российская перспектива».

science itself needs to be substantiated. The author notes the complexity of the reliable separation of value and factual judgments and notes that often the general recognition of values is taken as their truth. The author compares science as a form of spiritual activity with an ideology which in its essence is a value type of a worldview. This is the reason for its greater emotional attractiveness for people in comparison with , which allows it to perform important social functions: integrating, compensatory, motivational, etc. but, at the same time, makes its statements less reliable than scientific ones.

Keywords: ideology, Luhmann, science, truth, value, M. Weber

Уже само название данной конференции «Наука как общественное благо» отсылает нас к проблеме соотношения истин и ценностей. Классической в этом отношении является теория М. Вебера, который утверждал, что, с одной стороны, наука должна быть освобождена от различного рода оценок, а с другой, что ценность самой науки нуждается в обосновании [1, С. 715].

Стоит оговорить, что Вебер признавал, что, если разделение ценностных суждений и логических умозаключений не может быть достоверно проведено, то нельзя требовать устранения абсолютно всех практических оценок из научной деятельности. Он писал о том, что крайне сложно выделить критерий, по которому можно всегда однозначно отличить эти типы высказываний друг от друга [2, С. 547]. Получается, установка на полное и окончательное избавление от оценок опасна тем, что может привести к созданию иллюзии мнимой свободы от них, в то время как в действительности они в содержании работ останутся. В этом смысле более приемлемым исследователь считал решение оставить их в научной деятельности и преподавании при условии, что ученый «видит свой прямой долг в том, чтобы в каждом отдельном случае со всей отчетливостью пояснять своим слушателям, и в первую очередь уяснить самому себе (пусть даже это сделает его лекции менее привлекательными), что является в его лекциях чисто логическим выводом или чисто эмпирическим установлением фактов и что носит характер практической оценки» [2, С. 548]. Таким образом, субъект науки обязан сам осознавать свои ценностные приоритеты и минимизировать их воздействие на результаты научного познания.

Особенно часто путаница между оценочными и фактическими суждениями возникает в случае общепринятых оценок. М. Вебер отмечает, что существующий по их поводу консенсус в обществе зачастую невольно принимается за доказательство их истинности. Подобные умозаключения мы наблюдаем и в теории Н. Лумана, в рамках которой истины и ценности являются схожими посредниками коммуникации, заключающимися в совпадении переживаний (восприятий, мнений) участников взаимодействия. Исследователь отказывается от классической корреспондентской теории истины, трактующей ее как соответствие знания внешней реальности. При таком подходе, действительно, понятия истины и ценности сближаются, а общепризнанность становится их ключевым атрибутом [3]. Однако, если мы придерживаемся классической теории истины, то должны помнить, что общезначимость и даже общеобязательность суждений ценности не делает их истинными или ложными в гносеологическом смысле.

Получается, наука должна стремиться к освобождению от ценностных суждений, но одновременно с этим, согласно Веберу, ей также необходимо обосновывать собственную ценность. Исследователь отмечает, что наука теряет привлекательность в глазах его современников, потому что «не дает никакого ответа на единственно важные для нас вопросы: "Что нам делать?", "Как нам жить?"» [1, С. 718-719]. При этом, подлинный ученый, по его мнению, не имеет права отвечать на эти вопросы, в противном случае он становится «пророком».

Здесь следует затронуть проблему соотношения науки и идеологии как общественной практики, с ней конкурирующей. Ценностные суждения составляют сердцевину идеологии. Ее основная задача – осмысление мира с позиций тех или иных социальных групп и разработка соответствующих моделей общественного устройства. Вопросы «Что нам делать?», «Как нам жить?» и подобные являются ее главными вопросами. И она предлагает на них ответы, что обуславливает ее большую эмоциональную притягательность по сравнению с наукой, несмотря даже на часто присущую ей предвзятость и необъективность. При этом в отличие от чистой этики, также занимающейся подобными вопросами, идеология стремится не просто

к манифестации ценностных предпочтений, но и к их утверждению в качестве доминирующих регуляторов общественной жизни.

Однако, неверно было бы в связи с отсутствием у идеологии интенции следовать «принципу интеллектуальной честности» характеризовать ее как ложное или иллюзорное сознание, что делалось, например, в рамках марксистской теории. Ценностные суждения не являются ложными, они по самой своей форме не поддаются процедурам гносеологической верификации или фальсификации, составляя при этом важную часть человеческого мировоззрения. Ценностное осознание мира, как и его научное познание представляет собой вид ориентационной деятельности, то есть пытается определенным образом понять окружающую действительность. При этом, в отличие от научного познания оно сразу стремится соотносить реальность с потребностями и желаниями человека. Предлагаемые им мнения имеют первостепенное значение для успешной адаптации людей.

Ценностные суждения в составе идеологии позволяют ей «заполнять пустоту в человеческой душе», устранять дефицит жизненных смыслов, помогать людям смириться с тяжелой социальной реальностью или, напротив, мотивировать на начало борьбы с ней. Кроме того, идеология также способна канализировать эмоциональную энергию людей и направлять их деятельность к достижению тех или иных целей. Выполняя данные функции, она играет большую роль в формировании индивидов в обществе. Поэтому часто в качестве отдельной задачи идеологии отмечают воспитательную (функция социализации). Действительно, предлагая подрастающему поколению ту или иную трактовку социальной реальности, идеология помогает ему сориентироваться в ней, осознать собственное место и роль в происходящем. Таким образом, она способствует самоидентификации индивидов и групп в социальном и политическом пространстве.

Отдельно стоит отметить крайне важную способность идеологии выполнять интегрирующую (консолидирующую) функцию. Многие исследователи и общественные деятели считают одной из главных бед современной России наличие так называемого «ценностного вакуума» и вызванного этим кризиса идентичности. Постулируется необходимость поиска объединяющей системы ценностей, иными словами, национальной идеи. Однако, стоит оговорить, что несмотря на то, что понятия идеологии и «национальной идеи» часто используются в качестве синонимов, они не тождественны. При единой общенациональной системе базовых ценностей могут иметься несколько различных противоборствующих идеологий (на что указывает конституционно закрепленное право на свободу мысли, которое, в частности, выражается в допустимости идеологического плюрализма). Кроме того, помимо идеологии предлагать подобную систему ценностей способны и другие виды духовной деятельности, например, религия.

Иными словами, ценностная составляющая способствует выполнению идеологией крайне важных компенсаторной, консолидирующей, воспитательной и мотивационной общественных функций, выходящих за рамки научной компетенции. Однако для того, чтобы выполнять данные функции идеологии необходимо выполнять и задачу познания действительности. Получается, хотя познание как таковое никогда самостоятельной целью идеологии (в отличие от науки) не является, мы должны признать, что полностью убрать эту компоненту из идеологии невозможно. Таким образом, не стремясь следовать принципу интеллектуальной честности, идеология предлагает не столь достоверное знание по сравнению с научным, но в то же время именно благодаря этому обладает большей способностью к эмоциональному воздействию на людей. Идеология, действительно, играет интегрирующую, мобилизующую, регулирующую и организующую роль в обществе, а на уровне индивида способствует возникновению чувства уверенности, социального благополучия. Несмотря на то, что она зачастую предлагает описание действительности далекое от истины, ее не следует воспринимать исключительно в негативном ключе.

Получается, подлинная наука, предлагая индивиду фактическое знание, не лишает его необходимости делать ценностный выбор, а сфера научного, фактического, объективного знания не способна полностью подменить собой ценностную сферу. Таким образом, если ученый стремится проповедовать те или иные ценности, то он перестает быть ученым, хотя именно такое его поведение сделало бы для окружающих очевидной значимость его работы.

Литература

- 1 Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644-735
- 2 Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке» // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 547-602
- 3 Луман Н. Медиа коммуникации. М.: Логос, 2005.

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО: КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

РАДИКАЛЬНАЯ РЕФОРМА АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ОЦЕНКАХ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

Анатолий Михайлович Аблажей

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии и права Сибирского отделения РАН

Доцент

Новосибирский государственный университет

E-mail: ablazhey@academ.org

Анализируется спектр мнений ученого сообщества о реформе сферы академической науки исследовался путем проведения и последующего анализа полуструктурированных интервью. В качестве интервьюеров выступили научные сотрудники академических институтов Томска, Красноярска и Иркутска. Удалось выявить спектр оценок относительно происходящих изменений, зафиксировать основные факторы и условия, способствующие успешной адаптации ученых к новым условиям научной деятельности. Подтвержден тезис о соответствии осуществленной реформы общему тренду трансформации различных сфер интеллектуального производства стран в духе неолиберальных идей, одно из ярких проявлений которого – практические шаги по переводу финансирования и управления наукой на рыночные рельсы. Государство стремится реформировать науку (она должна стать управляемой и недорогой и, одновременно, современной и экономически эффективной) при ярко выраженном недостатке необходимых ресурсов. Это стремление наталкивается на сопротивление научного сообщества, которое пытается сохранить традиционные ценности научной профессии.

Ключевые слова: академическая наука, научное сообщество, реформа, мнения, адаптация

RADICAL REFORM OF ACADEMIC SCIENCE IN THE ASSESSMENTS OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY

Anatoly M. Ablazhey

CSc in Philosophy, Leading Research Fellow

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

Associate Professor

Novosibirsk State University

E-mail: ablazhey@academ.org

The spectrum of opinions of the academic community on the reform of the academic science field was investigated through the behavior and subsequent analysis of semi-structured interviews. Researchers from academic institutions of Tomsk, Krasnoyarsk and Irkutsk acted as interviewers. It was possible to derive a range of assessments regarding the changes taking place, to fix the main factors and conditions conducive to the successful adaptation of scientists to the new conditions of scientific activity. The thesis on the conformity of the reform to the general transformation trend of various spheres of intellectual production of countries in the spirit of neoliberal ideas was confirmed, one of the most striking manifestations of which is practical steps to transfer funding and manage science on the market track. The state seeks to reform science (it should become manageable and inexpensive and, at the same time, modern and cost-effective) with a pronounced deficit of necessary resources. This desire runs into the resistance of the scientific community which is trying to preserve the traditional values of the scientific profession.

Keywords: academic science, scientific community, reform, opinions, adaptation

В докладе представлены результаты исследования, нацеленного на выявление спектра мнений ученого сообщества о реформе сферы академической науки. Использовался метод проведения полуструктурированных интервью с их последующим анализом. В качестве интервьюеров выступили научные сотрудники академических институтов Томска, Красноярска и Иркутска. Мы исходили из основного положения, согласно которому проводимые институциональные изменения соответствуют глобальному тренду трансформации различных сфер интеллектуального производства в духе неолиберальных идей, одно из ярких проявлений которого – практические шаги по переводу финансирования и управления наукой на рыночные рельсы. В ходе исследования удалось выявить наиболее распространенные мнения научного сообщества относительно происходящих изменений, зафиксировать основные факторы и условия, способствующие успешной адаптации ученых к новым условиям научной деятельности. Исходя из смыслового анализа текстов, полученных в результате интервью, обнаружено, что проводимые изменения приводят к некоторой деформации процессов научной коммуникации как внутренней, так и внешней. Основные тезисы проведенного исследования заключаются в следующем:

1. Существует убежденность подавляющего большинства опрошенных научных сотрудников в том, что реформа была необходима; столь же велика поддержка точки зрения, согласно которой методы и способы ее проведения были совершенно негодными. Отчасти это произошло потому, что «научное сообщество» отрезано от принятия решений, т.е. механизмы внешней коммуникации между учеными и управленцами не были налажены.

2. Негативно оценивали участники исследования резкое усиление бюрократических тенденций в управлении наукой, которые одновременно сочетаются со стремлением перевести науку на коммерческие рельсы. При этом фиксировалось непонимание особенностей коммуникативной природы науки.

3. Новые управленцы часто не принимают во внимание специфику труда в науке, настаивая на необходимости безусловного выполнения формальных критериев успешности труда исследователя (план по статьям, докладам на конференциях и т.д.). Ученые согласны с тем, что необходимы критерии труда ученого, однако они должны быть сформулированы на основе некоторого консенсуса в самом профессиональном сообществе, и стать основой для государственной регламентации.

4. Фиксируется сильная психологическая усталость части сообщества, в том числе руководства институтов, доходящая почти до фрустрации, от постоянных изменений «правил игры» в науке. Это касается как планирования деятельности, так и системы отчетности. «Эпоха стабильности» 2000-х гг. вспоминается с ностальгией.

5. Попытки решить накопившиеся в науке проблемы, в частности, избавиться от «научного балласта», наталкиваются на сформировавшиеся в течение долгого времени тенденции. Проводимые институциональные изменения не учитывают особенности внутринаучной коммуникации. Речь, в частности, идет о той важной роли, которую в отечественной науке играют долговременные коллективы: как в психологическом, межличностном, так и содержательном плане. Многократно описанное на примере западной, науки многообразие ролей ученого [например, 1] не менее актуально и для современной российской науки [2], вследствие чего попытки резко «оптимизировать» кадровый состав сложившихся научных групп (лабораторий, секторов и т.д.), выведя оттуда лиц старшего возраста или «неэффективных» ученых, могут иметь далеко идущие негативные последствия. Невозможность формализации в рамках бюрократической логики традиций общения с коллегами по цеху, не ограниченного жесткими институциональными рамками, является одним из обязательных условий успешного функционирования российской науки.

6. Важнейшую роль также играет тот факт, что трансформировать большие исследовательские институты в своеобразные лизинговые центры по прокату оборудования и оказания бухгалтерских услуг представляет не решаемую организационную задачу. Их функционирование как конгломерата фактически независимых друг от друга исследовательских групп, коммуникация между которыми почти отсутствует, также неэффективно для исследовательской работы, да и фактически невозможно.

7. Наконец, требует тщательного анализа факт наличия положительных оценок реформы со стороны существенной части научной молодежи, которая восприняла институциональные

преобразования как способ сломать застывшую институциональную структуру и получить шанс для ускорения собственной карьеры. Этот момент требует дальнейшего изучения.

Таким образом, мы можем констатировать, что проводимые сверху реформы не учитывают в значительной мере обратную связь с научным сообществом, иными словами, они формируют иерархичную коммуникацию административно-командными методами. Этот тип внешней коммуникации сказывается и на внутринаучных коммуникативных процессах, когда, стремясь к формальным показателям и к производству экономически востребованного знания (а лучше технологий) разрушается ценностный аспект научного творчества, определенная интеллектуальная среда, что вызывает некоторое неприятие со стороны ученого сообщества, прежде всего среднего и старшего поколений. Методы и приемы руководства наукой, внедряемые вновь созданными органами управления, нацелены на формирование совершенно новой системы профессиональных ценностей ученого.

Литература

1. Ben-David J. Roles and innovations in medicine // American Journal of Sociology. 1960. Vol. 65. No. 6. P. 557–568.
2. Труфанова Е.О., Яковлева А.Ф. социальные роли учёного от «эскаписта» до «менеджера» // Вопросы философии. 2015. № 3. С. 72–82.

КОММУНИКАЦИЯ УЧЕНЫХ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ*

Светлана Александровна Душина

*Кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН
E-mail: sadushina@yandex.ru*

Анализируется значение цифровых платформ как средства коммуникации ученых и фиксируется их претензия на перераспределение академического влияния, обусловленная технологическими возможностями и влиятельностью идеологии открытой науки. Показаны особенности такого рода коммуникации, выражающиеся в том, что, во-первых, цифровые платформы переводят внимание на институционально скрытые прежде практики производства научного знания и тем самым размывают статус статьи как основного свидетельства научного вклада. Во-вторых, ставят под сомнение институт экспертизы; в-третьих, иначе определяют эпистемологическую ценность объекта, нежели традиционная научная периодика. Делается вывод, согласно которому коммуникация на цифровых платформах подтачивает главенствующее положение института научной периодики в системе научных коммуникаций. Вместе с тем показано, что в действительности влияние цифровых платформ на ученых достаточно ограничено.

Ключевые слова: научная периодика, статья, открытая наука, цифровая платформа, экспертиза, система оценки

* Долад подготовлен в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ (№18-511-00009 Бел-а) «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)».

SCIENTIFIC COMMUNICATION ON DIGITAL PLATFORMS: EPISTEMOLOGICAL OUTCOMES

Svetlana A. Dushina

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow

*S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Saint Petersburg Branch,
RAS*

E-mail: sadushina@yandex.ru

The article analyzes the significance of digital platforms as a means of scholarly communication as well as their pretention to the redistribution of the zones of scholarly influence which is determined with their technological abilities and with the impact of the open science ideology. The author identifies the peculiarities of such type of communication expressed in the fact that, firstly, digital platforms are focused on the practices of scientific knowledge production which were previously concealed by institutions and, therefore, they blur the status of articles as an essential sign of scientific contribution. Secondly, they question the institute of expertise; thirdly, compared with traditional periodicals, they identify the epistemological value of an object in another way. The author comes to the conclusion that communication by means of the digital platforms challenges the priority of the institute of scientific periodicals. At the same time, the research shows that the influence of digital platforms is in fact rather limited.

Keywords: scientific periodic, article, open science, digital platform, expertise, performance evaluation

В консолидации научного сообщества большое значение имела и имеет научная периодика. Научные журналы со сложившимся институтом экспертов определяют ценность научного вклада и формируют академическую репутацию и признание ученого. Тем не менее, сегодня все больше становится ясно, что цифровые платформы, предназначенные для коммуникации исследователей, пошатнули главенствующее положение журнала как средства научной коммуникации. Претензии интернет-платформ на перераспределение влияния внутри академического поля обусловлены их технологическими возможностями и влиятельностью идеологии открытой науки, лежащей в их основе. Мы выдвигаем три положения, связанных с осмыслением эпистемологического статуса платформ, которые, по нашему мнению, имеют непосредственное отношение к понятию научного сообщества. Первое. Цифровые платформы, направленные на реинжиниринг исследовательского процесса, размывают статус статьи в традиционной научной периодике как важнейшего свидетельства научного вклада. Второе. Цифровые платформы ставят под сомнение институт экспертизы. Третье. Коммуникации на открытых веб-сайтах иначе определяют эпистемологическую ценность объекта, нежели традиционная научная периодика.

1. Платформа – компьютерная программа, предоставляющая возможность собирать гетерогенные источники информации, соединять различных пользователей, интегрировать содержание, аналитику и сервис [1]. Технологические возможности платформ кажутся безграничными, поскольку сети могут позволить себе публиковать практически все материалы исследовательского процесса (научную программу, протоколы экспериментов, отклоненные рукописи и проч.), которые не могут быть отражены традиционными издательскими системами. Существуют специальные открытые платформы, предназначенные для научных интеракций, совмещающие функции репозитория и социальных сетей, платформы для «виртуальных экспериментов», для вовлечения граждан в проекты и проч. Иначе говоря, цифровые платформы способствуют переводу внимания «на институционально невидимые прежде практики производства научного знания» и выступают огромным хранилищем данных. Представляется, что именно это обстоятельство придает сетевой научной коммуникации революционный характер.

Вместе с тем, как показывают результаты эмпирических исследований, пока еще относительно небольшая часть респондентов, зарегистрированных в сети (15,8% от общего числа), выкладывает рукописи и прочие неопубликованные материалы в интернет [2, с. 90]. Это обусловлено тем, что сегодня именно научная публикация в рецензируемом журнале обеспечивает легитимацию нового знания. Однако эта «фиксированная точка» сама исторична,

и легитимация происходила и может происходить помимо журнальной статьи, здесь все зависит от конкретной отрасли знания, эпистемической культуры [3, с. 101]. Например, международная премия «Медаль Филдса» была присуждена Г. Перельману за доказательство гипотезы Пункаре, которое было размещено математиком на сайте arXiv.

2. Цифровые платформы ставят под сомнение значимость существующего института рецензирования. Подвергая критике традиционные институты легитимации нового знания и научного вклада за непрозрачность экспертизы, сторонники открытой науки претендуют на формирование новых правил в научном сообществе. Одной из первых и наиболее значительных инноваций в научной коммуникации, обусловленной компьютерной сетью, следует считать создание в 1991 году П. Гинспаргом уже упомянутого электронного архива препринтов (arXiv). Спустя несколько лет С. Харнад, ученый – когнитивист, предложил идею, «подрывающую» традиционную академическую издательскую систему – свободно размещать свои работы на официальных веб-сайтах или на личных страницах. Способ коммуникации, предложенный С. Харнадом, был версией децентрализованной системы, инициированной П. Гинспаргом, и называется «самоархивированием». Коммерческие издательства отреагировали на распространение электронных препринтов, используя ту же технологическую инфраструктуру в собственных целях. Самоархивирование, как и электронное распространение традиционных журналов – это два разных способа использования одной и той же технологической инфраструктуры, платформы. Основное различие в этих двух способах использования платформы кроется в отношении к институту рецензирования, корпусу специалистов, которые производят экспертную оценку «всеобщего характера» с социальными последствиями в виде академического признания приоритета со всеми сопутствующими ему атрибутами. Будет ли институт рецензирования сохранен в новых формах презентации научных исследований, связанных с самоархивированием, с размещением материалов пользователями на открытых платформах?

Идея открытых интернет-платформ предполагает максимальную демократизацию научной коммуникации, когда научная значимость статьи определяется не в результате непрозрачных и рутинных процедур рецензирования, а благодаря свободной оценке каждого интернет-пользователя. Например, в систему arXiv, заменившего устоявшиеся процедуры распространения бумажных препринтов не вмонтирован официальный механизм рецензирования. Как утверждает П. Гинспарг, ученые научились определять по названию и реферату (а иногда и авторам), хотят ли они читать статью и проверять необходимые результаты, а не полагаться на оценку перегруженных работой судей [4, p.390]. Институт рецензирования, какие бы сбои в своей работе не давал, выполняет роль фильтра, избавляя читателей от научного шлама и публикуя то, что имеет ценность научного вклада. В данном случае предполагается, что это происходит само собой вследствие свободного взаимодействия участников научного сообщества. Тем не менее, приходится констатировать, что физики и математики, которые сообщают свои результаты через arXiv, в большинстве своем продолжают представлять рукописи к публикации в авторитетные печатные журналы, чтобы иметь более надежные свидетельства исследовательского приоритета, составляющие символический капитал, необходимый при современной конкурсной организации науки.

3. Институт экспертов исторически играл важнейшую роль в становлении и организации научных исследований, его называли «стержнем» научного признания. И с этой точки зрения значение открытых платформ пока еще зыбко. Среди ученых нет согласия относительно того, могут ли открытые платформы, пренебрегая традиционно существующей экспертной функцией, легитимировать признание и создать академическую репутацию. В этом горизонте особый интерес представляют академические социальные сети, интегрирующие в себе различные функции: социальных сетей (общение), репозитория (самоархивирование), рейтинга документа, (статьи, рукописи и прочих материалов). Несмотря на то, что именно «сеть» является определяющей характеристикой академических социальных сетей, они позиционируют себя как конкурента в борьбе с научной издательской индустрией, а не с социальными сетями. По сравнению с другими платформами академические социальные сети обладают определенным преимуществом – в них встроена «квазиэкспертная функция», выражающаяся в том, что размещенный в сети материал подлежит оценке, только не рецензентов, а платформенного алгоритма, исчисляющего социальное взаимодействие. Этот алгоритм раскрывает процедуры формирования ценности интеллектуального объекта в открытых платформах, которые задуманы в качестве альтернативы традиционному

рецензированию. Такого рода алгоритмический механизм оценки в социальных сетях предусмотрен и существует как симулякр традиционной экспертизы, когда рейтинг выстраивается, в частности, в зависимости от количества интеракций.

Современные исследователи, анализируя алгоритмический механизм формирования ценности в открытых социальных сетях, используют концепт финансового капитала. То есть в основе академических сетей лежит логика финансового рынка, позволяющая платформам присваивать ценность пользователям или объектам и рассчитывать их влияние в зависимости от социальных взаимодействий, которые поощряются и фиксируются самой этой платформой. Сетевые алгоритмы используют аналитику больших данных для оценки пользователей и объектов, циркулирующих на платформе, вычисляя рейтинг пользователей, но упуская из вида основное содержание научного материала [5]. Таким образом, платформы конструируют репутацию пользователя, не связанную напрямую с его исследовательскими достижениями, но определяющую, тем не менее, положение ученого в виртуальном научном сообществе. Цифровые платформы вносят переосмысление в традиционное понятие сообщества с его академическим авторитетом и признанием. Научная коммуникация в социальных интернет-сетях разрывает прежние социальные связи, и порождает новый тип сообществ как атомизированных акторов, формально связанных технологией, что требует самостоятельного изучения.

Литература

1. *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.
2. *Душина С.А., Куприянов В.А., Хватова Т.Ю.* Социальные академические интернет-сети как репрезентация «открытой науки» // Социология науки и технологий. 2018. Т. 9. №3. С. 80 – 98.
3. *Прайс Д. Дж. де С.* Тенденции в развитии научной коммуникации – прошлое, настоящее, будущее // Коммуникации в современной науке: Сб. пер. с англ. / Под ред. Э.М. Мирского и В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1976. С. 93 – 109.
4. *Ginsparg P.* First Steps Towards Electronic Research Communication. Computers in Physics. 1994. Vol. 8. Issue 4. P. 390-396.
5. *Delfanti A.* The Financial Market of Ideas. A Theory of Academic Social Media. Article under review 2018. URL: https://www.academia.edu/35457542/The_Financial_Market_of_Ideas_A_Theory_of_Academic_Social_Media (дата обращения 15.08.2019)

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНЫХ АКТОРАХ МЕДИАСРЕДЫ, УЧАСТВУЮЩИХ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ

Наталья Николаевна Емельянова

*Кандидат политических наук, старший научный сотрудник
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Доцент*

*Государственный академический университет гуманитарных наук
E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com*

Доклад посвящен основным тенденциям и противоречиям феномена медиализации науки. Научная среда и медийная среда рассматриваются как две конкурирующие друг с другом системы по обработке и воспроизводству значимых информационных потоков. Отдельное внимание уделено тематическим блокам о науке, которые формируются непрофессиональными институциональными акторами медиасреды. Рассмотрена специфика информационно-медийного поведения таких акторов, как государственные структуры, крупные коммерческие компании, инвестиционные группы по стимулированию научных разработок, общественные и некоммерческие организации. Также предпринята попытка определить необходимые акценты информационной политики профессиональных научных организаций по отношению к непрофессиональным институциональным

актерам. Отмечается необходимость обретения современной наукой новой субъектности в медиа, в том числе по конструированию новых форматов публичности и дискуссионной среды.

Ключевые слова: открытые научные коммуникации, медиализация науки, акторы медиасреды

TO THE QUESTION OF THE MAIN MEDIA ACTORS INVOLVED IN SCIENTIFIC INFORMATION AGENDA'S CREATION

Natalia N. Emelyanova

CSc in Political Science, Senior Research Fellow

Lomonosov Moscow State University

Associate Professor

State Academic University for the Humanities

E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

The report is devoted to the main trends and contradictions of the phenomenon of science medialization. The scientific area and media sphere are considered as two competing systems for processing and reproducing significant information flows. Special attention is paid to thematic blocks about science which are formed by non-professional institutional actors of the media sphere. The specifics of media behavior of such actors as government agencies, large commercial companies, investment groups to stimulate scientific research, public and non-profit organizations are considered. The determination of the necessary accents of the information policy of scientific organizations in relation to non-professional institutional actors is also made. There is a necessity for modern science to acquire a new subjectivity in media including the construction of new formats of publicity and discussion.

Keywords: open scientific communications, medialization of science, media sphere's actors

Информация как стратегический ресурс имеет одинаково определяющее значение и для науки, и для медийной среды. Обе эти системы конкурируют друг с другом в области обработки и воспроизводства гигантских информационных потоков. Различия двух систем начинаются с целеполагания обработки информационных: для ученых обработка информации необходима для получения истинных знаний о реальности, для СМИ - цель носит в большей степени утилитарный характер (расширение аудитории, повышении прибыли от рекламных кампаний, высокие рейтинги и др.).

Информационную реальность при этом можно понимать в двух ключевых значениях: во-первых, как особую инфраструктурную трансформацию, которая связана развитием новых технологий передачи информации; во-вторых, как специфический контент, обусловленный возросшим влиянием визуализаций и нематериальных активов в целом [1, с. 55-66]. Информационную реальность в содержательном аспекте далеко не всегда формирует научное сообщество. Помимо ученых в медийной сфере на ракурс подачи научной информации сильнейшее влияние оказывают иные институциональные группы акторов, которые в медийном плане даже претендуют на ведущую роль по интерпретации и трансляции научного знания. К ним относятся государственные структуры, крупные коммерческие компании, инвестиционные группы, общественные и некоммерческие организации. Информация об основных тематических блоках, формируемых т.н. непрофессиональными институциональными акторами в медиа представлены в Таблице 1.

Тематические блоки о науке, формируемые непрофессиональными институциональными акторами в медиасреде

Группа акторов	Основные тематические блоки, касающиеся науки, которые транслируются в медийное пространство	Необходимые акценты информационной политики профессиональных научных организаций по отношению к непрофессиональным институциональным акторам
Государственные структуры	1. <i>Управленческое измерение</i>: построение эффективной системы организации науки; акцент на результаты деятельности научных организаций; оценка профессионализма ученых. 2. <i>Идеологическое измерение</i>: использование научной информации в политической борьбе; участие ученых в идеологическом обеспечении общественно-политической жизни; формирование в медиа идеологически выдержанной эстетики научного труда. 3. <i>Имиджевое измерение</i>: системное построение образа науки в медиа-пространстве в рамках формирования управляемого положительного образа страны (наука как имиджевая платформа государства).	1. Стремление задавать информационную повестку в рамках политической борьбы и избирательных кампаний (по управленческим и идеологическим вопросам). 2. Активный поиск способов и форматов участия в масштабных имиджевых проектах страны, на основании которых формируются соответствующие информационные волны.
Крупные коммерческие компании	1. Продвижение наукоемких технологий, связанных с деятельностью компаний и способных сделать их лидерами сегмента; 2. Официальные подтверждения со стороны ученых значимости разработок, ведущихся в сотрудничестве с научными организациями; 3. Трансляция через СМИ заведомо неверных фактов в результате проведения «предубежденных исследований» исключительно в коммерческих целях (в т.ч. открытая и скрытая реклама).	Увеличение объективной комментарийной активности научного сообщества по ведущимся и/или завершенным разработкам крупных компаний в отношении наукоемких технологий.
Инвестиционные группы по стимулированию научных разработок	Отсутствие ярко выраженной тематической направленности относительно науки в медиа, поскольку акцент присутствия в медиа в большей степени направлен на формирование собственного имиджа, с тем, чтобы использовать наработанный репутационный капитал в диалоге с государственными органами.	
Общественные и некоммерческие организации	Активное инициирование информационных поводов, связанных, главным образом, с оценкой воздействия научных технологий на окружающую среду и здоровье человека.	Системное сотрудничество научного сообщества с эффективно действующими общественными и некоммерческими организациями в рамках формируемого ими пула экспертов для взаимодействия со СМИ и new media.

Оказывая взаимное влияние друг на друга наука и медиасреда формируют противоречивые содержательные акценты: с одной стороны, научная информация и образы ученых, получившие обширное распространение в медиа, оказываются составной частью медийного слоя культуры, формируют совокупность широко транслируемых ментальных

ценностей относительно науки и научного труда; с другой стороны, именно медиа-среда обладает серьезными возможностями по искажению научной информации при помощи таких инструментов, как упрощение той или иной научной проблемы, одностороннюю подборку фактов и цитат, некорректные сравнения явлений и объектов, обращение к исследователю-эксперту с сомнительным авторитетом внутри научного сообщества, различного рода эмоциональное воздействие. Другими словами, перед современной наукой и современными учеными стоит вызов относительно субъектности в медиа, поскольку то, что в медийном слое культуры представляется «научным» не всегда имеет отношение к реальному развитию научного знания.

Указанные аспекты и противоречия являются движущими силами стремительного и необратимого процесса медиализации науки. Под медиализацией понимается усиленное влияние на науку традиционных и новых медиа, которые претендуют на конституирование новой реальности. Феномен медиализации с точки зрения ко-эволюции науки и общества, создания новых форм партисипаторной модели науки системно анализируется такими исследователями, как У. Фельт и М. Фохлер [2], П. Вейнгарт [3], М. Бауер и М. Буччи [4].

Для того, чтобы научное сообщество могло стать полноценным и независимым актором медиасреды, необходимо системное формирование ряда содержательных тем, которые могли бы максимально широко способствовать репрезентации управляемого образа отечественной науки в СМИ. Это возможно при условии встраивания в более масштабные проекты по формированию управляемого образа страны. Научное наследие, без сомнения, – это наследие, которое может вызывать восхищение и гордость. Однако стоит ли делать ставку при формировании самостоятельной научной повестки в медиа на советское прошлое? Легендарное прошлое забывать, без сомнения, не стоит, но представляется, что продуктивная работа в данном направлении может вестись и в сторону совместного конституирования технологических прорывов на постсоветском пространстве. В целом, совместное смыслообразование для постсоветского пространства в настоящее время является одной из острых проблем геополитических масштабов, в том числе в контексте стратегического развития современной России. Двигаясь содержательно в эту сторону, отечественная наука может оказаться одинаково высоко востребована по линии «общество-власть». Соответствующую деятельность принято определять, как научную дипломатию.

Литература

1. Колин К.К. Философия информации и научное мировоззрение // Стратегические приоритеты. 2015. №3 (7). С. 55-66.
2. Felt U., Fochler M. Re-ordering Epistemic Living Spaces: On the Tacit Governance Effects of the Public Science Communication. Vienna, 2010.
3. Weingart P. Science and the Media // Research Policy. Vol. 27 (9). 1998. P. 869-879
4. Journalism, Science and Society. Science Communication between News and Public Relations // Ed. By M. Bauer, M. Bucchini. London, 2008.

ЮБИЛЕИ АКАДЕМИИ НАУК В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: КОНСТРУИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ*

Валентина Павловна Корзун

Доктор исторических наук, профессор

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

В статье идет речь о факторах, определяющих трансформации коммуникативного поля отечественной науки в первой половине XX века. Выделены особенности презентации образа советской науки на праздновании юбилеев Академии наук в 1925 и 1945 гг. Показаны доминанты этой презентации и соответствующего коммуникативного взаимодействия. В первом случае это восстановление связей с мировой наукой. Во втором – в варианте Великой Победы – идея единой мировой науки дополняется идеей авангардной роли советской науки.

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-09-00264.

Ключевые слова: коммуникативное поле науки, юбилей Академии наук, Первая мировая война, Великая Отечественная война, советская наука, государственная политика

ANNIVERSARIES OF THE ACADEMY OF SCIENCES IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY: DESIGN OF THE COMMUNICATIVE FIELD

Valentina P. Korzun
DSc in History, Professor
Dostoevsky Omsk State University

The article deals with the factors that determine the transformation of the communicative field of Russian science in the first half of the 20th century. The author highlights the features of the presentation of the image of Soviet science at the celebration of the Academy of Sciences' anniversaries in 1925 and 1945. The author also shows the dominants of this presentation and the corresponding communicative interaction. In the first case, it is the restoration of communications with world science. In the second (in the version of the Great Victory) case, the idea of unified world science is supplemented by the idea of the avant-garde role of Soviet science.

Keywords: communicative field of science, anniversaries of the Academy of Sciences, World War I, World War II, Soviet science, state policy

Академические коммеморации весьма разнообразны. В фокусе моего внимания два юбилея АН СССР, отмеченные с большим размахом в 1925 и 1945 гг. Один из возможных ракурсов исследования этих праздников науки – рассмотреть их как коммуникативные площадки. Наука коммуникативна по своей сути. Коммуницирование является структурообразующей основой существования цеха ученых - в конце концов, в его рамках в процессе диалогического взаимодействия житейские шумы преобразуются в научные факты, выстраиваются интеллектуальные сети, закрепляются и низвергаются научные репутации. В процессе этого взаимодействия создается коммуникативное поле науки, понимаемое нами как социальное пространство институций, акторов и связей в котором рождаются, функционируют, распространяются, трансформируются и умирают научные идеи. Коммуникативное поле имеет сложную структуру, представляющее единство внутринаучных коммуникаций (которые могут быть как внутридисциплинарными, так и междисциплинарными) и внешних коммуникаций, связанных с социокультурным контекстом, включающим и властный уровень. При этом я отдаю себе отчет в том, что практики научных коммуникаций видоизменяются, что требует поиска адекватных методов и методик их описания. Сложность как раз и заключается в том, чтобы при использовании методологического инструментария, несущего неизгладимую печать «информационного взрыва», избежать излишней модернизации – рефлексия современного исследователя не должна иметь своим результатом маргинализацию коммуникативных практик первой половины XX века.

Несмотря на различный культурно-эпистемологический контекст, оба юбилейных празднования проходили после грандиозных социально-политических потрясений и отражали особенности современных им дискурсивных практик науки и власти. Катастрофа 1914, завершившая содержательно «долгий XIX век», разрывает сложившиеся научные связи — республика ученых разбегается по враждующим коалициям. Происходит разрыв научных контактов российской и германской науки, наиболее интенсивно развивавшихся в предвоенный период. После революции 1917 года сужение коммуникативного пространства науки приобретает прямо таки катастрофический характер. Но коммуникативное поле наделено способностью к регенерации, и уже в годы войны на различных уровнях ставится вопрос о своего рода «заместительной терапии», восполнении обвала научных и культурных связей

Наиболее значимая попытка в этом направлении была предпринята в 1916 г., когда возникает проект создания сборника «Русская наука». Он важен в качестве точки отсчета, вершинного проявления традиционной, профессионально-научной коммуникативности рубежа XIX-XX вв. На этом этапе кризисные социально-политические факторы выступают

катализаторами процессов, вытекающих из логики развития отечественной науки и культуры, но не их жесткими регуляторами. Коммуникативность рассматривается в категориях длительности, исторической нормальности - частью разумного послевоенного устройства мира должна была стать коммуницирующая наука, обязательно включающая ее российскую часть. Реалии эпохи трагически не совпали с горизонтами ожиданий отечественных ученых. В эпоху социально политических трансформаций периоды коммуникативного сброса, усеченной коммуникативности чередуются со сравнительно краткими моментами «возвращаемой полноценной коммуникативности».

Очередная грандиозная попытка после неудачи проекта «Русская наука» явить себя международному научному сообществу связана с 200-летним юбилеем Академии наук, который отмечался в 1925 году. В современной исследовательской литературе отмечается «вписываемость» этого события в процесс восстановления «исторической нормальности» (между первой мировой и «великой депрессией»), уникальность его в плане размаха и актуальной научной и политической значимости - «впервые после 1914 г. Россия настолько открылась для научного сообщества», и все советские организаторы торжества – от руководителей государства до академиков – постоянно декларировали «интернациональный» характер науки», а советская пресса единодушно именвала академический юбилей «праздником ученых всего мира» [1, с. 208]. На юбилей присутствовало около 1000 делегатов из СССР и 98 ученых из 24 стран, наиболее многочисленной оказалась немецкая делегация из 28 человек во главе с Максом Планком. Научный Озирис – концепт единой науки – переживает очередное победное воскрешение. Юбилейные торжества явились наиболее театрализованной и презентативной частью – процесса восстановления/сотворения коммуникативного поля, укрепления статусно- престижных позиций науки в советском государстве в середине 1920-х гг., выражением последнего явилось придание Академии наук всесоюзного статуса и перевод ее в непосредственное подчинение СНК СССР. Хотя уже обозначилось опасное пересечение научных и властных полей - от политики власти реально зависят теперь коммуникативные потенции отечественной науки.

220-летний юбилей Академии наук СССР, состоявшийся в победном 1945 году (15-30 июня), был событием поистине впечатляющим, соответствующим эпическому характеру переживаемого момента. На юбилейных мероприятиях присутствовало 123 делегата из 19 стран и около 1000 советских ученых. Наиболее представительными оказались делегации из стран союзников по Второй мировой войне. В годы Великой Отечественной войны повышается статус советской науки, происходит сближение научной и властной элит и в дни юбилея снова зазвучала идея мировой науки – базисного основания полноценных научных коммуникаций. Коммуницирующая наука предполагается, как и в годы Первой мировой войны, частью нового рационального социального мироустройства. Но появляются и принципиально новые моменты, соответствующие сталинскому новоимперскому мэйнстриму и настроениям значительной части отечественного научного сообщества. Это идея особой природы классической отечественной науки - патриотизм и народность рассматривались как изначально определяющие характеристики творчества ее корифеев. И продолжающая/завершающая ее, коррелирующая с ней идея авангардной роли советской науки, в том числе и в конструировании коммуникативного поля, в котором стягивающим его центром/ядром становится именно Советский Союз. Праздник, в том числе и его банкетное сопровождение, предполагает создание особой эмоциональной атмосферы, стимулирующей неформальное общение и единение – «собратья по общему делу» [2, с.63] На полях юбилейных торжеств конечно же работает «коридорное вече», как пишет австралийский биолог Е. Эшби «люди, которые читали работы друг друга в течение многих лет, впервые встретились лицом к лицу, вновь начал просачиваться иссушенный войной поток свободной научной мысли между странами, ... делегаты стали свидетелями бурного развития интеллектуальной жизни в Европе» [3, с.73.]. Особо подчеркивается присутствие четырех нобелевских лауреатов. Он же передает программу дальнейшего развития коммуникативного поля, вербализованную на приеме в президиуме Академии наук 22 июня 1945 года П.Л.Капицей. Основной тезис П.Л. Капицы - советские ученые по праву могут претендовать на ведущую роль в единой интернациональной науке и в обустройстве ее коммуникативного поля. Предполагалось расширить сеть научных журналов и возможность публикации монографий на русском, английском и французском языках, организовывать научные конференции и обмен учеными и конечно, книжный обмен. В данном случае речь идет о непротоколируемой информации, но отраженной в отчете

британской делегации: «Хотите, чтобы какая-либо ваша работа была опубликована быстро, публикуйте ее здесь»– предлагает П.Л. Капица. Недоуменно-критичное восприятие самим Е. Эшби некоторых советских реалий не подрывает его коммуникативный оптимизм. В юбилейном пространстве складываются «новые солидарности ученых», но этот короткий миг штопания «коммуникативного поля, которое понималось все-таки неоднозначно, завершился с началом «Холодной войны». Момент единения оказался исторически пройденным. И П.Л. Капица в письме к А.А. Жданову в мае 1948 года напишет о «беспрецедентной изоляции, в которой находятся наши ученые» [4. с. 276].

Литература

1. Сорокина М.Ю. Открытая сцена, или Двухсотлетний юбилей Академии наук / На переломе: Отечественная наука в конце XIX-XXвв. Вып. 3. СПб.: Нестор-История. 2005. С. 206 - 235.
2. Юбилейная сессия Академии Наук СССР. 1945 г. Т.1. М., 1948. 430 с.
3. Ashby E. Scientist in Russia. New York. 1947. 252 с.
4. Петр Леонидович Капица. Письма о науке. 1930-1980./ Сост. П.Е. Рубинин. М.: Моск. Рабочий, 1989. 400 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПРИРОДА НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ Г.В. ЛЕЙБНИЦА)*

Виктор Александрович Куприянов

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова РАН

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

В статье рассматривается роль коммуникации в научно-организационных проектах великого немецкого философа Г.В. Лейбница. Автор раскрывает философские основания деятельности Лейбница по организации научных обществ и академий. Указывается, что в качестве главной цели учреждения научных организаций Лейбниц рассматривал моральное усовершенствование человека, благодаря чему достигается максимальное приближение его к Абсолюту. Научные институты можно рассматривать в данном случае в качестве центров коммуникации, обеспечивающих связанное и координированное познание и распространение истины. Показывается, что из концепции Лейбница вытекает коммуникативный характер социальной структуры науки. Можно утверждать, что коммуникация является основным предметом социального анализа науки, а коммуникативные практики формируют «ткань» социального бытия ученых. В данном аспекте теоретическое наследие классической научной мысли до сих пор представляется актуальным и важным для современной социологии науки.

Ключевые слова: Лейбниц, научная коммуникация, Академия наук, научные журналы, классическая наука, социология науки

COMMUNICATIVE NATURE OF ACADEMIC SOCIETY (BASED ON G.W. LEIBNIZ' PROJECTS OF THE ORGANIZATION OF ACADEMIES)

Viktor A. Kupriyanov

CSc in Philosophy, Research Fellow

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Saint Petersburg Branch, RAS

E-mail: nonignarus-artis@mail.ru

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ № 20-011-42014 «Петровская Академия наук в трудах российских историков (исследование и подготовка публикации)».

The article considers the role of communication in scientific and organizational projects proposed by the great German philosopher G. W. Leibniz. The author reveals the philosophical grounds of Leibniz' activity on the organization of scientific societies and academies. It is noted that Leibniz considered the moral amendment of a man as the main goal of the establishment of scientific organizations, by means of which one can achieve the maximum approximation to the Absolute. Scientific institutions can thus be considered as centers of communication which provide a coherent and coordinated cognition and dissemination of the truth. The author shows that the communicative nature of the social structure of science follows from Leibniz' conception. It can be argued that communication is the main subject of social analysis of science, and communicative practices form the basis of social life of scientists. Therefore, the theoretical heritage of the classical scientific thought is still relevant and important to the modern sociology of science.

Keywords: Leibniz, scientific communication, Academy of Sciences, scientific periodicals, classical science, sociology of science

Сочинения Г.В. Лейбница относятся к весьма широкому кругу философских дисциплин, включая этику, теорию познания, политическую и социально-экономическую мысль, метафизику и теорию государства и права. В историю философии Лейбниц вошел, прежде всего, в качестве создателя метафизического учения о предустановленной гармонии и учения о монадах. Когда же говорят о его теории познания, то в первую очередь рассматривают его полемику с Дж. Локком и представителями эмпиризма. В обширном и тематически разнообразном наследии Лейбница можно обнаружить комплекс работ, представляющих собой наброски и проекты организации научных институций (академий и ученых обществ). Эти работы, имеющие не теоретическую, а сугубо практическую направленность (поскольку их адресатами выступали как правило правители и чиновники государств и имели они своей целью учреждение конкретных научных структур), интересны с той точки зрения, что их анализ позволяет понять характер воззрений великого философа на такие социологические проблемы науки как оптимальная организация научно-исследовательского труда, соотношение государства с наукой и научным сообществом, специфика государственного управления наукой, структура научного сообщества. Обращение к этой тематике дает возможность не только более полного и точного осознания истории теоретической мысли в области организации науки, но также и позволяет понять специфические особенности современных подходов к организации науки и понимаю ее социальной природы, поскольку подобные исторические исследования всегда скорее направлены на выявление альтернативы господствующим в наши дни социологическим концепциям науки и показывают иные способы трактовки социологических проблем науки, на фоне которых современные подходы раскрываются во всем своем историческом своеобразии. Лейбниц приложил немало сил для организации различного рода ученых обществ и академий наук. Его деятельность в этой области подробно рассмотрена в ряде публикаций ([1],[2]). В данном очерке мы обозначим, каким образом Лейбниц оценивал роль научной коммуникации в научном творчестве (ее эпистемологический статус) и какой смысл с точки зрения социологии она приобретает в его научно-организационных проектах.

Наиболее существенна роль Лейбница в организации Петербургский и Берлинской академий наук, также адресатами его организаторских усилий оказались император Священной римской империи и саксонский курфюрст. В различных проектах и программах научных обществ и академий Лейбниц рассматривает буквально все самые существенные стороны их деятельности: организационная структура, условия членства, отношение к государству, вопросы финансирования роль коммуникации. Однако какова конечная цель существования всех подобных организационных структур? Какой смысл Лейбниц придавал собственной деятельности по созданию новых социальных институтов? В исследовательской литературе можно обнаружить разного рода объяснения научно-организационных устремлений немецкого философа. По большей части исследователи обращают внимание на контекст эпохи, которой, как считается, было свойственно стремление к повсеместному распространению знания [2, с. 1–2], или же связывают подобную деятельность немецкого философа с его философскими мировоззрениями. Интересной представляется в этом отношении позиция, высказанная в современной российской историко-научной литературе, о том, что в основе усилий Лейбница,

в частности, по организации в Петербурге «ученого социетета» лежал комплекс экономических, политических и даже геополитических интересов, причем сыграло роль здесь даже желание философа приобрести большую интеллектуальную независимость [3, с. 18–45]. Не исключая значимости данного аспекта, тем не менее скажем, что все же не заботы об актуальной политической ситуации в Европе и своем финансовом благополучии, а собственно теоретические воззрения (прежде всего особая трактовка этических и политологических проблем) выступили той конечной инстанцией, которая мотивировала Лейбница к деятельности по активному продвижению своих проектов организации научных академий и обществ. Причем, проблематика коммуникации играет в структуре этических и политических учений Лейбница одну из главных ролей.

В своих многочисленных проектах Лейбниц объясняет свои усилия по учреждению научных обществ. Например, в записке 1708 года, составленной философом для Петра I, говорится: «Истинную цель науки составляет блаженство людей, т. е. состояние постоянного удовлетворения, насколько это возможно для человека, причем они не должны жить в праздности и роскоши, но содействовать всякий по своим силам прославлению Господа и общественному благу нелицемерной добродетелью и познанием истины. Средство, с помощью которого можно повести людей на этот путь добродетели и счастья, заключается в хорошем воспитании юношества» [1, с. 648]. В процитированном в переводе В. Герье фрагменте, объясняя цель науки, Лейбниц использует такие понятия как понятия «Glückseligkeit» (блаженство), «Vernügung» (удовлетворение, удовольствие) и «gemeiner Nutzen» (общая польза, общественное благо). Очевидно, что особенно первые для понятия, даже исходя из приведенного контекста, имеют теологический и метафизический смысл, поскольку именно христианская теологическая мысль развивала учение о блаженной жизни и удовлетворении человека. Что имеет в виду Лейбниц, более ясно из ряда других документов, написанных на ту же тематику. В известном тексте, озаглавленном «Consultatio de naturae cognitione ad vitae usus promovenda instituendaque in eam rem societate Germana» («Рассмотрение вопроса об истинном познании...», 1672 г.) Лейбниц более подробно определяет цель организации ученого сообщества. Концепция этого проекта является развитием первого лейбницевского плана организации ученого сообщества, а именно проекта создания «Societas Philadelpha» («Общества братолюбия»), который, впервые представленный в 1669 г. (это еще допарижский период творчества философа, на тот момент философу было 23 года), считается первым развернутым планом создания ученого общества. Тем не менее в литературе отмечается, что «<...> В начале 70-х годов он (Лейбниц – В.К.) сделал наброски двух записок, на которых с тех пор его планы организации обществ» [4, с. 267]. Речь идет в данном случае, прежде всего, о «Рассмотрении вопроса об истинном познании...». В данном проекте Лейбниц пишет о том, что наиболее полезно то, что наиболее приятно для Бога, что соответствует его воле. Богу же приятно все то, что способствует совершенству мира, и поскольку в чувственном мире нет ничего более совершенного, нежели человек, то ради совершенства мира Бог делает все то, что он делает для человека. «Совершенство человека в том состоит, чтобы быть тем, чем он может быть, и это наибольшая мудрость и сила <...> мудрость и сила человеческого рода преумножается двумя способами: отчасти тем, что открываются новые науки и искусства и отчасти тем, что люди приучаются к уже познанному <...> Будут науки и искусства насколько возможно всеобщим сообщением (corresponsu) преумножаться, а также старательным исследованием природы вещей» [5, р. 94–95]. Лейбниц полагает, что изобретения могут совершаться единицами (per singulos) и шире распространяться обществами, однако, указывает мыслитель, в большей степени можно преуспеть в деле преумножения наук именно с помощью обществ (per societatem). То есть очевидно, что конечной целью развития науки является для Лейбница моральное совершенствование человечества, для чего наиболее верным способом он признает исследование природы и распространение знаний через ученые общества. Коммуникации в данном случае отводится ключевое место. В проекте 1668 г. под названием «De vera ratione reformandi rem literariam meditationes» («Размышления об истинном способе реформирования ученого дела») Лейбниц указывает в этой связи, что задача учреждаемого общества состоит в том, чтобы «поддерживать всеобщее начинание сообщения ученых» [6, р. 21], для чего общество должно собирать всеобщую библиотеку, составлять необходимые указатели и поддерживать сношения с учеными обществами Англии, Франции и Италии. По сути, ученое общество, академия, оказывается в этой концепции своего рода структурированной коммуникативной практикой, поэтому научный поиск имеет здесь

коммуникативную природу. То есть хотя Лейбниц признает возможность индивидуальной исследовательской работы, коммуникация оказывается для него неперенным условием познания истины и ее распространения, для чего прежде всего и необходимы разного рода институциональные структуры.

Согласно Лейбницу, задача ученых обществ заключается в совместном и координированном поиске истины и в ее максимальном распространении ради морального совершенствования человека. С этой точки зрения очевидно, что философ не мог не обратить внимание и на новые только появившиеся в XVII в. средства научной коммуникации – научные журналы. Его перу принадлежит проект-предложение издания два раза в год журнала («Semestria literaria»), целью которого был бы сбор всех публикаций Империи, что в конечном счете составило бы универсальную энциклопедию знания, служащую то же цели развития мудрости человека [7]. Иными словами, коммуникация – это путь к мудрости человека. Нужно также отметить, что вслед за традицией средневековой схоластики Лейбниц считает мудрость и силу атрибутами Абсолюта. И поскольку согласно его учению, между тварным миром и Богом имеется разница не по сущности, а лишь по степени, приобретение человеком мудрости означает его совершенствование в смысле приближения к Абсолюту. Знание как таковое Лейбниц рассматривает в единстве с волей и долгом, поэтому приобретение мудрости не может не быть одновременно и моральным совершенствованием. Именно на это и нацелены научно-организационные проекты Лейбница, составлением которых он занимался с ранней юности. Поэтому-то подлинные мотивы деятельности великого философа в сфере учреждения ученых обществ и академий принадлежат сфере этики и теологии.

Исследование научно-организационных проектов Лейбница позволяет уточнить эпистемологический статус коммуникации в классической рациональности. Конечно, подход Лейбница весьма далек от современных идей коммуникативности истины, однако можно утверждать, что коммуникация рассматривается в данном случае как необходимое условие научного творчества, а научные институты понимаются как, прежде всего, центры, структурирующие научную коммуникацию, поэтому главной *социальной* ценностью науки оказывается именно коммуникация, которую и можно в итоге признать главным предметом социального анализа науки.

Литература

1. Герье В. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
2. Böger I. «Ein seculum ... da man zu Societäten Lust hat». Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europäischen Akademiebewegung im 17. und frühen 18 Jahrhundert. München, 2 Auflage. Herbert Utz Verlag, 2001. 728 s.
3. Дмитриев И.С., Кузнецова Н.И. Академия благих надежд. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 448 с.
4. Hardtwig W. Genossenschaft, Sekte, Verein in Deutschland. Band I: Vom Spätmittelalter bis zur Französischen Revolution. München: Verlag C.H. Beck, 1997. 563 s.
5. Leibniz G.W. Consultatio de naturae cognitione ad vitae usus promovenda instituendaque in eam rem. Societate Germana // Oeuvres de Leibniz: Publ. pour la première fois d'après les manuscrits orig. avec notes et introd. par A. Foucher de Careil. T. 7. Paris: Didot, 1875. P. 94–126.
6. Leibniz G.W. De vera ratione reformandi rem literariam meditationes // Oeuvres de Leibniz: Publ. pour la première fois d'après les manuscrits orig. avec notes et introd. par A. Foucher de Careil. T. 7. Paris: Didot, 1875. P. 20–26.
7. Roinila M.G.W. Leibniz and scientific societies // International Journal of Technology Management. 2009. Vol. 46, № 1/2. P. 165–179.

РОЛЬ МОЛОДОГО УЧЕНОГО В КОММУНИКАЦИЯХ И ПРОИЗВОДСТВЕ ЗНАНИЯ В НАУКЕ*

Валентина Владимировна Омелаенко

Младший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: valentina.omelaenko@gmail.com

Софья Владиславовна Пирожкова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

В докладе анализируется ряд проблем, связанных с коммуникативными и эпистемическими особенностями статуса молодого ученого. Дается характеристика научной молодежной политики, проводимой в России в последние десятилетия. Аргументируется необходимость внесения корректив в существующие меры с тем, чтобы они в большей мере учитывали специфику участия молодых специалистов в научных коммуникациях и производстве нового знания. В качестве таковой особо подчеркивается повышение рефлексивности научной деятельности и динамичности научного взаимодействия. Указывается ряд релевантных проблеме зарубежных исследований, в частности, связанных с ролью молодых ученых в трансляции неявных знаний и анализом различных стратегий грантовой поддержки. Отмечается формирующаяся в связи с продолжающим расширяться спектром мер поддержки научной молодежи неблагоприятная ситуация для ученых среднего возраста. Показывается, что по выбытию из соответствующей возрастной группы 40-летний ученый может оказаться в менее благоприятных условиях, чем его более молодой коллега. Кроме того, существует опасность, что меры поддержки будут направлены на тех, кто в профессиональном плане отстает от коллег, но будет поощряться в силу возраста.

Ключевые слова: молодой ученый, научные коммуникации, неявное знание, научная политика

A YOUNG SCIENTIST AND HIS/HER ROLE IN COMMUNICATION AND KNOWLEDGE PRODUCTION IN SCIENCE

Valentina V. Omelaenko

Junior Researcher

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: valentina.omelaenko@gmail.com

Sofia V. Pirozhkova

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

The report discusses a number of problems related to communicative and epistemic features of a young scientist. The characteristic of the scientific youth policy carried out in Russia in the last decades is given. The authors argue that the existing measures need to be improved in the way that takes into account the specifics of the participation of young professionals in scientific communications and processes of knowledge production. The increasing reflexivity of scientific activity and the increasing dynamism of scientific interaction are emphasized as results of integration of young scientists in a scientific group. A number of foreign studies are indicated as relevant to the problem, in

* РФФИ № 20-011-00896 "Молодой ученый: социокультурный и когнитивный феномен и объект научной политики в современной России".

particular, the ones that carry out the role of young scientists in the transmission of tacit knowledge and the ones that analyze various grant support strategies. It is noted that an unfavorable situation for middle-aged scientists is emerging in connection with the continuing expansion of supportive measures for young scientists.

Keywords: young scientist, scientific communication, tacit knowledge, scientific policy

В российском научном сообществе не только прижилось понятие «молодой ученый», но и сложился соответствующий статус, подкрепленный организационными и правовыми нормами. Конечно, молодые ученые существовали и прежде, но именно в последние десятилетия этот статус приобрел особое значение и вес, поскольку кадровая проблема – одна из самых острых для отечественной науки. Кроме того, научная молодежь – производная категория, а молодежь как таковая – понятие, ставшее одним из важнейших в современной социологии. Оно фиксирует общественную группу, обособленную не только благодаря возрастным рамкам, но и специфике участия в социальных процессах. К особенностям, позволяющим выделять молодежь в отдельную социальную группу, относят и специфику их участия в социальных коммуникациях. С одной стороны, речь идет о большей мобильности молодых людей, позволяющей налаживать новые связи, о конструировании в молодежной среде новых форм социального взаимодействия, с другой – о сложностях интеграции молодых в уже сформированные структуры социальных взаимодействий [1]. Эта общая картина находит отражение и в науке, где молодые оказываются и проблемной группой, которая нуждается в интеграции в существующие институты, и группой, от которой ожидают высокой продуктивности и особенной креативности, в том числе в плане взаимодействия в научной среде. Сразу заметим, что, говоря именно о научной молодежи, мы должны с большим вниманием отнестись к эпистемическим аспектам коммуникационных процессов и ставить вопрос о том, что особенного могут принести молодые участники научных коммуникаций в процесс производства нового знания.

Согласно традиционной точке зрения, превалировавшей на протяжении последних десятилетий и в России, статус молодого ученого соотносится с периодом прихода ученого в науку, выбора им своей специализации, приобретения необходимого опыта и более глубоких знаний, интеграции в определенное профессиональное сообщество, первых самостоятельных шагов на поприще научных исследований. При таком понимании научное сообщество должно принять на себя патерналистскую роль: оно инвестирует в молодого специалиста, ожидая отдачи прежде всего в будущем. На первый план выходят задачи сохранения преемственности научных традиций, сохранения и развития научных школ, формирования полноценного ученого. В значительной степени научная кадровая политика в России в 2000-х гг. строилась в соответствии с обозначенной логикой, что было оправдано, поскольку речь в отечественных реалиях шла в первую очередь о повышении привлекательности научной карьеры для молодых и обеспечении таких условий, которые позволили бы им оставаться в науке, а не уходить в более престижные и комфортные в материальном отношении области профессиональной деятельности. Однако к концу 2010-х гг. ситуация с научными кадрами претерпела ощутимые позитивные изменения, которые позволяют более конструктивно ставить вопрос о роли молодого ученого в научных коммуникациях и производстве научного знания.

Методологически подобная постановка вопроса становится возможной, когда научная молодость понимается не в качестве времени пассивного принятия знаний и норм научной деятельности. Интерес к молодежи как к социальной группе обусловлен пониманием ее потенциала как силы, трансформирующей общество, иногда через радикальное неприятие существующих структур и организационных принципов. Именно проблематичность воспроизведения социума и угроза преемственности норм и традиций привела к формированию социологии молодежи как отдельного исследовательского направления. Интерес к молодежи обусловлен и характерными для современного социума ценностью будущего и ориентацией на конструктивную работу с предпосылками и условиями, с предсуществующими в таком виде различными вариантами развития отдельных социальных феноменов и общества в целом. С учетом сказанного неверным было бы полагать, что молодой ученый только встраивается в имеющуюся систему научных коммуникаций и скорее формируется ими, чем сам их трансформирует. Статус ученого, пусть и молодого, указывает на его субъектность

и предполагаемую демократическую форму взаимодействия, подкрепляемую взаимным уважением разновозрастных коллег друг к другу.

Присутствие молодых ученых способно существенно изменить структуру и формы взаимодействия в научном коллективе. Речь идет не только о перераспределении каких-то функций, в том числе рутинных, но, с одной стороны, о принятии старшими коллегами наставнических функций, а с другой – о появлении в коллективе людей, обычно отличающихся более высокой мотивацией, желающих учиться и интегрироваться в ведущуюся работу. Во-первых, наставнические функции предполагают широкую деятельность, направленную на раскрытие молодыми коллегами своего потенциала, заставляют пересматривать отношения в коллективе, каждого – по-новому смотреть на собственную деятельность, рефлексивно относясь к уже реализованному и к имеющимся целям. Таким образом, вкупе с активностью молодых ученых их интеграция в коммуникативный процесс ведет не просто к его оживлению, но к усилению его рефлексивности, что будет активизировать и процесс научного поиска. Во-вторых, потребность молодых ученых в получении опыта и знаний заставляет эксплицировать неявные или недостаточно артикулируемые знания, поэтому передача знаний молодому коллеге предполагает их трансформацию – не столько в плане упрощения, сколько в смысле ревизии, прояснения и критического осмысления.

Как отмечают В. Мангемантин и С. Робин, в ряде областей научных исследований молодой ученый становится транслятором неявных знаний от университетских к коммерческим лабораториям [2]. Эта коммуникативная функция приобретает все большее значение и для трансфера знаний и умений от отечественного академического сообщества к различным молодым и вновь создаваемым структурам производства знания, в том числе прикладного, а также для обратного трансфера организационных форм и управленческих стратегий, когда молодежь использует организационные навыки, полученные в коммерческих структурах, в своей научной деятельности (сошлемся на мнение и опыт микробиолога А.И. Шестакова [3]).

В российских реалиях молодой ученый в целом играет значительную роль в трансляции и переносе знаний между различными центрами его производства – вузами, исследовательским институтами, внеакадемическими структурами, а также между отечественными и зарубежными научными центрами. Для российского ученого как такового характерна множественная занятость, обусловленная в значительной степени материальными причинами. Еще большую необходимость участвовать в различных формах занятости испытывают молодые специалисты, в частности, аспиранты и те, кто только защитился и по тем или иным причинам еще не получил постоянную ставку в научном учреждении или, получив ее, обеспечен лишь минимальным окладом. С одной стороны, данный период таит наибольшие риски в смысле ухода из профессии, с другой – выступает своеобразным фильтром: в науке остаются те, кто, во-первых, чувствует призвание заниматься научной деятельностью, во-вторых, отличается личностными чертами, позволяющими самостоятельно выстраивать индивидуальную карьеру даже в не самых благоприятных обстоятельствах.

Нельзя не отметить, что различные инициативы, в том числе связанные с грантовой поддержкой, предоставляют все большие возможности для самостоятельной организации своей профессиональной деятельности уже самыми молодыми учеными. Важно и то, что грантовая поддержка, с одной стороны, требует активности и личностного и профессионального роста, с другой – определенной коммуникативной компетенции молодого специалиста, подключающегося к большому коллективному проекту или организующего собственный под патронажем научного руководителя. В этом контексте большой интерес представляют сравнительные исследования различных стратегий грантовой поддержки научной молодежи – в большей или меньшей степени индивидуальной направленных, заточенных на интеграцию молодого специалиста в сложившиеся коллективы или выработку им собственной исследовательской программы [4]. В любом случае научный поиск неразрывно связан с поиском как партнеров, так и наставников, и этот поиск все в меньшей степени можно понимать как ограниченный рамками отдельного научно-исследовательского или научно-образовательного учреждения.

Усложнение коммуникативных стратегий выступает одним из факторов формирования более жестких требований к навыкам молодого ученого, связанным с выбором приоритетов и организацией своего времени. Тот факт, что молодой специалист попадает в условия множественных возможностей, а не определенных заранее перспектив, в целом способствует развитию его личностных и профессиональных качеств, а значит, провоцирует более раннее

становление полноценного профессионала, которого можно определить в качестве «молодого» только на основании возрастного критерия, а также определенных социальных прерогатив или ограничений, которые данным критерием обусловлены. При этом в плане опыта и достижений такой молодой ученый может не уступать многим старшим коллегам. Вместе с тем, существует угроза латентного конфликта, связанного с возможностями и предпочтениями, предоставляемыми молодым ученым и недоступными, например, для ученых среднего возраста. Ситуация еще более обостряется, если меры поддержки молодых специалистов направлены на тех, кто в профессиональном плане, наоборот, отстает от коллег среднего и старшего возраста, но будет востребован и даже поощряться именно в силу своего возраста. Кроме того, ученый, выбывающий из соответствующей возрастной группы, может столкнуться с трудностями в дальнейшем развитии своей карьеры. Обозначенные проблемы требуют корректировки научной политики на разных уровнях с тем, чтобы финансовая и социальная поддержка была более равномерно распределена по различным возрастным группам.

Литература

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Второе изд-е. М.: Наука, 2003.
2. Mangematin V., Robin S. The double face of PhD students: the example of life sciences en France // Science and Public Policy. 2004. Vol. 30. No. 6. P. 405–414.
3. Большие ожидания: чего молодые ученые ждут от своей будущей карьеры. <https://indicator.ru/engineering-science/bolshie-nadezhdy.htm> (дата обращения 21.06.2019).
4. Gaughan M., Robin S. National Science Training Policy and Early Scientific Careers in France and the United States // Research Policy. 2004. Vol. 33. P. 569–581.

СПЕЦИАЛИСТ И ДИЛЕТАНТ: ПОЗИЦИИ УЧЕНОГО В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОММУНИКАЦИИ*

Софья Владиславовна Пирожкова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

В докладе обсуждаются роли специалиста и дилетанта как возможные позиции ученого в междисциплинарной коммуникации. Показывается, что несмотря на специализацию научно-исследовательской деятельности и ее профессиональное оформление, ограничивающие эпистемические притязания отдельного ученого, позиция любознательного дилетанта не может быть однозначно отвергнута научным сообществом. Она необходима для широкой внутринаучной коммуникации, в частности, для решения задач научного поиска: поиск инструментария, адекватного решаемой научной проблеме, – теоретических схем, моделей и методов – может поставить ученого перед необходимостью вторгаться в области, далекие от области его профессиональной компетентности. Успех научного поиска в этой ситуации будет зависеть от успеха междисциплинарной коммуникации, а она в свою очередь от возможности для ученого выступать в роли не только специалиста, но и дилетанта. Указываются ограничения реализации такой позиции, связанные как с психологическим дискомфортом, так и с возможным ущербом для научной репутации ученого. Намечаются принципы научного этоса, позволяющие ученому занимать позицию дилетанта, не противореча нормам, конструирующим науку как профессиональную деятельность.

Ключевые слова: междисциплинарная коммуникация, специалист, дилетант, научный поиск, научный этос

* Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00134)

A SPECIALIST AND A DILETTANTE: POSITIONS OF A SCIENTIST IN INTERDISCIPLINARY COMMUNICATION

Sofia V. Pirozhkova

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: pirozhkovasv@gmail.com

The report discusses the roles of a specialist and a dilettante as the positions a scientist can take in interdisciplinary communication. It is shown that despite the specialization of research activities and their professional form limiting the epistemic claims of an individual scientist, the position of an inquisitive dilettante can not be unequivocally rejected by the scientific community. It is necessary for a wide intra-scientific communication, in particular, for solving the problems of scientific search: the search for theoretical schemes, models and methods that are adequate to solve the scientific problem can put the scientist before the need to invade areas far from the area of his professional competence. The success of scientific research in this situation will depend on the opportunity for the scientist to act as not only a specialist but also a dilettante. Limitations of this position are associated with psychological discomfort and possible damage to the scientific reputation. The principles of the scientific ethos allowing the scientist to take the position of a dilettante without contradicting the norms that establish science as a professional activity are outlined.

Keywords: interdisciplinary communication, specialist, dilettante, scientific search, scientific ethos

О неизбежности узкой специализации научной деятельности и невозможности вернуться к универсальной или, по крайней мере, более широкой специализации сегодня говорят как о бесспорном факте. Вместе с тем негативные последствия специализации научного знания продолжают обсуждаться, и в этих дискуссиях можно выделить несколько критических направлений. Помимо угрозы утраты наукой, жестко разделенной на множество локальных областей, мировоззренческой функции, специализация несет риски и для реализации прикладных функций, поскольку практическая деятельность характеризуется не совокупностями локальных, а комплексными задачами. Предлагаются различные пути преодоления или смягчения подобных эффектов. Это и разработка общих для разных дисциплин методов и подходов, и поиск общих теоретических моделей, и использование универсального языка (математического), и попытки построить всеобъемлющие концептуальные конструкции (опираясь на эволюционную концепцию, синергетику или так называемую парадигму сложности). Все перечисленные инициативы имеют содержательный характер и дополняются и подкрепляются формами преодоления дисциплинарной разобщенности, имеющими процессуальный характер. Речь идет о реализации коммуникативных стратегий и форматов, позволяющих «сшивать» дисциплинарно разрозненное научное сообщество и создавать организационную и институциональную базу для построения целостной научной картины мира. К подобным форматам относятся меж- и полидисциплинарное решение комплексных проблем как фундаментального, так и прикладного характера, проведение экспертизы полученных решений, оценка состояния сложных объектов (попадающих под «юрисдикцию» нескольких дисциплин), коммуникация, обусловленная организационными задачами общенаучного характера. Для отдельного ученого при этом вроде бы остается верным принцип, четко обозначенный М. Вебером в его докладе «Наука как призвание и профессия»: «...Отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершенное только при условии строжайшей специализации» [1. с. 708].

Одновременно в культуре и массовом сознании продолжают бытовать два образа ученого: эрудита-универсала, с одной стороны, и профессионала, погруженного в свою специфическую проблематику, – с другой [2]. Разведение этих образов является отчасти аналитическим, поскольку, как правило, предполагается, что профессионализм и высокие результаты в одной области исследований непротиворечиво сочетаются с осведомленностью и компетентностью в других областях. Однако уже знакомство с состоянием дисциплинарных

знаний, не относящихся к профессиональной деятельности ученого, достаточно проблематично с учетом ресурсов времени и сил, востребованных его собственной работой, и объема информации, необходимого для того, чтобы знать, что происходит в других дисциплинах. Говорить же о достаточной компетентности в вопросах других научных дисциплин вообще не приходится, поскольку каждый ученый предъявляет к себе те требования, которые будет предъявлять к коллеге, решившему высказаться относительно тем, которыми он занимается. Оговоримся, что в действительности речь идет уже не столько о классических областях знания (физика, химия, биология, социология и т.д.), но об исследовательских направлениях, специализациях, закрепленных на институциональном уровне (нельзя требовать от специалиста по физике плазмы компетентного мнения по отдельным вопросам петрофизики, от специалиста в области философии и методологии науки – компетентных оценок в области арабской философии и наоборот). Мотивацию приобретать знания из других областей ослабляет не только то соображение, что, не будучи специалистом, ты никогда не достигнешь приемлемого уровня, но и то, что ресурсы, затраченные на подобные занятия, снижают вероятность успехов в выбранном научном направлении.

Когда ученый честно объявляет, что в некотором вопросе он не специалист, это должно восприниматься адекватно и вызывать уважение: перед тобой не дилетант, а профессионал, трезво оценивающий границы собственной компетентности. Поэтому комплексные проблемы, требующие рассмотрения с позиций разных дисциплин и внутридисциплинарных направлений, вынуждают собирать полидисциплинарную команду исследователей. Другими словами, усилия одного человека имеют узкую направленность, а универсальность реализуется посредством интересубъективного формата широкой научной коммуникации. Этот формат работает и в отношении научного поиска. Перенос теоретических схем из одной области в другую осуществляется не одним исследователем, но при поддержке коллег из разных научных областей и направлений [см., например, 3].

Однако любая форма внутринаучной коммуникации предполагает определенный уровень осведомленности каждого участника о том, о чем другой/другие имеют детальные и глубокие знания. Так, в случае изучения формирования океанских впадин, описанном в [3], хорошо видно, что без общих знаний о вихревом движении, автор не смог бы сформулировать гипотезу, предварительное описание и ряд вопросов, с которыми он затем обратился к коллегам – специалистам в области физики атмосферы. Другими словами, должна иметь место общая база знаний, в противном случае разговор не состоится. Поэтому возникает ряд вопросов: насколько широкой должна и может быть такая база? ограничивается ли она рамками предметной области? и т.д. Если ученый не мог бы выйти за границы дисциплины, то и перенос моделей, теоретических схем и идеальных объектов был бы ограничен дисциплинарными рамками. Опыт формирования таких направлений, как физическая химия, показывает, что предметные области проницаемы, сам объект исследования, поскольку он всегда является комплексным, принадлежащем миру, в котором нет предметных разграничений, провоцирует такую проницаемость.

Обозначенная ситуация ставит ученого не только перед необходимостью реализовывать междисциплинарный теоретический поиск в тех случаях, когда теоретические возможности в той области, в которой он выступает в качестве специалиста, оказываются недостаточными для решения возникшей проблемы. Он должен быть готов зайти в своих изысканиях довольно далеко, вплоть до того, чтобы ступить на территорию, где недостаток собственных знаний будут превращать его в дилетанта. Эта ситуация необязательно требует от него приобретения дополнительных компетенций (большого массива специальных знаний). Более продуктивным оказывается привлечение к решению задачи коллег, обладающих необходимыми знаниями. Одновременно он должен быть готов к тому, что к нему самому может обратиться такой коллега – специалист в своей области и дилетант в его области. Такая перспектива может показаться тривиальной, но в условиях жесткого профессионального оформления научной деятельности, роль дилетанта оказывается психологически некомфортной, а социально даже неприемлемой. Вместе с тем М. Вебер в уже упоминавшемся докладе замечает, что дилетант, будучи не способным довести идею до ума, то есть перевести предзнание в форме гипотезы, догадки, вопроса собственно в знание, может превосходить специалиста именно в области формулирование эвристически ценных предположений. Этот выход за пределы устоявшихся теоретических рамок, точнее взгляд со стороны, извне этих рамок, или такой взгляд, который нарушает устоявшуюся концептуальную топологию, возможно, в большинстве случаев

не станет чем-то иным, кроме как проявлением непрофессионализма в его негативном понимании. Но если даже в некоторых случаях, как в приведенном выше, он окажется познавательно ценным, этого достаточно, чтобы не оценивать его однозначно отрицательно.

Возможность принять на себя роль дилетанта зависит от индивидуальных особенностей личности ученого, его социального статуса и специфики карьерного пути. Для крупного ученого она может быть неприемлемой по соображениям научной репутации, но с учетом индивидуальной исследовательской стратегии может оказаться уместной и не грозящей репутационными потерями. Попытки молодого ученого «вторгнуться» на чужую территорию будут оценены с большей терпимостью, но одновременно их можно жестче пресечь, что не всегда возможно, когда «дилетант» занимает более высокую ступень в научной иерархии (что бы ни говорилось о демократическом характере науки как социального института, жесткая критика в подобных случаях часто бывает затруднительна).

Как представляется, неким общим рецептом может служить принцип непрерывного самообразования и дополнения строго ригоризма специализированной профессиональной науки кодексом познавательной любознательности, гибкости мышления и преодоления того, что можно обозначить как эпистемический снобизм. Умение работать как в пространстве профессиональной коммуникации, так и с теми, кого можно маркировать как дилетантов, необходима не только для успешного взаимодействия ученых с неучеными, науки с обществом, но для организации широкой внутринаучной коммуникации. Подобные навыки помогают ученому позволять и другим, и себе несколько больше, чем это предполагает этика профессионала, то есть самому вставать в позицию дилетанта, и не подвергать эксклюзии других. Вместе с тем, подчеркнем, что дилетантизм для ученого выступает лишь временной ролевой позицией в рамках междисциплинарной коммуникации. Такая позиция не предполагает, что физик начнет проводить социологические исследования, а историк отправиться в лабораторию молекулярного биолога изучать геном. Она предполагает лишь право высказываться, задавать неудобные вопросы, провоцировать другого строить объяснения посредством непривычных терминологических, образных и т.д. средств, ставить его в тупик, демонстрируя нетривиальное понимание каких-то вещей.

Литература

1. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 707–735.
2. Романович Н.А. Современный ученый в зеркале общественного мнения // Социология науки и технологий. 2010. Т. 1. № 3. С. 58–66.
3. Мирлин Е.Г. Междисциплинарные исследования: опыт, организация, экспертиза // Инноватика и экспертиза. 2016. Выпуск 2(17). С. 121–127.

ЖУРНАЛ «МЫСЛЬ» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА 1920-Х ГГ.*

Елена Федоровна Синельникова

Кандидат исторических наук, ученый секретарь

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники

им. С.И. Вавилова РАН

E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

В статье рассматриваются роль журнала Петроградского философского общества «Мысль» в коммуникативном пространстве профессионального философского сообщества России начала 1920-х гг. Период возрождения философской науки в Советской России оказался очень коротким, и было издано только три выпуска журнала «Мысль»: вскоре после закрытия журнала прекратило деятельность Московское психологическое общество, в свой путь отправились «философские пароходы», Петроградское философское общество фактически

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 18-011-00730.

прекратило работу. Однако журнал «Мысль» и сегодня вызывает большой интерес историко-научного и философского сообщества, т.к. был результатом и отражением состояния философской мысли в стране, переживавшей политическую и социально-экономическую трансформацию, формируя единое коммуникативное пространство русской философии еще свободной от идеологических оков.

Ключевые слова: журнал «Мысль», Петроградское философское общество, научная периодика, научное сообщество, русская философия, 1920-е гг.

THE JOURNAL “MYSL” IN THE COMMUNICATION SPACE OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE EARLY 1920S

Elena F. Sinelnikova

CSc in Historical Sciences, Scientific Secretary

*S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Saint Petersburg Branch
RAS*

E-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

The article discusses the role of the Petrograd Philosophical Society's journal “Mysl” in the communication space of Russian professional philosophical community in the early 1920s. The period of revival of philosophical science in Soviet Russia turned out to be very short, and only three issues of the journal “Mysl” were published: shortly after the closure of the journal, the Moscow Psychological Society ceased to function, “philosophical steamboats” set off, the Petrograd Philosophical Society actually stopped working. However, even nowadays, the historical and philosophical community was very interested in the journal “Mysl”, because it was the result and reflection of philosophical thought in the country undergoing a political and socio-economic transformation forming a single communication space of Russian philosophy, yet free from ideology.

Keywords: the journal “Mysl”, the Petrograd Philosophical Society, scientific periodicals, academic community, Russian philosophy, communication in science, the early 1920s

В России философия, по меткому выражению автора одной из первых отечественных работ по философии науки В.Н. Ивановского, «начавшая пробиваться слабыми ростками только с конца XVIII в., дальше жила, в сущности, “от погрома до погрома”» [1, с. XXXIX]. Только в 1890-е гг. начинается полноценный процесс институционализации философии, одной составляющих которого стало формирование соответствующего коммуникативного пространства.

Научная коммуникация внутри профессионального сообщества русской философии осуществлялось в традиционных для того времени формах: личное общение; публикации, в том числе в научных журналах («Вопросы философии и психологии», «Вестник Европы», «Cosmopolis», «Мир Божий», «Журнал Министерства народного просвещения» и др.); устные доклады, в частности, на заседаниях научных обществ (в первую очередь Московского психологического общества и Санкт-Петербургского философского общества); дискуссии. К сожалению, еще одна форма научной коммуникации – конференции/конгрессы – оставалась невостребованной, несмотря на то, что представители российского научного сообщества принимали активное участие в первых Международных философских конгрессах [2].

В результате революционных событий 1917 г. коммуникационное пространство русской философии претерпело изменения. Научные журналы, в которых по преимуществу печатались научные философские статьи, были закрыты. Со второй половины 1917 г. прекратились заседания Петроградского философского общества. Московскому психологическому обществу удалось организовать несколько заседаний в 1918 и 1919 гг., но весь 1920 г. работа общества была парализована.

Окончание Гражданской войны и переход к новой экономической политике ознаменовали оживление научной жизни в стране. В феврале 1921 г. к работе вернулось Петроградское философское общество, а через месяц возобновилась деятельность Московского психологического общества. Тем не менее, профессиональное сообщество русской философии

остро нуждалось в «печатной» коммуникации, особенно в условиях, когда многие ее представители в результате внутренней «интеллектуальной миграции» в годы гражданской войны оказались вдалеке от столиц.

Актером коммуникативного процесса выступило Петроградское философское общество, на заседании Совета которого 16 октября 1921 г. было решено «возобновить его издательскую деятельность, начав с выпуска философского журнала». В редакционный его комитет были тогда избраны Э.Л. Радлов (председатель), А.А. Франковский (секретарь), Н.О. Лосский, Н.В. Болдырев и А.А. Кроленко [3, с. 188].

Разрешение на издание журнала было получено в Госиздате, и в начале марта 1922 г. свет увидел первый номер журнала «Мысль» под редакцией Э.Л. Радлова и Н.О. Лосского. Тираж первого выпуска составил 4 тысячи экземпляров, второй и третий выпуски были изданы тиражом по 2 тысячи экземпляров.

Цели и задачи нового научного философского журнала были редакторами сформулированы в предисловии: «Во время войны и революции замерла деятельность философских обществ, и погибли все философские журналы. Перестали существовать «Вопросы философии и психологии», «Вера и разум», «Логос», «Христианская мысль» и другие. Между тем философская академическая жизнь с открытием новых университетов расширилась, философы продолжают работать и естественно желают увидеть свои произведения в печати. [...] Теперь, когда после испытанных потрясений жизнь начинает возрождаться во всех областях, Философское общество, возобновив свою деятельность [...], делает также попытку возобновления печатного слова в области философии», и далее: «Журнал будет содержать доклады членов общества, прочитанные в заседаниях его, критическое обсуждение вновь появляющихся книг в области философии, как русской, так и иностранной, далее хронику университетской жизни и различных обществ, преследующих одинаковую с Петроградским философским обществом цель. Мы будем помещать также статьи, присланные в редакцию и одобренные ею для печати, и отмечать радостные и горестные события в жизни нашей науки» [4].

В первом номере было помещено шесть статей членов Философского общества, пять из которых были основаны на докладах, прочитанных в его заседаниях в 1921 г. Во втором номере (март-апрель), вышедшем в мае 1922 г., также в виде статей было опубликовано несколько докладов, сделанных членами общества в начале 1922 г. Третий номер (май-июнь), как и первый, содержал шесть научных статей. На страницах журнала выступали не только уже известные ученые (Н.О. Лосский, А.И. Введенский, Л.П. Карсавин, С.Л. Франк и др.), но и молодые (Н.В. Болдырев, О.М. Котельников, К.М. Милорадович, В.М. Жирмунский и др.).

Важно отметить, что «Мысль» не только знакомила читателей с последними достижениями философской мысли в стране, публикуя статьи, но также информировала о выходящей за границей философской литературе, научных мероприятиях за рубежом, и положении философии в провинции. Так, было сообщено о создании провинциальных философских обществ в Костроме (утверждено 31 января 1922 г.) [5] и в Ростове-на-Дону (организовано в начале апреля 1921 г.) [6] и других.

Для определения роли журнала «Мысль» в коммуникативном пространстве русской философии в начале 1920-х гг., небезынтересно обратиться к списку рассылки выпусков. По одному экземпляру первый выпуска было направлено в Харьков, Иркутск, Кострому, Саратов, Самару, Пермь, Томск, Казань, а также за границу: 2 экземпляра в Париж, 4 – в Берлин, 2 – в Софию [7, л. 3]. Кроме того, интерес читающей публики к журналу подтверждают и цифры продаж его выпусков: по состоянию на 1 мая 1922 г. было продано 949 экземпляров первого выпуска на сумму 193 500 рублей; за июнь 1922 г. было продано 227 экземпляров второго выпуска на сумму 340 500 рублей; в июне 1922 г. отправлено в Москву 340 экземпляров второго выпуска на сумму 47 600 рублей [8, л. 1,3,4].

В научном сообществе русской философии начала 1920-х гг. журнал «Мысль» был признан единственным специальным каналом «печатной» коммуникации, о чем свидетельствуют рецензии, две опубликованные в советской периодике, и три в эмигрантской печати.

Первым откликнулся официальный советский философский и общественно-экономический журнал «Под знаменем марксизма». Рецензия была опубликована в его третьем номере (за март 1922 г.). Ее автор, скрывающий свое настоящее имя под псевдонимом «М. Чернов», уже в самом начале рецензии представил обобщения и выводы: «По существу авторы всех статей первого номера “Мысли” – люди одного лагеря, их объединяет одно значительное обстоятельство –

все они лишены здравого смысла», и далее: «Едва ли стоит нам вести спор с ними по существу затронутых вопросов, мы материалисты, они сторонники заумной философии. Нас интересует в этом журнал облик вольфильсвтующей “интеллигенции”, которая на фоне развернувшейся мировой борьбы в первом же своем выступлении обнаружила полный упадок» [9, с. 122].

Другая рецензия была помещена также в официальном советском журнале «Печать и революция». В 7-ой книге журнала (сентябрь-октябрь 1922 г.) была помещена обобщающая статья Г.К. Баммеля «Сумерки идеалистической философии». Ее автор являлся советским философом, одним из лидеров философской школы А.М. Деборина. Г.К. Баммель с сожалением констатировал, что благодаря нэпу буржуазия начала свое идеологическое наступление по средствам философии, которая заговорила «на языке богословия, “онтологии”, “мистического рационализма” (и еще чего-то там)» [10, с. 35]. Далее рецензент отметил, что подобная «группа философов собрана вокруг журнала Петербургского философского общества “Мысль” (№№ 1-3, 1922)».

В эмигрантской же периодике, напротив, была дана положительная оценка журналу Философского общества.

Первому номеру «Мысли» была посвящена заметка выдающегося общественного и политического деятеля Петра Бернгардовича Струве в «Русской мысли», выпускавшейся в Берлине. Он писал, что «Журнал “Мысль” производит отрадное впечатление, как проявление творчества русской философской мысли в условиях невыносимого гнета». И продолжал: «Первый номер журнала составлен интересно и свидетельствует о высоком уровне, достигнутом русской философской культурой в последние десятилетия. Ибо русская философская мысль, несмотря на очень сильное влияние иностранных мыслителей, в лице своих самых крупных и оригинальных представителей, [...], вышла на собственный путь и обрела национальное обличье. Этому национальному течению и принадлежит главное место в новом журнале» [11, с. 231].

В четвертом номере «Новой русской книгу», издававшейся также в Берлине, была опубликована статья под псевдонимом «Sergius» известного философа-неокантианца Сергея Иосифовича Гессена, где говорилось, что «после почти что пятилетнего перерыва (последний номер «Вопросов философии и психологии» вышел осенью 1917 г. а русский «Логос» прекратил свое существование еще летом 1914 г.) в России вышел, наконец, вновь философский журнал!» [12, с. 17]. О разделе «Критика и библиография» автором было сказано следующее: «Удивляться надо не тому, что этот отдел страдает неполнотой и случайностью, но тому, что при полной отрезанности России от Европы, редакторы сумели, все же, дать русскому читателю возможность взглянуть в философскую жизнь Запада» [Там же].

В заключении Sergius еще раз подчеркивал, что его «поражает именно то, что на фоне продолжающейся разрухи русские ученые нашли в себе достаточно сил и энергии, чтобы дать книжку журнала, по содержанию своему не уступающую аналогичным русским изданиям довоенного времени» [Там же].

Второму номеру «Мысли» была посвящена рецензия в издававшемся в Париже журнале «Современные записки» за 1922 г. Автор ее Б. Шелецер с глубоким удовлетворением отмечал, что «работа философской мысли в России продолжается и что никакие потрясения: политические, экономические, моральные – не в силах парализовать деятельность чистого, незаинтересованного мышления, стремящегося постигнуть вневременную значимость вещей» [13, с. 376].

В целом, журналу была дана вполне положительная оценка: «Впечатление совершающейся спокойной, нормальной, несмотря на все трудности, работы подтверждается и тоном статей, тоном выдержанным, “академическим” вполне, и содержанием их, далеким от всякой злобы дня» [13, с. 377].

К сожалению, Петроградскому философскому обществу удалось выпустить всего три номера журнала «Мысль» в 1922 г., выход в свет четвертого номера был запрещен органами государственной власти. Период возрождения философской науки в Советской России оказался очень коротким: вскоре после закрытия журнала прекратило деятельность Московское психологическое общество, в свой путь отправились «философские пароходы», Петроградское философское общество фактически прекратило работу. Однако журнал «Мысль» до сих пор вызывает неподдельный интерес историко-научного и философского сообщества [14-16], т.к. был результатом и отражением состояния философской мысли в стране, переживавшей

политическую и социально-экономическую трансформацию, формируя единое коммуникативное пространство русской философии еще свободной от идеологических оков.

Литература

1. *Ивановский В.Н.* Методологическое введение в науку и философию. Минск. 1923. Т. 1. XLII, 239 с.
2. *Синельникова Е.Ф., Соболев В.С.* Первые Международные философские конгрессы – важный фактор интеграции российской философии с европейской наукой // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XXXIX Международной годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН «Международные сети как фактор интеграции научного сообщества» (12–16 ноября 2018 года). Выпуск XXXIV. СПб. 2018. С. 65-71.
3. *Франковский А.А.* Философское общество при Петроградском университете // Мысль. 1922. Вып. 1. С. 187-188.
4. *Радлов Э.Л., Лосский Н.О.* От редакции // Мысль. Вып. 1.
5. Костромское философское общество // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 1922. № 2. С. 158.
6. Философское общество при Донском университете // Мысль: журнал Петербургского философского общества. 1922. № 3. С. 187.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1120. Д. 42.
8. ОР РНБ. Ф. 1120. Д.50.
9. *Чернов М.* «Мысль» – журнал Петербургского философского общества под редакцией Э.Л. Радлова и Н.О. Лосского № 1, 1922 г. // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 122-124.
10. *Баммель Г.К.* Сумерки идеалистической философии // Печать и революция. 1922. Кн. 7. С. 22-37.
11. *Струве П.Б.* Мысль. Журнал Петербургского философского общества. Под ред. Э.Л. Радлова и Н.О. Лосского. № 1: Январь-Февраль. Петербург 1922 // Русская мысль: ежемесячное литературно-политическое издание. 1922. Книга VIII-XII. С. 231-233.
12. *Sergius.* Мысль. Журнал Петербургского философского общества. По ред. Э.Л. Радлова и Н.О. Лосского (№ 1 январь-февраль). Изд. «Academia». Петербург. 1922 (188 стр.) // Новая русская книга. 1922. № МСМХХII. С. 17-19.
13. *Шлецер Б.* Мысль. Журнал Петербургского философского общества. Под ред. Э.Л. Радлова и Н.О. Лосского. Пб., 1922. № 2 // Современные записки. 1922. Кн. XII. С. 376-378.
14. *Бродский А.И.* Журнал «Мысль» и традиции Петербургской философии // Философия в Санкт-Петербурге (1703-2003). СПб: Санкт-петербургское философское общество, 2003. С. 280-287.
15. *Колеров М.А.* Философский журнал «Мысль» (1922) // Вопросы философии. М., 1993. № 5. С. 179-183.
16. *Мотовникова Е.Н.* «Под знаменем марксизма» – «Мысль»: герменевтическая коллизия 1922 года // Вопросы философии. М., 2013. № 11. С. 123-136.

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕРВОГО СТАТИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: НАУЧНЫЕ ТРУДЫ И.К. КИРИЛОВА (1689-1737)*

Андрей Юрьевич Скрыдлов

*Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН.
E-mail: askrydlov@gmail.com*

Статья посвящена историко-научному анализу одного из первых статистических описаний Российской империи – «Цветущего состояния

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00407.

Всероссийского государства...», которое было создано в 1727 г. ученым-картографом И.К. Кириловым. Написанное в духе государствоведения - раннего описательного направления статистической науки, произведение стало уникальным для своего времени. Кирилову удалось собрать и изучить обширный эмпирический материал, накопленный в архиве Сената, используя новые для того времени методики систематизации информации. Несмотря на очевидные недостатки, связанные с невозможностью собрать полные и точные данные, труд И.К. Кирилова был высоко оценен современниками. Произведение использовали в своих трудах В.И. Татищев, академики Х. Винсгейм и А.Л. Шлецер. Впервые труд Кирилова был опубликован М.П. Погодиным в 1831 г. спустя почти сто лет после смерти автора. Подлинные рукописные экземпляры «Цветущего состояния Российского государства» сохранились до наших дней в фондах в Отделе рукописей БАН, в архиве СПб ИИ РАН и РГАДА.

Ключевые слова: история статистики, Иван Кириллович Кирилов, статистическое описание России, «Цветущее состояние Всероссийского государства»

THE HISTORY OF THE FIRST STATISTICAL DESCRIPTION OF RUSSIA: I.K. KIRILOV'S SCIENTIFIC WORK (1689-1737)

Andrey Yu. Skrydlov

CSc of History, Senior Research Fellow

*Institute for the History of Science and Technology, Saint Petersburg Branch
RAS*

E-mail: askrydlov@gmail.com

The article provides the historical analysis of one of the first statistical descriptions of the Russian Empire - "The Heydays of the Russian State..." created by the cartographer I.K. Kirilov in 1727. The work was written in the framework of Staatswissenschaft – an early descriptive direction of statistical science - and became unique for that time. Kirilov was able to collect and study the vast empirical data that was stored in the Senate archive using new methods of organizing information. Despite the obvious flaws due to inability to collect complete and accurate data, Kirilov's study was highly praised by contemporaries. V.I. Tatishchev, academicians H. Winsheim and A.L. Schlezer used Kirilov's scientific results in their works. The work of Kirilov was first published by M.P. Pogodin in 1831, almost a hundred years after the death of the author. Three copies of the 18th century manuscript are kept in Russian archives.

Keywords: history of statistics, Ivan Kirillovich Kirilov, statistical description of Russia, "The Heydays of the Russian State"

Масштабные преобразовательные инициативы Петра I требовали слаженной работы всего государственного аппарата. Одним из путей повышения эффективности правительственных учреждений стала опора на статистические данные, получаемые центральными органами власти от местных учреждений. Правительствующий Сенат, который в это время получил функции статистического органа, инициировал сбор отчетно-статистических сведений из губерний и провинций. Потребностью государства в статистических данных объясняется Указ 1718 г., положивший начало подушным переписям или «ревизиям» податного населения. [1, с. 5-6]

Накопленные государственными учреждениями эмпирические данные нуждались в систематизации и обобщении. В этих условиях вполне естественным стало распространение в России государствоведения – раннего направления статистической науки, предметом изучения которого были т.н. «государственные достопримечательности». Основы методологии государствоведения в конце XVII-начале XVIII в. были сформулированы немецкими учеными Г. Конрингом и Г. Ахенвалем. В первой трети XVIII в. в России также появляются труды государствоведческой направленности. Наиболее полным и содержательным из них стало т.н. «Цветущее состояние Всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец

всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая», составленное ученым картографом Иваном Кирилловичем Кириловым.

Ранний период биографии Кирилова недостаточно хорошо изучен. Большинство исследователей сходится в том, что Кирилов родился около 1689 г. в семье подъячего, учился в Москве в Навигацкой школе, а в 1712 г. поступил на службу в московскую канцелярию Сената. [1, с. 186; 2, с. 4; 3, 4] В январе 1716 г. он был определен «для письма» к генеральному ревизору Сената В.Н. Зубову. Выдающиеся способности Кирилова были оценены Зубовым, который поспособствовал его успешной карьере – в 1719 г. Кирилов был назначен канцеляристом приказного стола, в 1721 г. он стал секретарем, а в 1727 г. одним из двух обер-секретарей Сената. [5, с. 5-6]

В годы службы в Сенате Кирилов принимал активное участие в проведении первой государственной съемки России. С 1720 по 1734 гг. он возглавлял при Сенате первые астрономические, топографические и картографические работы в стране. География и картография стали главными увлечениями Кирилова. Наиболее известные его труды в этой области – Генеральная карта и Атлас Всероссийской империи справедливо считаются новым словом в отечественной картографии. Между тем, о другой важной работе Кирилова, ставшей едва ли ни первым статистическим описанием Российской империи, известно не так много.

Опираясь на свидетельство И.И. Голикова, труд Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» принято датировать 1727 г. [6, с. 483] Основным источником для этого сочинения стали описания городов, хранившиеся в архиве Сената, которые были собраны по распоряжению Петра I. [7, с. 347] Кроме этих ответов на разосланные в губернии и провинции «вопросные пункты» Кирилову удалось привлечь и другие материалы, хранившиеся в Сенате: правительственные указы, данные ревизий, ведомости и донесения, присланные из коллегий и губернских контор. [5, с. 21-22]

Структура сочинения Кирилова определялась кругом использованных им источников. Весь известный материал автор разделил на две книги. Первая содержит описания семи губерний: Санкт-Петербургской, Московской, Киевской, Смоленской, Рижской, Ревельской и Воронежской. Во второй книге, сохранив ту же логику изложения, Кирилов описал еще пять губерний – Астраханскую, Казанскую, Архангельскую, Нижегородскую и Сибирскую.

Описание отдельных губерний автор дает по городам, которые разделяет на губернские, провинциальные и уездные. Помимо весьма точных сведений о местоположении населенных пунктов и расстояния между ними, Кирилов предлагает читателю весьма подробные описания городских укреплений и достопримечательностей: «Луки Великие. По описной книге 710 года город был деревянный рубленый, в нем две башни проезжие, 9 башен глухих, по мере около города и башен 528 сажень, но от бывшего пожара сгорел, а в 708 году построена земляная крепость о шести бастионах, около той крепости с одной стороны река Ловать, которая вышла из Запольского рубежа, а с трех сторон озерко; тот город от Польской границы в 20 верстах». [8, с. 80]

При описании Санкт-Петербурга Кирилов дает расширенное описание системы государственных учреждений, расположившихся в столице, дополняя его подробными сведениями о штатах каждого из них. Здесь мы находим перечисление членов Верховного тайного совета и Сената, штаты коллегий и многочисленных канцелярий. Схожие сведения об административном управлении губернских, провинциальных и уездных городов, с указанием персоналий чиновников Кирилов помещает в описаниях каждой губернии.

В зависимости от наличия источников Кирилов сообщает данные о количестве различных категорий населения в городах. В первую очередь это касается купцов и посадских людей. Он подробно останавливается на описании крупных казенных заводов. Так, из описания Олонечких Петровских заводов помимо их местоположения и истории создания, мы узнаем количество занятых на производстве и особенностях технического оснащения: «На тех заводах домны для плавки руды, и молотовые для дела прутowego железа, литья пушек и прочих припасов». [8, с. 66-67] Особый интерес автора сосредоточен на вопросах торговли. Кирилову удалось собрать и обобщить обширный материал о торговых путях, связанный с работой ярмарок и портов, а также с намечающейся хозяйственной специализацией разных частей империи.

Особое место в работе занимает описание городов Сибири и Дальнего Востока, которое Кирилов разместил во второй части «Цветущего состояния». Раздел «О Сибирском царстве» открывает краткий очерк об истории присоединения Сибири. При описании сибирских

острогов и зимовий сообщаются интересные сведения географического, этнографического характера, которые были особенно ценны в то время, когда в Сибири работала Первая Камчатская экспедиция. [8, с. 56] Описание Сибирской губернии завершается двумя небольшими очерками, носящими заглавие «Камчатка» и «О камчатском народе». В первом из этих очерков изложена краткая история открытия и присоединения Камчатки, во втором даны интересные подробности о жителях Камчатки, их быте, нравах и обычаях.

Вторая книга «Цветущего состояния» завершается приложениями, в которых приведен «Реестр губерниям, провинциям и городам», а также «Генеральные ведомости», которые представляют собой сводные таблицы количественных данных по различным разделам текста. Так, в таблице № 1 под заглавием «Краткая ведомость о состоянии губерний, провинций и городов», приводятся сведения о строении и местоположении указанных в книге городов, о количестве религиозных и административных учреждений в них. В таблицах № 3 и 4 приведены различные сведения по Военному ведомству: о числе драгунских и пехотных полков, о месте их нахождения, об артиллерии и расходах на армию. В таблице № 5 «О флотах и адмиралтействах» сообщаются сведения о морском корабельном и о галерном флоте. Придавая логическую завершенность труду, таблицы придавали ему определенную новизну и оригинальность. По замечанию исследователей, Кирилов впервые изобразил государственные достопримечательности в табличной форме. Впоследствии эта методика также была использована в работах датского ученого И.П. Анхерсена и способствовала появлению сравнительной статистики. [1, с. 187]

Очевидно, что приведенные Кириловым сведения требуют серьезной источниковедческой критики. Новизна исследования, ограниченность доступных автору источников и короткий срок написания произведения отразились на полноте и точности данных. Несмотря на недостатки, труд И.К. Кирилова был высоко оценен современниками. Произведение И.К. Кирилова использовали в своих трудах В.И. Татищев, академики Х. Винсгейм и А.Л. Шлецер. [5, с. 30]

Впервые труд Кирилова был опубликован М.П. Погодиным в 1831 г. спустя почти сто лет после смерти автора. Подлинные рукописные экземпляры «Цветущего состояния Российского государства» сохранились до наших дней в фондах в Отделе рукописей БАН, в архиве СПб ИИ РАН и РГАДА. Следует отметить, что ни один из известных рукописных экземпляров книги не озаглавлен как «Цветущее состояние Всероссийского государства». Это название впервые появляется в издании М.П. Погодина 1831 г. В дошедших до нас рукописях также отсутствует указание на авторство Кирилова – оно устанавливается по свидетельству И.И. Голикова [6, с. 483]

Труд Кирилова, безусловно, является уникальным для своего времени. Продуманная структура изложения материала, систематизация тщательно отобранных фактов, использование новой для XVIII в. методики сведения информации в табличную форму позволяют считать «Цветущее состояние Всероссийского государства» выдающимся произведением отечественной научной мысли.

Литература

1. Птуха М.В. Очерки по истории статистики в СССР. Т. I. Статистическая мысль в России (до конца XVIII в.). М., 1955.
2. Иофа Л.Е. Современники Ломоносова И.К. Кирилов и В.Н. Татищев: географы первой половины XVIII в. М., 1949.
3. Колычев С.В. Иван Кириллович Кирилов: труды и забвение сподвижника Петра I / Мешниковские чтения – 2013: Материалы чтений. СПб., 2014. С. 44-53;
4. Носкова О.Л. Иван Кириллович Кирилов и его вклад в развитие российской науки. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 1. С. 264-269.
5. Навлянская М.Г. Иван Кириллович Кирилов: русский географ XVIII в. М.-Л., 1964.
6. Голиков И.И. Дополнения к делам Петра Великого. В 18-и тт. Т. XVIII и последний. М., 1797.
7. Татищев В.Н. Собрание сочинений. История Российская. В 8-и тт. Т.I. М., 1994.
8. Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая. Кн. 1-2. М., 1831.

РОЛЬ ГУМАНИТАРИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАУКИ*

Елена Олеговна Труфанова

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: eltrufanova@gmail.com

Александра Федоровна Яковлева

Кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник факультета политологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: afyakovleva@gmail.com

В статье рассматривается проблема внутринаучной коммуникации и подчеркивается важная роль коммуникации между представителями разных научных дисциплин. Отмечается существование негласной «иерархии» дисциплин в научном сообществе: научные стандарты естественнонаучных дисциплин выступают образцом для других наук, что приводит к экстраполяции критериев оценки научной деятельности, разработанных для естественных наук, на все остальные научные дисциплины. Демонстрируется, как в подобной ситуации больше всего страдают социогуманитарные дисциплины. Обосновывается представление о большом потенциале ученого-гуманитария как медиатора в научных коммуникациях как между разными научными дисциплинами, так между научным сообществом и обществом в целом. Вместе с тем отмечается, что ученый-гуманитарий должен сохранить баланс между выполнением своих медиаторских функций и развитием социальных и гуманитарных наук как самостоятельных областей знания, равноправных с естественными и техническими науками.

Ключевые слова: внутринаучная коммуникация, медиация, естественные науки, социогуманитарные науки, ученый-гуманитарий

THE ROLE OF A HUMANITARIAN IN THE CURRENT SCIENCE COMMUNICATION SPHERE

Elena O. Trufanova

DSc of Philosophy, Leading Research Fellow

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: eltrufanova@gmail.com

Alexandra F. Yakovleva

CSc in Political Science, Leading Research Fellow, Faculty of Political Science

Lomonosov Moscow State University

E-mail: afyakovleva@gmail.com

The report deals with the problem of inter-science communication giving special attention to the communication between the representatives of different scientific disciplines. The existence of an unspoken “hierarchy” of disciplines in the scientific community is analyzed: the scientific standards of natural sciences are taken as a model for all scientific disciplines and the criteria of the scientific results evaluation that were developed for the natural sciences are applied to other disciplines. It is shown that the humanities and social sciences suffer most in this case. It is argued that a humanitarian has a big potential as a mediator in scientific communications both between different scientific disciplines and between scientific community and society overall. At the same

* Исследование выполнено по результатам проекта РФФИ - 17-29-07016 офи_м "Методы искусственного интеллекта и анализа больших массивов текстов для выявления научно-технологических траекторий и прогнозирования", (проект Яковлевой)

time, it is shown that a humanitarian should keep the balance between exercising their mediatorial functions and developing social sciences and the humanities as independent fields of knowledge that hold an equal status with natural and technical sciences.

Keywords: inter-science communication, mediation, natural sciences, social sciences, humanities, humanities scholar

Обычно вопрос коммуникаций в науке поднимается в связи с проблемой взаимодействия научного сообщества и общества в целом, проблемой «перевода» с языка науки на язык обыденных коммуникаций. Однако вопрос о коммуникациях внутри научного сообщества стоит не менее остро. Успешность подобной – внутринаучной – коммуникации – важный фактор как для реализации познавательных функций науки, так и для улучшения социальных аспектов научных исследований.

Что означает в принципе «внутринаучная коммуникация»? Во-первых, это коммуникация ученый-ученый (она может быть равноправной (ученые обладают одинаковым статусом) и неравноправной (учитель-ученик, доктор наук – кандидат наук и т.п.), происходящая на индивидуальном уровне, во-вторых, коммуникация между группами ученых – взаимодействия разных лабораторий, научных коллективов, групп, представляющих разные научные дисциплины, происходящая на коллективном уровне. Исследования внутринаучной коммуникации могут касаться как вопросов влияния социальных коммуникаций ученых на построение научной теории (об этом велась речь в рамках экстерналистских концепций в постпозитивистской философии науки), так и вопросов социально-политических, касающихся того, каким образом выстраивается иерархия между отдельными учеными или группами ученых в научном сообществе. Внутренние коммуникации научного сообщества во многом определяют то, как научное сообщество взаимодействует с «внешним миром».

Одним из важных аспектов является существование негласной иерархии между различными научными дисциплинами, в которой образцы и критерии одних наук рассматриваются как «золотой стандарт» для всех научных дисциплин, и несоответствие этим образцам ставит вопрос о праве некоторых дисциплин претендовать на научность. По сути, наиболее ярко это выражается в споре между «физиками» и «лириками» – представителями естественных наук и математики с одной стороны (т.е. наук, где присутствует эксперимент и используются математические методы) и представителями гуманитарных и общественных наук (где данные методы либо совсем неприменимы, либо применимы в исключительных случаях – психологические эксперименты и т.п.).

С одной стороны, в этой дискуссии часто ставится под сомнение в принципе возможность существования таких наук, которые не опираются на экспериментальные и/или математические методы исследования. Такие идеалы научного познания, как истина и объективность, начинают представляться для социогуманитарных дисциплин недостижимыми [1]. С другой стороны, этот, казалось бы, внутринаучный спор, в конечном счете оказывает влияние на статус науки в обществе в целом и становится одной из важных составляющих научной политики. Как показывает не только отечественный, но и мировой опыт, именно естественнонаучное «лобби» решает за ученых из других дисциплин, как должна быть устроена наука. Ярким примером из действительности отечественной науки является неоднократно обсуждавшийся вопрос о критериях отчетности научных организаций, в котором предложенные учеными-естественниками критерии оказались неприемлемыми для гуманитариев. Системные проблемы, связанные с этим, сохраняются и по сей день в рамках требований для получения грантов, критериев выполнения государственных заданий научными институтами и т.д. Не последнюю роль в этой ситуации играет и современная тенденция «прикладнизации» науки – общество прислушивается в первую очередь к тем ученым, которые более тесно связаны с инженерной деятельностью и имеют «прямой выход» на создание новых технологий и устройств, которые могут использоваться непосредственно здесь и сейчас. Немаловажный фактор в этих процессах играет ориентация на «технологический прорыв», которую мы фиксируем на государственном уровне. Гуманитарное знание проигрывает и в этой сфере или, в крайнем случае, перестает рассматриваться как научное, и становится частью социальных технологий – PR-технологий или идеологического заказа.

В Российской академии наук в ее современном виде социально-гуманитарные науки очевидно играют второстепенную роль, они же – небезосновательно – часто оказываются в центре скандалов, связанных с научной недобросовестностью – так, большинство

«сомнительных» научных степеней у занимающих высокие посты чиновников – ректоров университетов, депутатов, министров – именно в общественных науках – экономике, политологии, праве, социологии, философии – что в целом бросает тень на репутацию научного сообщества ученых данного профиля. В то же время активные изменения в развитии коммуникационных возможностей приводят и к стремительным переменам в информационном пространстве, в котором существует современная наука. Экспоненциальный рост манипулятивных практик, которые активно используются в генерировании информационных потоков, связанных с научным знанием, без преувеличения, является настоящим вызовом ученым и их деятельности. Для науки сейчас наиболее актуальна следующая дилемма: либо оказываться объектом манипуляций медийной среды, которые дискредитируют научный метод и этику научного труда, либо становиться по-настоящему самостоятельным субъектом медиа, бороться за реальные элементы публичности в ее классическом понимании (в первую очередь дискуссионности), используя при этом новейшие технологии информационно-медийной сферы. И тут без гуманитария не обойтись.

Как верно указывает И.Т. Касавин, опираясь на Г. Коллинза: «...специфическое неявное знание, свойственное ученым естественнонаучного профиля, может приобретаться не только в ходе практической социализации ученого в лаборатории, но и в процессе междисциплинарного общения «лириков» с «физиками». В связи с этим граница между естественными и социальными науками оказывается проницаемой, и гуманитарии, не будучи догматически привержены естественнонаучным парадигмам, в состоянии выполнять важнейшие медиаторские функции в ходе междисциплинарных исследований» [2]. Таким образом, гуманитарий оказывается важен не только сам по себе, но и как интерпретатор и медиатор как во внутринаучных коммуникациях, так и в коммуникациях между наукой и «внешним» миром, а также как субъект научной деятельности, способный «вытащить» истинное знание из манипулятивного, фейкового контекста, в котором существует современное общество и, в том числе, наука. Он начинает играть ключевую роль в т.н. «зонах обмена» (trading zone) в науке. Это понятие, введенное в оборот П. Галисоном [3], Касавин определяет как «территории активного междисциплинарного взаимодействия как зоны согласования образов реальности для включения субъектов в общую для них профессиональную деятельность» [4]. Однако нельзя допускать, чтобы роль представителей социогуманитарных наук сводилась только к медиации, поскольку это может угрожать статусу социальных и гуманитарных наук как самостоятельных областей знания. Важнейшая роль гуманитария в современном коммуникативном пространстве, как внутри научного сообщества, так и в системе наука-общество, состоит и в его способности и возможности осуществлять «фильтрацию» потока научной информации, которая необходима для дальнейшего развития науки вне зависимости от специализации.

Литература

1. «Возможна ли истина в гуманитарных науках?» Материалы «круглого стола». Часть 1 // *Философия науки и техники*. 2017. Т.22. № 2. С.5-28.
2. «Возможна ли истина в гуманитарных науках?» Материалы «круглого стола». Часть 2 // *Философия науки и техники*. 2018. Т. 23. № 1. С.5-28.
3. *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // *Эпистемология и философия науки* 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.
4. *Galison P.* Trading zone. Coordinating Action and Belief // *The Science Studies Reader* / Ed. By M. Biagioli. N. Y: Routledge, 1999. P. 137–160.

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЦИНЫ И БИОТЕХНОЛОГИИ

**TOWARDS A DEEPER UNDERSTANDING OF PATHOBIOLOGICAL NATURE
OF DISEASE – THE UNIQUE INTEGRATIVE RE-SYNTHESIS.
THE FIRST 100 YEARS OF PATHOPHYSIOLOGY IN CROATIA****Zdenko Kovac***M.D., Ph.D., Professor, Chairman of Pathophysiology Department**University of Zagreb**E-mail: zdenko.kovac@mef.hr*

From the beginning, the development of Pathophysiology in Croatia was conceptualized and directed towards three basic goals: scientific research, clinical applications and education. All the three goals have been entertained both on practical and theoretical levels, and some achievements have been internationally recognized. The first hundred years have been marked by three leading pathophysiologists who did not follow the mainstream reductionism of the 20th century as the exclusive source of knowledge. They enforced and practiced clinical research and reasoning as the second and equally important aspect of the integrative physiology of disease. Such approach turned to be an anticipatory to a contemporary translational medicine movement. Out of synthetic consideration, Zagreb School of Pathophysiology has created a unique methodology to deal with complexities of human physiology in health and disease. Etiopathogenetic clustering points are natural integration units of body reactivity, in which multiple pathways are joined together, and by which many new pathways are triggered. They thus create a network of mutually interconnected and inter-regulated events. Clinical interventions that correct the clustering alterations tend to generate a global switch from an allostatic into homeostatic mode of action of human physiology. This contribution brings a new light into the understanding of pathobiological nature of human body response in disease states.

Keywords: Pathophysiology, etiology, etiopathogenesis, etiopathogenetic clusters, algorithmic re-synthesis, reactivity, scientific reductionism, history of pathophysiology, integrative pathophysiology

Within the University of Zagreb (founded 1669), Medical School of Zagreb was established in the academic year 1917/18. Two years later, Department of Pharmacology and Pathophysiology was initiated, and thus, the year 1919/20 is the start-up time of Pathophysiology development in Croatia (1, 2, 3). *Professor Miroslav Mikuličić* (1882-1955) who held a degree of natural sciences (1907, University of Jena, Germany) and MD (1912, University of Graz, Austria) envisioned the science based foundation of medical education and development of general Pathophysiology. He wrote the program of experimental and applicative pathophysiology and pharmacology, both for department structure and curricula. His vision of close interconnections of pathophysiology and drug actions became a popular concept in Europe. For example, famous pathologist Ludwig Aschoff (1866-1942) of University of Freiburg praised such vision and wrote that “*it would be desirable condition to have tight interactions of both disciplines and to have them both under the same roof*”. Mikuličić recruited young bright MDs and other postdocs into research. In pre-antibiotic era, his group worked on a bacteriophage physiology. 50 years later, their bacteriophage ΦX174 became the first sequenced living organism by Frederick Sanger (1918-2013) who was in 1980 awarded his 2nd Nobel Prize for that scientific breakthrough (1, pg 7; 4). Mikuličić was a personal friend and collaborator of Oto Loewi (1873-1961), the Nobel awardee in 1936 for mechanisms of neurotransmission. Professor Loewi used to visit and give lectures at Mikuličić's Department in Zagreb. In 1948, Mikuličić's group published the first textbook “Pharmacology and Pathophysiology” (in Croatian) consisting of 39 chapters and 944 pages. The first half of the 20th century could be considered as an initiating phase of physiology, in which this branch of medicine/science had strongly followed chemical and physical

developments, conceptually and methodologically. Accordingly, Professor Mikuličić had a vision of a physician as “*an engineer of human biology*” (1. pg 5-7). Such concept had ignited academic enthusiasm and strategy that stimulated the fruitful development of medical pathophysiology in decades to come.

Professor Pavao Sokolić (1907-1977) enriched Mikuličić's visions with the clinical dimension of Pathophysiology. In 1950s he moved into the hospital environment and established Clinical Department of Pathophysiology. The bench science was brought side by side to a patient's bed, and thus anticipated contemporary translational trends in medicine. Professor Sokolić clearly distinguished the differences and scopes of scientific clinical work (1-pg 7-9; 5). His approach became “*a silent revolution*” that inspired the generations of physicians to come. He was a superior clinician able to resolve the most complicated disease conditions with ease. The bridge of basic and clinical science was a fruitful direction which ignited broader efforts and far-reaching achievements of Zagreb Medical School like presently keeping the front activity position in Eutotransplant, the international human organ transplantation program. Integrative pathophysiology has step-by-step enculturated in doctors' daily practical reasoning. Sokolić was inspired by Ludwig von Bertalanffy's systemic theory and created several new insights into the nature of disease. He introduced the hypoenergosis (substrate, hypoxic and dysenzymatic) concept for cell energy shortage as etiopathogenetic step of various diseases. Sokolić's terms and concepts of synergistic antagonism and body reactivity have come of age in dealing with complexities of the postgenomic era. In addition, Sokolić introduced the concept of medical unity (“*the disease-patient-physician unique relation and duties*”) as a critical constituent of a doctor's professional mission never to be ignored. He introduced nosological unity (“*the etiologic factor-organism-environment interactions*”) to be integratively considered in each and every study case of disease. Sokolić's group was very proactive in research and used to publish in high ranked journals (including “Nature”, “J Immunol”, “Breast”, “Redox Biol”, etc).

Professor Stjepan Gamulin (b.1934), a physician with two PhD degrees in biochemistry (1970, University of Zagreb and 1972, University of London) continued with integrative clinical pathophysiology. He enforced applicable molecular research (like steroid receptor expression in breast and other tumors). His group in 1988-2018 published 8 editions of the basic text-book “Pathophysiology” (in Croatian) (6). The 7th edition was translated and published in English as well. This textbook fully implements the horizontal, vertical, longitudinal etiopathogenetic integration of disease processes which has become internationally recognized as a reliable and desirable approach (1 pg 9-12). For example, International Society for Pathophysiology (ISP) adopted it in the ISP Beijing Declaration, 2006 and ISP Shanghai Resolution, 2009 as the concept to be promoted and implemented. In order to facilitate an integrative understanding of disease, Gamulin's group developed 2 new teaching/learning methods. The matrix guided algorithmic analysis and re-synthesis is a 4-step approach dealing with pathways and interconnections of disease development (7-9). Out of those pathways' analysis, they discovered the etiopathogenetic clusters (EPCs) which represent the natural hubs, integrative nodes of multiple disease pathways. They identified 91 EPCs which have a natural tendency to form networks of body reactivity (10, 11). Professor Leonid P Churilov of Saint Petersburg University described these EPCs as a “*mosaic blocks, interplaying in all nosological forms, like elements of Medeleev's table, adjoined in any substance*” (12 pg 22-23). The EPCs were said to put together the “*clinical macro-world and nano-world of molecules and forces in etiopathogenesis*” (13), and to be “*the original contribution to understanding of pathobiological processes*”(14). The EPC and algorithms are thought to contribute to the “*upcoming era of precise medicine*” (15). Out of these synthetic approaches, the mirror-J concept was created and published as the explanation of hormesis-like, non-linear adaptive response to hypo- and hyper- deflections of physiological agents (16). Gamulin's group keeps upgrading and updating knowledge via weekly discussions of recent literature, data and ideas within the *COLLOQUIA PATHOPHYSIOLOGICA* (held >1000 in last 25 years) and *SEMINARIA PATHOPHYSIOLOGICA DEMONSTRATORUM* for young pathophysiologists (held >100 in last 5 years).

Contemporary medicine has been facing two dichotomy trends (17). The increasing level of MD-specialization, on the one hand, is paralleled by the unprecedented big-data enrichment of cognitive basis produced by omics-approaches (and related research), on the other hand. Both trends have been following the principle of reduction (17-19). They increase a fragmentary knowledge of life phenomena. We learn and entertain smaller and smaller units of the system studied. In the second half of 20th century, Zagreb School of Pathophysiology developed and applied pathophysiological considerations of algorithmic pathways and EPC-networking that had an opposite direction (20, 21).

Out of available facets of knowledge, both clinical and basic science results, they re-create a synthetic view of integral reactivity (22). Visualization of internal interconnectivity by these methods contributes to new avenues of cognitive grasping and an integral understanding of human body physiology in health and disease. In self-regulatory modes of action, the disease states are seen as alternative fluxes of homeostatic and allostatic states that modify reactivity of the body/functional systems/organs. The EPC are branching points of etiopathogenetic pathways and may trigger algorithmic patterns of reactivity, some of which are producing harmful effects. Integrative pathophysiology re-synthesis inter-connects both quantitative scientific and qualitative information contained within the clinical elaboration procedure (5, 11, and 22). Thus, such approach stimulates a deeper understanding of pathobiological processes, and natural transitions between health and disease and *vice versa*.

References

1. Kovač Z. 95th Anniversary of pathophysiology in Croatia // *Psychiatr Danub*. 2017. Vol. 29, Suppl. 4. p. S720-S741; *Med Acad Most*. 2017. Vol. 5, No. 1-2. pp 2-23.
2. Gamulin S. Impact of Molecular Medicine on Pathophysiology // *Medical Practice, and Medical Education Croat Med J*. 2003. №44. pp. 374-385.
3. Kovač Z. Pathophysiology in Croatia – The first 90 years (A short historical review) // *Liječ Novine*. 2011. №102. pp. 55-58 (In Croatian).
4. Lacković Z., Klarica M. Overview of Department of Pharmacology in between the 90-95 // Anniversary and two non-standard stories from Department history. www.mef.hr. 2014. №33. pp. 87-89 (In Croatian).
5. Kovač Z. The physician versus the scientist. An essay on differences between the medical practitioner and the biomedical researcher in their professional aims, methods, conceptual reasoning and mission *Psychiatria Danub*, 2019; Vol. 31, Suppl. 1, pp S70-S74; *Med Acad Most*, 2018; Vol. 6, No. 1-2, pp 70-74
6. S Gamulin, M Marušić, Z Kovač (Editors.) Pathophysiology. Study Guide Algorhythms. Book One. The Eight Edition. Medicinska Naklada Zagreb, 2018.
7. Z. Kovač, S. Gamulin (Editors) Pathophysiology. Study Guide Algorhythms — Problem Solver. Book Two. The third Edition. Medicinska Naklada Zagreb, 2014.
8. Z Kovač. Pathophysiology of teaching/learning as reliable pathway towards integrative Clinical reasoning. *Bulletin Sankt Petersburg Univ* 2014; 11:237-58
9. Z Kovač. Pathophysiological foundations of personalized medicine. Etiopathogenetic clusters as integrating units of clinical pathophysiological pathways and networks. In „Person in medicine and healthcare-From bench to bedside to community“. Editors V Đorđević, M Braš, D Miličić. Medicinska naklada, Zagreb 2012, pg 57-64.
10. Z Kovač Z et al. Clinical pathophysiology - Etiopathogenetic clusters. Book three (Four volumes). Medicinska naklada, Zagreb 2013 (in Croatian).
11. Z Kovač. Integrative clinical pathophysiology – algorhythmic disease consideration and etiopathogenetic clusters (EPC). *HAZU Rad* 2015; 524. *Medical Sciences*, 42:15-33.
12. LP Churilov. From physiology of disease to systemic pathobiology. History and current trends in pathophysiology. *Med Acad Most* 2015; 3:2-22
13. Rukavina D: Integrative relations of clinical macro-world and nanoworld of molecules and forces in etiopathogenetic algorhythms and clusters. *Liječ Novine* 2014; 134:34-5 (in Croatian).
14. D Miličić. The etiopathogenetic clusters – the original contribution to understanding of pathobiological processes. *Liječ Novine* 2014; 133: 74-75 (in Croatian).
15. Gamulin S: Kovac's algorhythms in upcoming era of precise medicine. *Liječ Novine* 2016; 149:70-2 (in Croatian).
16. Sedlić F & Kovač Z: Non-linear actions of physiological agents: Finite disarrangements elicit fitness benefits. *Redox Biol* 2017; 13:235-43.
17. Islam R, C Weir and G. Del Fiol. Clinical complexity in medicine: A measurement model of task and patient complexity. *Methods Internal Med*. 2016 ; 55(1): 14–22. doi:10.3414/ME15-01-0031.
18. Joyner MJ. Giant sucking sound: can physiology fill the intellectual void left by the reductionists? *J Appl Physiol* 2011; 111: 335–342. doi:10.1152/jappphysiol.00565.2011.
19. Haendel MA, Chute CG, Robinson PN. Classification, Ontology, and Precision Medicine. *N Engl J Med*. 2018; 379(15): 1452-1462. doi: 10.1056/NEJMra1615014.

20. Poljak Ž: An introduction into Zagreb model of etiopathogenesis consideration. *Liječ Novine* 2014; 128:34 (in Croatian).
21. Švagelj I. An essay on „The Zagreb model of etiopathogenesis exploration“. *Liječ Novine* 2016; 149:72 (in Croatian).
22. Z Kovač. Graphic mapping of clinical disease pathways reveals a complex networking and clustering due to natural etiopathogenetic interconnectivity. *Psychiatr Danub*, 2019; Vol. 31, Suppl. 1, pp S9-S20; *Med Acad Most*, 2018; Vol. 6, No. 1-2, pp 9-20 .

BIOETHICAL CONTROVERSIES OF AN ESSENTIAL EMERGENCE: BIOPHOTONICS, THE SCIENCE OF THE “LIVING LIGHT”

Traian D. Stanciulescu

Emeritus Professor Dr.

“Alexandru I. Cuza” University of Iassy

E-mail: tdstanciu@yahoo.com

Vitalie Scripnic

Associate Professor Dr.

International Free University of Moldova

E-mail: scripnicv@yahoo.com

“I hereby swear to dedicate my life to humanity”: here is the key of the modern hypocratic oath that gave birth to the known principles of bio-ethics: principle of respect for autonomy and of nonmaleficence, of beneficence and justice (Beauchamp & Childress, 1995). Regarding the relationship between the human and ecosystem/semiosphere, these principles characterize all the big theoretical and applicative discoveries from physics, biology or medicine being (neg)entropically determining for the history of human beings. The present article takes notice of the polar, tension-filled effects generated by a relatively new science – biophotonics – in order to find bioethical solutions regarding major aspects of birth, life and death.

Keywords: biophotonics, biolasers, “living light”, holographic resonance, bioethic principles, emergent solutions

1. BIOPHOTONICS FUNDAMENTALS. The knowledge of the “living light” has just recently become a factual theory and practice starting with the researches of Dr. Fritz-Albert Popp initiated in Germany after 1980. By using a high level technology (*photon-counter*), the German researcher has shown the presence of an *ultraweak delayed bioluminescence* – at all the biological tissues (vegetal, animal, human). This observation has confronted with two epistemological impasses: (a) the impossibility to explain the mechanisms through which biophotons reach the nuclear DNA in order to consequently be released through seemingly spontaneous emissions; (b) the exceptional nature of these emissions, which – according to the lab evidences – exhibited all the attributes of the “living light”.

Trying to solve these impasses, the scientific contributions of the team coordinated by Dr. Traian D. Stănciulescu at the National Inventics Institute of Iassy have become clarifying for the postulates of the new science – already called “biophotonics” – being able to explain that:

— the presence of the biophotons inside the DNA is allowed by the membranary and cellular cytoplasmic structures of a “liquid crystal” type (phospholipids) which associate optical attributes (reflection and refraction, birefringence, rotary magnetic dispersion) to the cellular system as well as ergo-informational mechanisms usually unknown or ignored;

— the perfect analogy between the structural and functional attributes of the technical laser system and the ones of a cell/complex organ (such as the eye or the brain) allows the understanding of the fact that this subsystems generate the “living light” in a deviated spectrum towards UV.

In a synthetic definition, *biophotonics* is the science of generating, stocking and releasing biophotons by (certain) cells, organs and the whole organisms – assumed as “biolasers” – by studying the inter- and intra-systemic “communication” throughout these emissions of the “living light”. Arguing with this integrative vision, the Romanian researchers have become co-signers of the

biophotonics' birth certificate, according to Popp's honest recognition (*Foreword* to [Signs of light, Stănciulescu, 2003]).

The major postulates of biophotonics are developed into two complementary theories, namely:

■ **“Biological lasers” theory** (Stănciulescu, Manu, 2002) is explaining the nature and functionality of “biological lasers” systems, chained and intricate, represented by some cells and organs, respectively by the whole organism. An essential contribution is the emphasizing of the (bio)laser “active substance”, represented by the molecular complex *phosphate* → *linked water* → *molecular oxygen, stimulated by light* as a common attribute of the whole biosphere.

■ **Biophotonic theory of energy-information** (Constantinescu, Stănciulescu, 1993-2019] explicitly shows the nature of bio-electromagnetic interactions of the human organism with the (meta)cosmic “hierarchies of light”, through mechanisms of “holographic resonance”.

The consequences of these unconventional explications include theoretical and applicative aspects, such as:

— the understanding of the function of (bio)systems as “EI traps” (profound reserves of energy and information) which assures the organism's homeostasis;

— the emphasizing of the piezoelectric role through which the liquid crystals have in transforming energy, in the morphological functioning of human memory, etc.;

— the clarifying of some ignored aspects regarding the helical and polarized nature of the DNA, the nature of neural processes of transferring the signals to the brain, thinking and language genesis related to the IT systems, etc.;

— fertile suggestions regarding the invention of some revolutionary IT (bio)technologies;

— the persistence/survival of the BPL field (bio-psycho-logical) of the “aural” field and after the disappearance of the biological support of the body (cf. Gariaev & Poponin, 1995), etc.

The exceptional nature of these applicative possibilities – until not long ago considered as “science-fiction” – are to be found in:

— the logical and coherent approach to the “light's road” inside the human organism which allows the elaboration of an integrative Biophotonic Model of Human Being (BMHB).

In conclusion we could say that:

● All the implied phenomena are based on the functional and structural presence of “biological lasers” (e.g. nobody can talk about bio-psycho-holography without assuming the generative bio-hardware).

● As BMHB is based on the objective experimenting and theoretical deductions unified by the “living light” principles, biophotonics can be considered as an essential transdisciplinary discipline of our time able to (pr)axiologically value the unity of the “third matters”: *physical, biological, psychological* (cf. St. Lupasco, 1985).

2. BIOPHOTONICS AND BIOETHICS. The history of human knowledge proved that each beneficial aspect of a revolutionary discovery can be associated with opposite uses. So, by following the bioethics principles according those of biophotonics we will realize that:

a. **The principle of autonomy** – biophotonically assumed – implies to know and respect the law of “increasing (sensitivity) in frequency”, supposing that “ethical” is everything what a human being consciously does with his/her body, soul and spirit, for generating a personal or collective “wellbeing” state. In opposition to this “increase in light”, it could manifest the “bad” option for non-respecting the right of personal *modus vivendi*, namely by:

— blocking the access to vital resources (material or spiritual, such as food and knowledge) able to generate EI effects;

— artificially stimulating the stress by knowing that at the level of the heart emotions are generating some EM effects hundred times more powerful than the brain's ones; extended at the level of a certain human collectivity, these stressing effects could disturb – through “magnetic field resonance” processes – the ecological equilibrium by generating earthquakes, tsunamis, etc. (McCraty, 2010];

— attempt to falsify or mock the truths of biophotonics, in order to maintain alive some of the old dogmas such as the absolute domination of allopathic substantial medication, despite the evidences of the energetic-informational medicine, for example (Stănciulescu, Scripnic, 2004], etc.

It is delayed in this way the large dissemination of the “Integrative Medicine” (Stănciulescu, Fenlon, 2014] which biophotonics is sustaining: a science able to exceed – through the synergy of the laboratory experiments and physical-mathematical modeling, too – some problems of the actual medical knowledge (Stănciulescu, Scripnic, 2020].

b. **The principle of non-maleficence** (*primum non nocere*) could be perverted by many subjective reasons, too. For example, if biophotonics explains the mechanism of generation, stocking and delivery of the deep mitochondrial and nuclear reserves of EI – by BEMPh (Biochemic, Electric & Magnetic, Photonic) specific procedures, a maleficent "knower" of biophotonics could supply the prophylactic/therapeutic processes by inhibitory or destructive ones by conceiving strategies of blocking/canceling the organism's vitality, etc.

c. **The principle of beneficence** which supposes to act only for patient's health interest could be violated by many aspects which the "conspiracy theory" (if it does exist) supposes: to generate a virus by genetic mutations in laboratory (which biophotonics could control), by amplifying the "pathogen field" using the "holographic resonance" or by a Haarp type of antenna, in order to diminish the Earth's population, for example, etc. The actual dispute concerning the Covid-19 pandemic apparition is still confronted with an essential question: *where from?*

d. **The principle of justice** implies the non-discrimination of all the people receiving the medical care, being supposed that the same treatment is used – if necessary – for all the patients, wealth or poor. In this context, it should be mentioned that the use of some cheaper but efficient remedies – such as "biophotonic resonators" are, based on the principles of the already called "Exogenous Homeopathy" (Stănciulescu, 2011], – could interfere with the interests of big pharm producers. It is known that for protecting the market control different type of strategies – even non-ethical – are possible to be used in order to eliminate *de concurrence*.

3. OPENED CONCLUSIONS. This epistemological crisis of values could be exceeded by the suggestions of the "PROJECT ARITHEA" (Stănciulescu, Poenaru, 2013], namely by:

- conserving the "connection energy" which defines the biophotonic relations of interference between the human "aura" and the electromagnetic emissions of the artifacts that surrounds us: houses, clothes, instruments, etc.;

- adequately projecting/producing all these type objects, they could become sources – ignored till now – of human health stimulation;

- synergically using the (bio)photonic properties of the artifacts' (materials, colors and forms, volumes and accessories) in order to generate – by an ultraweak but constant and cumulative process of "holographic resonance" – a state of real *wellbeing*.

According to this project, the healthy relation between a human being and the ecosystem/biosphere – involving the (solar) light as the main source of energy-information (Stănciulescu, Scripcnic, 2008] – could be modeled through 8 directions of actions: *scientific research and dissemination, unconventional energy and integrative therapy, natural food and living artifacts, architecture and biophotonic arts*. In this way, we could promote much more as desirable "curing of unknown" and "curing of nonliving" involving a *semio-bio-photonic* approach (Stănciulescu, Nilaya, 2017].

Let's accomplish this task – *science of the "living light" as a public good* –
BY BEING TOGETHER.

References

1. Beauchamp T., Childress J. Principles of Biomedical Ethics: Fourth Edition. Oxford, 1994.
2. Constantinescu P.V., Stănciulescu T.D., Ierarhiile I. Conexiuni (meta)fizice [Hierarchies of light. (Meta)physical conexions]. Iasi: "Arithea", 2019.
3. McCraty R. Science of the heart: towards a planetary coherent consciousness // 3th International Conference of ROASS. Iasi, 2010.
4. Gariaev P.P., Poponin V.P. Vacuum DNA phantom effect in vitro and its possible rational explanation // Nanobiology. 1995.
5. Lupasco S. L'homme et ses trois éthiques. Paris: Les Editions du Rocher, 1986.
6. Popp, Fritz-Albert, Foreword to Stănciulescu, Traian D., Signs of light. A biophotonic approach to human (meta)physical fundamentals, Cristal-Concept & WDO, Iassy & Geneve, 2003.
7. Stănciulescu, Traian D., Manu, Daniela M., Fundamentele biofotonicii (Biophotonics' fundamentals), Performantica, Iasi, 2002.
8. Stănciulescu, Traian D., Exogenous Homeopathy, Performantica House of Printing, Iassy, 2011.
9. Stănciulescu, Traian D., Fenlon, Ann-Marie, Integrative Medicine, Performantica House of Printing, Iassy, 2014.

10.Stănciulescu, Traian, Scripnic, Vitalie The human “being of light”: an integrative approach, Congress of Informational Medicine, Evpatoria, Ukraina, 2004.

11.Stănciulescu, Traian, Scripnic, Vitalie, The resources of human organism’s adaptation to environmental factors: from the explanations of allopathic medicine to the unconventional hypotheses of biophotonics, “Revista de inventica” nr. 59 / an XVII, Iassy, 2008.

12.Stănciulescu, Traian D., Poenaru, Aritia, Language of “living light”: emergent biophotonic applications, Performantica, Iassy, 2014.

13.Stănciulescu, Traian D., Shanti, Nilaya, On the "living light" semiology: "ARITHEA" project, an emergent Romanian Solution, The XIII-th World Congress of Semiotics, Kaunas, June, 2017.

СОЦИАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ В МЕДИЦИНЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ*

Елена Андреевна Андриянова

Доктор социологических наук, профессор

Саратовский государственный медицинский университет им.В.И.Разумовского

E-mail: andriyanova@yandex.ru

Наталья Васильевна Гришечкина

Кандидат философских наук, доцент

Саратовский государственный медицинский университет им.В.И.Разумовского

E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

В условиях общей тенденции снижения доверия к системе здравоохранения актуальным является вопрос о социальном доверии в медицине. Социальное доверие можно определить как мировоззренческую установку, выражающую готовность индивида рассматривать окружающих как заслуживающих доверия. В медицине социальное доверие играет важную роль в формировании традиционного межличностного доверия между пациентами и их врачами. Формирование пациентоцентрированной модели здравоохранения является необходимым условием повышения социального доверия в медицине. Особую роль в этом играют онлайн коммуникации. Потенциалом стимулирования роста социального доверия в медицине обладают медицинские онлайн сервисы. Возможности, предоставляемые сервисом, позволяют выстраивать партнерские отношения пациентов с медицинскими работниками и системой здравоохранения в целом, то есть влиять на социальное доверие в медицине.

Ключевые слова: доверие, социальное доверие в медицине, онлайн-коммуникация, онлайн-сервис, персонализированная медицина, пациентоцентричность

SOCIAL TRUST IN MEDICINE: OPPORTUNITIES OF ONLINE COMMUNICATION

Elena A. Andriyanova

DSc in Sociology, Professor

Saratov State Medical University Named after V.I. Razumovsky

E-mail: andriyanova@yandex.ru

Nataliya V. Grishechkina

CSc in Philosophy, Associate Professor

Saratov State Medical University Named after V.I. Razumovsky

E-mail: natalja_grishechkina@rambler.ru

In the context of the general trend of declining confidence in the health care

* Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект №19-013-00766 "Онлайн коммуникации как фактор повышения эффективности медицинских технологий пролонгирования трудовой активности пациентов".

system, the question of social trust in medicine is of interest. Social trust can be defined as a worldview that expresses an individual's willingness to view others as credible. In medicine, social trust plays an important role in shaping traditional interpersonal trust between patients and their physicians. The formation of a patient-centered model of health care is a necessary condition for increasing social trust in medicine. Online communications play a special role in this process. Medical online services have the potential to stimulate the growth of social trust in medicine. The opportunities provided by the service allow patients to build partnerships with health workers and the health care system as a whole, that is, to influence social trust in medicine.

Keywords: trust, social trust in medicine, online communication, online service, personalized medicine, patient-centrism

В условиях общей тенденции снижения доверия к системе здравоохранения как в России, так и за рубежом, проблема доверия к медицинской помощи приобретает все большее значение. Методологический аппарат социальной философии предлагает различные подходы к определению доверия. Согласно Н. Луману, доверие является выражением общего среди окружающих людей ожидания социального порядка [1]. Помимо этого, по определению Н. Лумана доверие представляет собой механизм снижения риска в сложноорганизованном пространстве современного общества. Аксиологический смысл в понятие доверие вкладывает Фукуяма [2], анализируя культуру доверия, ценность доверия на основании наличия некоторых устойчивых характеристик этого феномена в разные исторические периоды и в различных сообществах людей. Э. Гидденс [3] указывает на иррациональную основу доверия, как уверенности в действиях других людей, его опору на чувства, а не рациональное понимание. Георг Зиммель утверждал, что доверие является предпосылкой отношения обмена – доминирующего социального отношения в современном обществе. Несмотря на наличие различных подходов к анализу доверия, все они фиксируют его связь с условиями неопределенности, преобладающими в обществе. Таким образом, концепт доверия как методологическое средство анализа современного общества выступает во взаимосвязи с такими явлениями как риск, опасность, неопределенность, безопасность.

Польский социолог П. Штомпка указывал на то, что «современная социология полагает новые формы доверия и недоверия, риска и безопасности в ходе глобализации главным признаком нашей эпохи» [4]. В концепции Н. Лумана доверие предстает как механизм снижения неопределенности и риска. Доверие является необходимым условием развития современных обществ из-за их сложности, непрозрачности, из-за неуверенности, охватывающей более широкие сферы, и преобладающего риска – так писал он в книге «Доверие и власть», то есть, доверие как «универсальный социальный факт» необходимо для создания стратегии надежности, определения ее запасов, хотя и при наличии элементов взаимного риска. П. Штомпка утверждает, что доверие и безопасность зависят от степени прозрачности общественной организации: «если процесс развития, смысл существования, основы действий, компетенция и достигаемые институтом результаты хорошо видны, легко обозримы и понимаемы, доступны контролю, мы чувствуем себя в безопасности и наделяем такие институты доверием» [4, с.335].

В этой связи актуальным является вопрос о социальном доверии в медицине. Социальное доверие можно определить как мировоззренческую установку, выражающую готовность индивида рассматривать окружающих как заслуживающих доверия. В медицине социальное доверие играет важную роль в формировании традиционного межличностного доверия между пациентами и их врачами. Доверие – это оптимистичное принятие неопределенной ситуации, основанное на позитивных ожиданиях в отношении намерений и действий других людей или института. Н. Луман анализировал феномен доверия с точки зрения его функции в обществе и рассматривал его как способ снизить сложность и неопределенность в обществе. В этом отношении доверие выступает необходимым системоподдерживающим условием, обеспечивающим возможность функционирования системы. Для Н. Лумана доверие выступает средством взаимодействия между социальными институтами и отдельными людьми. Оно минимизирует состояние неопределенности, выступая своего рода принципом экономии действия, помогая принимать будущие решения на основе опыта [5]. В связи с этим Н. Луман утверждает, что доверие возникает и существует только в ситуациях риска.

Социальное доверие в медицине определяет отношения между пациентом и медицинским работником, отношения в рамках медицинского учреждения и в целом в системе здравоохранения. Формирование пациентоцентрированной модели здравоохранения является необходимым условием повышения социального доверия в медицине. Новые информационные и коммуникационные технологии на сегодняшний день обладают широким потенциалом развития системы здравоохранения в данном направлении. Особую роль в этом играют онлайн коммуникации. Являясь основой построения системы цифрового здравоохранения, онлайн коммуникации создают пространство персонализированной медицины. Возможность онлайн коммуникации с врачом и учреждением здравоохранения в целом, в любое время и в любом месте, закладывает фундамент доверия, то есть позитивных ожиданий в отношении намерений и действий института медицины, направленных на осуществление медицинской помощи. Онлайн коммуникации в медицине позволяют расширить пространство свободы выбора пациента, но при этом увеличить риски ответственности за персональный выбор.

Широкий спектр негативных тенденций, снижающих социальное доверие в медицине, таких как рост коммерциализации здравоохранения, неэффективность расходования денежных средств, усугубляющая проблему качества медицинской помощи, злоупотребления определяет то [6], что потенциал онлайн коммуникаций для укрепления доверия пациента к врачу может быть интерпретирован как возможность для положительных тенденций. В то же время открытость, доступность и прозрачность онлайн коммуникаций в медицине порождает риски и угрозы другого порядка. Персонализированная медицина становится частью жизненного пространства человека, что в свою очередь провоцирует риск медиализации все более узких сфер его жизни. С увеличением возможностей коммуникации посредством онлайн способов, растет количество обращений пациентов к врачу. В связи с этим, онлайн коммуникации в медицине обладают потенциалом не только увеличения возможностей выбора пациента, но и расширением пространства институционального контроля частной жизни человека.

Потенциалом стимулирования роста социального доверия в медицине обладают медицинские онлайн сервисы. Данные инновационные формы онлайн коммуникации в медицине являются безопасной альтернативой таких методов взаимодействия системы здравоохранения и пациента как электронная почта, системы обратной связи открытого доступа, в которых личная медицинская информация может подвергаться риску разглашения третьим лицам. Онлайн-сервис на базе медицинского учреждения как безопасная среда позволяет обеспечивать доверительное общение с медицинскими работниками, получать квалифицированные консультации профессионалов, планировать график своих посещений врача, иметь доступ к личным медицинским данным, просматривать историю своих посещений, рекомендации врача, дополнять их при необходимости, выстраивать свою персональную программу реабилитации, а также онлайн-сопровождение и контроль реабилитационных мероприятий [7]. Онлайн-сервис обладает потенциалом создания пространства взаимодействия специалистов различного профиля, объединения их усилий в целях персонального сопровождения конкретного пациента.

Среди основных характеристик онлайн-сервиса как способа коммуникации врача и пациента можно выделить следующие характеристики:

1. Интерактивность – возможность доступа к системе здравоохранения в любое время и в любом месте и получения обратной связи.
2. Коммуникативность – получение конфиденциальной информации о состоянии здоровья непосредственно пациентом в кратчайшие сроки с возможностью консультации со специалистом.
3. Безопасность – сервис обеспечивает конфиденциальность информации о состоянии здоровья.
4. Наглядность – сервис в наглядной форме представляет программы медицинского сопровождения для разных категорий пациентов.

Возможности, предоставляемые сервисом, позволяют в отдельных случаях оптимизировать работу лечебного учреждения, экономить время как пациента, так и работника здравоохранения, улучшать качество медицинской помощи посредством удовлетворения потребностей пациентов, а также выстраивать партнерские отношения пациентов с медицинскими работниками и системой здравоохранения в целом, то есть влиять на социальное доверие в медицине.

Литература

1. Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
3. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
4. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с пол. С.М. Червонной. М.: Логос, 2008. 664 с.
5. Luhmann N. Trust: Making and Breaking Cooperative Relations // Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. New York: Basil Blackwell. 1988. Pp. 94-107.
6. Ahern M.M., Hendryx M.S. Social capital and trust in providers. Social Science and Medicine. 2003. Vol. 57. Pp. 1195-1203.
7. Федонников А.С. Интерактивный медико-социальный сервис на основе онлайн-коммуникации: опыт проектирования и внедрения // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2019. Т. 5, № 1. С. 58–68.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАРРАТИВНОЙ МЕДИЦИНЫ

Эвелина Владимировна Барбашина

Доктор философских наук, заведующая кафедрой философии, профессор

Новосибирский государственный медицинский университет

Профессор кафедры философии

Новосибирский государственный университет

E-mail: linaba@mail.ru

В статье рассматриваются методологические и содержательные сложности, связанные с распространением нарративного подхода в сфере медицины. Стремление гуманизировать современную медицину, отказ от объективно-биологизаторского подхода к определению болезни, уход от доминирования паттерналистской модели во взаимоотношениях «врач»-«пациент» - все это способствовало развитию нарративного подхода и нарративной медицины. Однако до настоящего времени остаются не решенными вопросы о сущности story-telling, как одной из форм нарративного подхода, проблемы их классификации, а также не получен ответ на вопрос о том, является ли нарративизация болезни обязательной и универсальной формой самореализации пациента и способом, способствующим его выздоровлению.

Ключевые слова: нарратив, «нарративный поворот, медицинский нарратив, методологические проблемы «медицинского нарратива»

METHODOLOGICAL AND SUBSTANTIVE ISSUES OF THE NARRATIVE APPROACH IN THE FIELD OF MEDICINE

Evelina V. Barbashina

DSc in Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Professor

Novosibirsk State Medical University

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

E-mail: linaba@mail.ru

The article discusses the methodological and substantive difficulties associated with the spread of the narrative approach in the field of medicine. The desire to humanize medicine, the rejection of an objective approach to the definition of the disease, the avoidance of the dominance of the pattern model in the relationship “doctor – patient” - all these contributed to the development of the narrative approach and narrative medicine. However, the questions about the essence of story-telling as one of the forms of

a narrative approach, the problems of their classification, and the answer to the question of whether the narratization of the disease is an obligatory and universal form of self-realization of the patient have been unresolved so far.

Keywords: narrative, “narrative turn”, medical narrative, methodological problems of “medical narrative”

Содержательные и методологические изменения в социогуманитарных дисциплинах связаны с распространением нарративного подхода. В широком смысле нарратив – рассказ на любую тему в самых разных условиях и обстоятельствах: монолог телеведущего, речь политического лидера, повествование о несчастной либо счастливой любви, обсуждение слухов и новостей. В узком смысле понимание нарратива разрабатывалось и применялось в рамках литературной критики. По типу пафоса выделяют интеративные высказывания (повествования), перворамаивные и нарративные [1, с. 8]. Цель последних заключается не в накоплении знания и опыта, не в описании действий и событий, а в формировании событийной памяти, которая конституирует смыслы современности, социальную и личностно значимую реальность. Особенность нарратива состоит в том, что в процессе повествования осуществляется временное упорядочивание событий в соответствии с целью. Организующей инстанцией выступает сюжет, «собирающий» начальные и конечные события вокруг значимой цели. Во второй половине XX века именно эти признаки становятся общими в формировании нарративного подхода.

Его распространение происходит под влиянием работа социологов, антропологов, историков: Ф. Анкерсмит, М. Аткинсон, П. Бергера, Дж. Деннет, Т. Лукман, Дж. Херитейдж и др. Результаты, полученные в рамках литературной критики, дорабатываются и становятся широко распространенной методологией в современных исследованиях. «Лингвистический поворот», рост «герменевтических штудий» во второй половине XX также способствуют нового подхода к интерпретации различных нарративов. Отбор, интерпретация событий, включенных в нарратив определяется «тотальностью языка», пред-рассудками, допредикативными структурами сознания, ситуацией «здесь и теперь».

Не вызывает удивления распространение нарративного подхода, если вспомнить, что нарратив является одним из универсальных способов коммуникации. Мы не только рождаемся и формируемся как люди в нарративах, но проживаем нашу жизнь, как историю, формируем ее. Вся жизнь человека неразрывно связана с нарративом и поиском повествовательного единства [2 р. 171-172]. Нарративы «конституируют беспредельные резервуары смыслов и значений, хотя и ограничены лингвистическими правилами и социальными соглашениями [3, р. 124]. Нарративы играют определяющую роль в повседневности, формируя идентичность человека, социальную и личностно значимую реальность. Однако еще более значимыми нарративы становятся в ситуациях болезни, в ситуациях «страха, боли и надежды».

Распространение нарративного подхода в медицине («нарративная медицина») помимо общих причин, обусловивших распространения нарративного подхода в целом, имеет и свои причины. Теоретическим фундаментом «нарративной медицины» выступает представление об индивидуализированном характере болезни, о значимости смыслов, которая пациент формирует, создавая историю своей болезни и пред-ставляя ее в рассказе (story-telling) врачу или медицинскому работнику «Вхождение врача» в мир пациента, подлинный (М. Бахтин), экзистенциальный (М. Бубер) диалог между врачом и пациентом необходим для успешного лечения.

Социальные причины развития «нарративной медицины» связаны с отказом от традиционной патерналистской модели во взаимоотношениях «врач-пациент». Нарративный подход в медицине соотносится с такими принципами биомедицинской этики как принцип автономии пациента, принцип целостности, принцип уважения личности пациента. Общим является признание таких ценностей как самореализация и самоидентификация пациента, целостность, его самоопределение и самовыражение, приватность и др.

Помимо общетеоретических, социальных причин развития нарративной медицины существуют более частные, связанные собственно с развитием медицины. *Первая* – снижение острых инфекционных заболеваний. Необходимость оказания максимально быстрой, стандартизированной помощи в данных ситуациях практически исключала личностно значимое общение между пациентом и медицинскими работниками. *Вторая* причина заключается

в росте хронических, дегенеративных и психосоматических заболеваний [4, р.49]. Их рост приводит к тому, что голос пациента становится все более значимым и звучит более громко. Обстоятельства его жизни и их интерпретация становятся важными для диагностики и лечения. Оказание помощи при острых заболеваниях сменяется «заботой и уходом» [5]. Третья причина заключается в возрастании стоимости высокотехнологичной помощи. Более предпочтительным (и менее затратным) становится первичная медико-санитарная помощь.

Несмотря на то, что нарративная медицина (нарративный подход) получили широкое распространение в Европе и Северной Америке, ряд проблем остается нерешенным.

Первое и наиболее серьезное сомнение вызывает тезис нарративной медицины о том, что все пациенты переживают свою болезнь как нарратив, используя как правило оценочный подход, и стремиться к тому, чтобы представить свои истории. Как убедительно обосновывает Strawson G., существуют не-нарративные способы «проговаривания» болезни [6]. Косвенно его выводы подтверждаются эмпирическими исследованиями, в которых показана взаимосвязь между стремлением представить свой рассказ о болезни, с возрастом и заболеванием [7].

Вторая проблема связана с различием в определении сущности медицинского нарратива в целом, и story-telling, в частности. Согласно первому подходу (текстуальному), нарратив рассматривается как текстовый объект и основным является дискурсивная его структура. В рамках второго подхода нарратив – часть рассказываемого, представленного события и основным является социальная организация и «перформативность» нарратива.

Традиционно предпочтение отдается первой, текстуальной концепции нарратива, и устная коммуникация рассматривается по аналогии и по правилам письменного нарратива: учитывается сюжет, временность, целевая оформленность, свершенность событий. Однако письменные и устные нарративы отличаются, как и правила их интерпретации [8]. Если письменный нарратив целеориентирован, выстроен событийно во временной последовательности, ориентирован на строгий формальный язык, то устный структурируется по критериям значимости [9]. Если первый ориентирован на анонимного читателя и изначально предполагается смысловой зазор между читателем и автором, то устный нарратив – вариант экзистенциального диалога. В этом случае важны все составляющие: интонирования, вербальные и невербальные составляющие диалога. В этом случае следует учитывать способ, каким представлен рассказ, участников и их роль в представленности нарратива [10, 11].

Следующее методологическое затруднение, связано с классификацией story-telling. Наиболее распространенной является классификация А. Франка, который выделяет нарратив выздоровления, хаотический нарратив, поисковый нарратив [12, 13]. Б. Гуд предлагает делить story-telling на основе событий, которые предшествовали и спровоцировали болезнь: эмоциональная травма, детские заболевания, травмы; отсутствие явных причин; приступы, как провокация заболевания; нечто сверхестественное [14]. Еще один вариант типологии предложен К. Гергеном, М. Гергеном, которые выделяют стабильный нарратив, прогрессивный и регрессивный [15]. Этот, далеко не полный список существующих классификаций, свидетельствует о том, что деление по единому основанию не представляется возможным, точно также, как классификация всех существующих story-telling.

Минимизация сложностей методологического и содержательного характера, связанных с нарративным подходом в медицине, в будущем способствовать его более эффективному применению в процессе лечения и выздоровления пациентов.

Литература

1. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) [Электронный ресурс] URL: <https://my-chekhov.ru/kritika/tupe/content.shtml>. (дата обращения 01.10.2019).
2. Jonson M. The Body in the Mind: the Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason. Chicago: University of Chicago Press. 1987. 275 p.
3. Gellner E. Reason and Culture: the historic role of rationality and rationalism. Oxford: Blackwell. 1992. 193 p.
4. Hyden L.-C. Illness and narrative // Sociology of Health and Illness. 1997. №19. P. 48-69.
5. Bury M.R. Postmodernity and health // Scambler, G. and Higgs, G. (eds) Modernity, Medicine and Health. London: Routledge, 260 p.
6. Strawson G. Against Narrativity 2004, USA. Ratio (new series). 2004. 428-452 p.

7. Готлиб А.С. Нарративная медицина глазами российских врачей. Попытка социологического анализа // Вестник Самарского университета. 2010. №5 (79). С. 64-70.
8. Linell P. The Written Language Bias in Linguistics. University of Linköping. London: Routledge, 2005. 256 p.
9. Bauman R. Story, Performance and Event. Contextual Studies of Oral Narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 144 p.
10. Langellier K. «You're marked»: Breast cancer, tattoo, and the narrative performance of identity. // Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture edited by Jens Brockmeier and Donal Carbaugh. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 145-184
11. Hydén L., Brockmeier J. Introduction: The Field of Illness Narratives // Health, Culture and Illness: Broken Narratives, edited by Lars Christer Hydén and Jens Brockmeier. New York: Routledge, 2008.
12. Frank A W. The Wounded Storyteller: Body, Illness, and Ethics. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1995, 2013. 280 p.
13. Frank A W. SPECIAL REPORT: Narrative Ethics: The Role of Stories in Bioethics January-February. Hastings Center Report, 2014. P. 16-20.
14. Good M-J. D.V., Munakata T., Kobayashi Y., Mattingly C., Good B.J. Oncology and Narrative Time // Social Science and Medicine. 1994. 38(6). P. 855-862.
15. Gergen K.J., Gergen M.M. Narrative form and the construction of psychological science // Sarbin T.R. (ed) Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. New York: Praeger. 1986. 303 p.

БЛАГО И УВАЖЕНИЕ АВТОНОМИИ КАК БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА*

Роман Рифатович Белялетдинов

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: roman_rb@iph.ras.ru

Развитие нейротехнологий и исследования мозга, а также активное развитие генетики дают основания считать, что поведенческие стратегии, которые могут расцениваться как этические корректные либо этические девиантные, детерминированы биологически. Проблема биологизации морали возникает на уже готовом субстрате, как процесс вовлечения нейротехнологий в решение социальных и экологических задач. Современные биотехнологии таким образом выходят за границы традиционных моральных и этических дискурсов об автономии и благе. Объясняя предрасположенность к тому или иному виду деятельности, биотехнологии заставляют смотреть на человека в определенном ракурсе – искать биологические причины социального и морального уклада общества.

Ключевые слова: автономия, благо, технонаука, биотехнологии, эпистемный сдвиг, риски

BENEFICENCE AND RESPECT OF AUTONOMY AS A BIOTECHNOLOGICAL PROBLEM

Roman R. Belyaletdinov

CSc in Philosophy, Senior Research Fellow

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: roman_rb@iph.ras.ru

The development of neurotechnologies and brain research as well as the active development of genetics give reason to believe that many behavioural strategies that can be regarded as ethically correct or ethically deviant are biologically determined.

* РФФИ, 20-011-00880 Биосоциальность и биоидентичность как феномены технонауки: философский анализ.

The problem of moral biologization arises from a ready-made substrate as a process of involving neurotechnologies into solving social and ecological problems. Modern biotechnology thus somewhat goes beyond the boundaries of traditional moral and ethical discourses on autonomy and good. Explaining the predisposition to one or another type of activity, biotechnologies force us to look at a person at a definite angle, i.e. to look for the biological causes of social and moral behaviour.

Keywords: autonomy, beneficence, technoscience, biotechnologies, epistemic shift, risks

Персональная автономия – одна из доминирующих идей современной биомедицины. Технонаука как наиболее значимый тренд в построении отношений между ученым, врачом и обществом опирается на идею активного субъекта, заинтересованного в формировании собственного образа жизни, то есть обращается к его автономии как источнику легитимности и блага. Автономия становится механизмом урегулирования многих проблем в биомедицине – поддержание жизнедеятельности тяжелобольных, трансплантология, проведение биомедицинских исследований, создание биобанков и многие другие направления медицины не могут полноценно развиваться без реализации принципа автономии (прежде всего информированного согласия). Игнорируя принцип уважения автономии, мы возвращаемся в жесткую патерналистскую модель [1, с. 80] отношений врач/пациент, плохо коррелирующую с современной технологизированной медициной. Персональная автономия помогает перераспределять этические риски между врачом, ученым и пациентом и легитимирует новейшие биомедицинские технологии.

Между тем персональная автономия – это и источник рисков, связанных с действиями, последствия которых могут быть крайне разрушительны и совершенно непредсказуемы. Принцип предосторожности, чья функциональность определяется через стратифицирование критических и некритических рисков [2], демонстрирует свою неэффективность в контексте инженерного и технологизированного общества. Пороговый риск 10^6 , принимаемый, как правило, в качестве стандарта ничтожного риска, недостаточен в виду той вероятности, что один человек из миллиона может оказаться квалифицированным инженером, способным вывести из строя атомную электростанцию и нанести огромный вред целой стране. Возможность организации серьезных технологических катастроф или разрушительных биологических субстанций в домашних лабораториях – все то, что принято считать гипотетическим «максимальным ущербом» в результате террористической атаки или экспериментов биохакеров, возможно только в силу сохранения и поддержания идеологии субъектной автономии.

Таким образом, соперничество концепций автономии и блага, перераспределение этих двух принципиальных подходов в различных локациях и системах здравоохранения сегодня являются маркером характера этического и правового взаимодействия общества, науки и здравоохранения в целом, а также источником беспокойства в связи с нарастанием рисков, связанных с высоким уровнем автономии и ограничением патернализма. Не удивительно, что поиск биологических регуляторных механизмов автономии, в обход уже сложившихся социальных и культурных практик, привлекает внимание как альтернатива развития управляемого, просоциального и лишённого рисков биокапитализма.

Развитие нейротехнологий и исследования мозга, активное развитие генетики дают основания считать, что многие поведенческие стратегии, которые могут расцениваться как этически корректные либо этически девиантные, детерминированы биологически. Проблема биологизации морали возникает на уже готовом субстрате как процесс вовлечения нейротехнологий в решение социальных задач.

По мнению авторов и идеологов морального биоулучшения, достижения нейронауки и генетики способны предложить инструменты для формирования предзаданности и стимулирования поступков, гарантирующих социальную безопасность. Необходимость морального биоулучшения вытекает из экологического алармизма и распространения технологий, использование которых создает все условия для реализации сценариев «абсолютного вреда» – нанесения крайнего ущерба всему живому.

С технической точки зрения можно использовать такие биомедицинские факты, как способность нейромедиатора серотонина подавлять агрессию, а окситоцина —

поддерживать различные формы просоциального поведения [4, с. 667]. Расширение не только знаний, но и биотехнологических решений, которые способствовали бы мотивации человека действовать морально в ситуациях, в которых ему свойственно пренебрегать интересами другого человека, к эксплуатации, насилию и т.п., может стать гарантией развития функциональных биотехнологических форм улучшения человека.

В некотором смысле моральное биоулучшение исходит из гипотезы, что биологический механизм морали существует естественным образом и вопрос состоит лишь в том, чтобы его детально исследовать и применять. Т. Дуглас так формулирует идею морального биотехнологического улучшения: “Личность морально улучшается, если меняется таким образом, что это предполагает наличие в будущем более выраженных мотивов, взятых в их совокупности, чем те, которыми эта личность обладала до того, как улучшилась” [5, с. 229].

В 2009 году ученые в Кембриджском университете определили 27 генов, связанных с синдромом Аспергера, аутизма и эмпатии. Позднее было доказано [3], что способность определять и понимать эмоции других людей генетически детерминирована. Участники исследования проходили тест «определение когнитивного состояния по глазам», в ходе которого они должны были назвать характер когнитивной деятельности людей, видя только область их глаз на фотографии (задумчивый, веселый и т.п.). В задачу ученых входил поиск генетических полиморфизмов, которые бы коррелировали со способностью восприятия эмоций другого человека. В исследовании авторы ссылаются на открытие о расположении гена LRRN1 в третьей хромосоме. Этот ген экспрессирует в полосатое тело – область мозга, связанную с когнитивной эмпатией. Тот факт, что этот ген чаще встречается у женщин, объясняет, почему женщины более склонны к эмпатии, чем мужчины.

Другой пример генетической детерминированности поведения - наличия гена MAOA (neurotransmitter-metabolizing enzyme monoamine oxidase A). Низкий уровень экспрессии этого гена ассоциируется с агрессивностью молодых мужчин [3], выросших в неблагополучной среде. Дети, подверженные насилию и обладающие генотипом, в котором реализуется высокая экспрессия гена MAOA, в меньшей степени склонны к антисоциальному поведению.

Выбор между автономией и благом представляет собой радикальный подход к человеку и морали как необходимому конститутивному свойству человеческой природы. С другой стороны, этот выбор может опираться на знания, объясняющие биологические основания этики. Моральное биоулучшение проблематизирует автономию и, по сути, может рассматриваться как биотехнологический патернализм. Вместе с тем моральное биоулучшение в целом хорошо соответствует биоинженерному характеру гибридной технауки, в основании которой лежит концепция эпистемного сдвига [6]: применение новейших технологий без тщательного исследования побочных, не только биомедицинских, но и социальных последствий. Взамен предлагается революция в организации поведения человека.

Основной проблемой является подвижность представлений о том, что есть благо. Не секрет, что представления о благе постоянно эволюционируют. В значительной степени эта эволюция связана с влиянием социальных, технологических, культурных и религиозных факторов на автономию многих тысяч людей. Биотехнологическое проецирование концепции блага и ограничение автономии можно сравнить с идеей конца истории – концепцией, согласно которой борьба за признание и есть основное содержание истории. Если будут уничтожены институты и любые источники господства, которые, собственно и продуцируют насилие, история остановится. Однако вместе с историей остановится и перераспределение ответственности и рисков, за которые отвечает полноценная автономия. Если человек принимает решение под влиянием биомедицинских препаратов, ответственность за риски ложится на авторов алгоритмов. Очевидно, эти сценарии могут оказаться еще более рискованными, чем традиционный самоконтроль, основанный на автономии.

Тем не менее следует учитывать не только сложность концепции блага, но и процесс биотехнологизации и медиализации общества. Биотехнологии как альтернативная версия источника блага и контроля за рисками может рассматриваться в контексте биосоциализации человека, а сама эта проблематика остается открытой.

Литература

1. Вархотов Т.А., Аласания К.Ю., Брызгалина Е.В., Гавриленко С.М., Рыжов А.Л., Шкомова Е.М. Технонаука и этиос ученого: контуры этики биобанкинга глазами российского научного сообщества (по результатам опроса специалистов в области биомедицины и смежных видов деятельности // ПРАЭНМА. № 4. 2018. С. 61-83. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-4-61-83
2. Holm S. Precaution, threshold risk and public deliberation // Bioethics. 2019. Т. 33. №. 2. С. 254-260. DOI: 10.1111/bioe.12488
3. Rakić V. Genome Editing for Involuntary Moral Enhancement // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2019. V. 28. P. 46–54. doi:10.1017/S0963180118000373
4. Savulescu J., Persson I. Moral enhancement, freedom and the god machine // The Monist. 2012. Т. 95. №. 3. С. 399.
5. Douglas T. Moral bioenhancement, freedom and reasoning// Journal of Medical Ethics, 2014/06, V. 40, № 6. P. 359-360.
6. Rommetveit K., Wynne B. Technoscience, imagined publics and public imaginations // Public Understanding of Science. 2017. Т. 26. №. 2. С. 133-147. Doi: 10.1177/0963662516663057

ПРЕСИМПТОМАТИЧЕСКОЕ ГЕНЕТИЧЕСКОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ: ОТ ПРАВА ЗНАТЬ К ПРАВУ НЕ ЗНАТЬ*

Елена Георгиевна Гребеничкова

*Доктор философских наук, руководитель Центра научно-информационных исследований
по науке, образованию и технологиям*

Институт научной информации по общественным наукам РАН

E-mail: aika45@yandex.ru

С развитием пресимптоматического генетического тестирования в биоэтике развернулась дискуссия о праве пациента не знать информацию о некоторых заболеваниях. В центре внимания специалистов по биомедицинской этике и медицинскому праву оказались не только проблемы психологического благополучия тестируемых, но и принципы информирования и автономии, идея семейной солидарности; противопоставление права знать и права не знать дополнилось долгом знать. Переосмысление сложившихся к настоящему времени этико-нормативных установок с учетом новых возможностей геномной медицины показало, что речь не идет о возвращении к патернализму, а о необходимости более широкой концепции автономии, учета уже существующих ограничений в отношении информирования и понимания семейной специфики генетической информации.

Ключевые слова: биоэтика, генетика, информированное согласие, автономия, право не знать

PRESYMPTOMATIC GENETIC TESTING: FROM THE RIGHT TO KNOW TO THE RIGHT NOT TO KNOW

Elena G. Grebenschchikova

*DSc in Philosophy, Head of the Center of Scientific Information Studies
in Science, Education and Technologies*

Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS

E-mail: aika45@yandex.ru

The development of presymptomatic genetic testing initiated a discussion in bioethics about the patient's right not to know the information about some diseases.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00422).

Not only the issues of psychological well-being of the test subjects but also the principles of information and autonomy, the idea of family solidarity became the focus of attention of specialists in biomedical ethics and medical law. The opposition between the right to know and the right not to know has been supplemented by the duty to know. Rethinking ethical attitudes that have developed to date has shown that this is not a return to paternalism. A broad concept of autonomy taking into account existing restrictions on information and understanding the family specifics of genetic information are necessary in genomic medicine.

Keywords: bioethics, genetics, informed consent, autonomy, right not to know

Формирование биоэтики во второй половине прошлого века связано с переходом от патерналистических отношений между врачом и пациентом к моделям взаимодействия, основанным на уважении автономии пациента, его праве делать свободный и самостоятельный выбор относительно своего здоровья. Необходимым условием этого выбора является полное информирование, учитывающее когнитивные способности и психологическое состояние индивида. Однако развитие генетического тестирования поставило под вопрос утвердившуюся доктрину информирования: некоторые врачи и биоэтики заявили, что в ряде случаев информация может иметь гораздо больший негативный эффект, чем та польза, которую несет новое знание. В частности, речь идет о болезнях с поздним началом, а особенно, о неизлечимых заболеваниях, надежных методов профилактики которых в настоящее время не существует. На негативные психологические эффекты пресимптоматического тестирования некоторое время назад также обратило внимание Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов США (FDA), запретив тестирование на медицинские предрасположенности биотехнологическим компаниям, работающим в сфере потребительской геномики. Позицию FDA поддерживают далеко не все исследователи, более того, в науке нет консенсуса относительно психологических эффектов пресимптоматического тестирования. Однако психологическими измерениями информирования «проблема незнания» о результатах генетического теста не ограничивается. Критики права не знать фокусируются на следующих биоэтических аспектах: обязанность врача информировать пациентов, противоречие автономии пациента и солидарность с членами семьи.

С точки зрения утвердившейся практики добровольного информированного согласия право не знать может показаться шагом назад к патернализму. Однако абсолютной обязанности раскрывать информацию пациентам ни по юридическим, ни по этическим соображениям в биоэтике нет. Напротив, существует обязательство оценивать объем информации, которую пациент хочет и может получить в данный момент. Согласно ст. 22 Федерального закона N 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «информация о состоянии здоровья не может быть предоставлена пациенту против его воли. В случае неблагоприятного прогноза развития заболевания информация должна сообщаться в деликатной форме ...» [1]. Таким образом, российское законодательство учитывает возможные психологические проблемы, требующие деликатной формы информирования или же нежелание пациента получать информацию. Рекомендаций по поводу генетического тестирования в нашей стране нет ни для врачей, ни для компаний, работающих напрямую с потребителями генетических тестов. Право не знать также зафиксировано в статье 10 «Конвенции о правах человека и биомедицине», где, в частности указано, что «каждый человек имеет право ознакомиться с любой собранной информацией о своем здоровье. В то же время необходимо уважать желание человека не быть информированным на этот счет» [2]. Статья 5 «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека» утверждает необходимость соблюдения права «каждого человека решать быть или не быть информированным о результатах генетического анализа и его последствиях» [3]. Безусловно, важно учитывать, какую информацию индивид не хочет получать – о конкретном заболевании, которое, например, уже диагностировано у родственников, или же отказ связан со страхом узнать о высоком риске заболевания, о котором в настоящий момент он даже не догадывается.

Критика права не знать как противоречащего автономии пациента основана на её узком понимании, связанном с выбором из того, что предложено врачом. Известный швейцарский специалист в области биоэтики и медицинского права Р. Андорно предлагает понимать автономию более широко – как выбор информации, которой определяет решение знать или не знать. В таком контексте право не знать рассматривается как «усиление автономии,

поскольку решение знать или не знать не передается пациентом врачу. Именно при таком широком понимании автономии право не знать широко признается, например, в немецкой юридической литературе как часть «права на информационное самоопределение» [4, р. 436]. Важно также учитывать, что идея уважения автономии личности в биоэтике предполагает не только условия для самоопределения, но и защиту от возможного вреда, в том числе психологического, что может означать уважение желания не знать.

Еще один аспект проблемы обусловлен семейной спецификой генетической информации и связан с интересами родственников получить её. «Генетическая ответственность», которая широко обсуждается в биоэтике в разных контекстах, в рассматриваемом ракурсе может трактоваться как обязательство раскрывать информацию родственникам и не нарушать их интересы отказом от её получения. Но должен ли индивид руководствоваться возможными интересами родственников, о которых его никто явным образом не проинформировал? Кто сможет гарантировать, что интересы всех родственников совпадают с интересами отдельного члена семьи? Отвечая на эти и другие вопросы можно прийти к выводу, что, делая осознанный выбор относительно информации о своем здоровье человек руководствуется прежде всего своими интересами и не всегда может и даже должен учитывать позицию других сторон. Однако на врача-генетика ложится обязанность раскрыть пациенту все существенные факты, представляющие интерес для третьих лиц, которые должны в той или иной степени влиять на решение и определять понимание последствий этого выбора в том числе и для родственников.

По мнению М. Шоу, семейная специфика генетической информации предполагает не только право, но и долг знать о наличии некоторых генетических мутаций для блага будущих потомков и «соответствующих шагах для предотвращения заболевания в будущих поколениях» [5, р. 245]. Последнее, безусловно, вызывает этические вопросы относительно отбора эмбрионов при пренатальном генетическом тестировании (ПГТ), аборт, а в более широком плане затрагивает проблемы евгеники. При этом моральные обязательства касаются не только кровных родственников, но и супругов. В перспективе подобные идеи могут стать источником социального напряжения, обусловленного как принуждением к тестированию внутри семей, так и претензиями со стороны детей, родившиеся с некоторыми генетическими заболеваниями.

Всегда ли необходимо обеспечивать право не знать, если оно затрагивает интересы будущих поколений? Например, желание одного из родителей не проходить генетическое тестирование или не знать о риске заболевания можно обеспечить с помощью ПГТ презембриона, зачатого с помощью экстракорпорального оплодотворения (ЭКО). Тест позволит узнать о риске для ребенка, не нарушая желание родителей не знать. Но, например, законодательство Нидерландов запрещает проведение ПГТ болезни Хантингтона (неизлечимое генетическое нейродегенеративное заболевание, которое обычно проявляется в возрасте 30-50 лет), если сами родители не прошли генетическое тестирование. Эта мера направлена на сокращение числа «ненужных» процедур ЭКО для здоровых пар, в результате будущие родители «вынуждены знать» и принимать решение на этой основе [6].

Таким образом, право не знать не противоречит принципам информирования и уважения автономии личности в медицине. Напротив, желание пациента и его автономный выбор предполагают как возможность получения полной информации, так её ограничение или же неполучение в зависимости от желания индивида. Семейный характер генетической информации, безусловно, может влиять на выбор, но не может быть определяющим.

Литература

1. Федеральный закон N 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-ohrane-zdorovya-grazhdan-323-fz/> (дата обращения: 4.10.2019)
2. Конвенция «О защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: конвенция о правах человека и биомедицине» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imbp.ru/BioEtika/Principles/Convention.html> (дата обращения: 4.10.2019)
3. Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.html (дата обращения: 4.10.2019)

4. Andorno R. The right not to know: an autonomy based approach // Journal of medical ethics. 2004. Vol. 30. №. 5. P. 435-439.
5. Shaw M.W. Testing for the Huntington gene: a right to know, a right not to know, or a duty to know // American journal of medical genetics. 1987. Vol. 26. №. 2. P. 243-246.
6. Asscher E., Koops B.J. The right not to know and preimplantation genetic diagnosis for Huntington's disease // Journal of Medical Ethics. 2010. Vol. 36. №. 1. P. 30-33.

БИОЭТИКА В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Флора Элиса Кабельо

*Кандидат медицинский наук, кафедра внутренних болезней с курсом кардиологии
и функциональной диагностики имени В.С. Моисеева*

Российский университет дружбы народов

E-mail: florinela.cabellomontoya@gmail.com

Последние годы отмечены плодотворным и глубоким развитием биоэтики в Латинской Америке. Мы постарались лучше понять текущие проблемы и назначить пути решения, которые потребуют от нас большей самоотдачи в рамках общей ситуации Латинской Америки. Несмотря на более чем двадцатилетний опыт развития биоэтики в нашем регионе, мы пока начинаем применять клиническую биоэтику в академической сфере и здравоохранении, соответствуя требованиям системы здравоохранения и комитетов по этике в больницах. Однако, не забывая о важности этой клинической биоэтики, необходимо развивать и продвигать институциональную и социальную биоэтику. Цель состоит в том, чтобы соединить этику социальную с индивидуальной, через «биоэтику человека», как индивидуального субъекта, так и социального существа.

Ключевые слова: биоэтика, социокультурный контекст, институциональной этики, достоинства людей

BIOETHICS IN THE LATIN AMERICAN PERSPECTIVE

F.E. Cabello

CSc in Medicine

Peoples' Friendship University of Russia

E-mail: florinela.cabellomontoya@gmail.com

Recent years have been marked by the fruitful and deep development of bioethics in Latin America. We tried to better understand the current problems and to identify solutions that would require us to give more in the framework of the general situation in Latin America. Despite more than twenty years of experience in the development of bioethics in our region, we are still starting to apply clinical bioethics in the academic field and healthcare meeting the requirements of the healthcare system and ethics committees in hospitals. However, not forgetting the importance of this clinical bioethics, it is necessary to develop and promote institutional and social bioethics. The goal is to combine social ethics with individual one through the “bioethics of a man” both as an individual subject and social being.

Keywords: bioethics, sociocultural context, institutional ethics, human dignity

В настоящее время многие исследователи задаются вопросом: существует ли биоэтика в Латинской Америке, и каковы ее особенные характеристики в этом контексте.

В университетах Латинской Америки биоэтика начинает преподаваться в 80-ые и начале 90-ых годов, со значительной задержкой по сравнению с ее развитием в Северной Америке. По словам Альфонсо Льяно «эта «пересадка» была произведена сначала в Аргентине, а затем по очередности: Колумбия, Чили, Мексика, Бразилия и остальные латиноамериканские страны. Они пересадили биоэтику на американский континент, не принимая во внимание различий

«грунта» и не задаваясь вопросом «приживется ли растение» в столь не похожих друг на друга странах, и применимо ли «новое лекарство» к болезням настолько разных народов».

Новая дисциплина была представлена с ее собственными характеристиками, отражающими положение американского общества того времени:

Междисциплинарность: диалог между эмпирическими и гуманитарными науками; этические дебаты в плюралистическом обществе, основанном на толерантности. Разработка теории аргументации с ее четкими и конкретными принципами.

Ситуация сложившаяся в области здравоохранения: патерналистский подход в модели общения врача и пациента, социальный подход к здравоохранению в большинстве стран Латинской Америки резко отличался от подходов, приемлемых в США, что в некотором роде и объясняет длительную задержку и своеобразный подход по внедрению биоэтики в Латинской Америке. «Не стоит забывать, что при «пересадке» североамериканской биоэтики: медицинской, утилитарной,, в страны Латинской Америки, не было принято во внимание их различие, что привело к возникновению трудностей в принятии, изучении и распространении биоэтики в Латинской Америке. Очерчивая более конкретные рамки, можно утверждать, что «пересадка» американской биоэтики, занимающейся современными биотехнологиями и унаследовавшей англосаксонскую этику, в такие технологически неразвитые страны, находящиеся под культурным влиянием католической гетерономной морали. Кроме того с ее медицинской, гиппократической и патерналистской традицией, могла лишь встретить серьёзные трудности» [2], более того, некоторое безразличие и опасение.

Настоящая работа направлена на то, чтобы проследить процесс развития и определить основы биоэтики в рамках Латинской Америки, которая имеет свои особенные характеристики в глобальном контексте.

Проблема практического применения биоэтики в Латинской Америке берет свое начало в том, что исторический и культурный контекст ее внедрение не был приемлем в ее рамках. Страны Латинской Америка часто принимали американские модели организации, в том числе модель здравоохранения и биоэтики. Однако Латинская Америка должна найти свой собственный путь, ее биоэтика необязательно должна начинаться с этики, основанной на утилитарной модели превосходства, основанной критериях субъективного принципа автономии сознания и на полезных или вредоносных последствиях человеческой деятельности. Многие из проблем в клинической практике связаны не с отношениями между медицинским работником и пациентом, а с институциональными и этическими проблемами, политикой и самой системой здравоохранения.(3)

Главный принцип сохранения человеческого достоинства в странах Латинской Америки напрямую связан с оказанием медицинской помощи, следует больше внимания уделять справедливости в доступности медицинской помощи, ведь это является приоритетной задачей в этом регионе, потому что ее решение влияет на достоинство людей в целом. Латиноамериканский регион характеризуется наибольшим социальным неравенством, что выражается в значительных различиях в сфере здравоохранения. Доминирующая проблема заключается в том, как добиться справедливого обеспечения медицинской помощи всем людям. Для реализации биоэтики в этом контексте необходимо учитывать, что главными являются экономические проблемы и принципы равенства и справедливости, следовательно, биоэтика должна глубоко понимать общественные науки.

Для этого в Латинской Америке считается необходимым отойти от биоэтики сосредоточенной почти исключительно на аспектах клинической этики и приступить к социальной, которая занимается продвижением институциональной этики: улучшением управления и трудовых условий, разработкой политики общественного здравоохранения и распределением ресурсов для достижения более справедливой системы здравоохранения, соответствовавшей нуждам и потребностям общества. Она должны строиться на четырех основных принципах, включающих индивидуальные, экономические, социальные и культурные права человека. Признание достоинства других людей и их уважения должно стать целью этически сложившегося общества. Латинская Америка должна решать задачу в культурно-исторической перспективе большого числа людей, страдающих от бедности и социальной exclusion, она должна сосредоточить свою работу в развитии биоэтики на макроуровне, а не микро-индивидуалистическом уровне, который работает в развитых странах.

Что касается метода, метод иерархического принципа Диего Грасиа оказал большое влияние в Латинской Америке благодаря его внедрению в рамках региональной программы по биоэтике Панамериканской организации здравоохранения. К этому следует добавить, что из-за влияния католического учения во многих местах принимается персоналистский принцип защиты жизни с момента зачатия.

Биоэтика в Латинской Америке сталкивается с неизбежной задачей: дать основу для возможных и желательных ответов на прошлые и самые настоящие проблемы наших социальных систем и систем здравоохранения. Нельзя не оставить без внимания бедность, уязвимости, условия развития, способности осуществлять реальную свободу, политической ситуации в наших странах, санитарном просвещении или социальной роли различных социальных, моральных и религиозных убеждений. (4)

Развитие биоэтики в Латинской Америке было плодотворным в последние десятилетия, однако оно по-прежнему остается зависимым от англосаксонских биоэтических дискурсов и направлений исследования в развитых странах, сосредоточенных на биомедицинском и клиническом подходе.

Стоило больших усилий в латинской Америке для преодоления этих границ и стать частью социальных, политических, экономических и культурных процессов (4). Процесс продолжается

Литература

1. *Rodriguez Yunta Eduardo*. Temas Para Una Bioetica Latinoamericana // Acta Bioeth. 2009. Vol. 1. No 1. pp. 87–93. DOI : 10.4067/S1726569X2009000100011
2. *Cuevas Silva J.M., Mendieta I.G.* Perspectivas para el bioeticista en América Latina // Revista Latinoamericana De Bioética, 2019. Vol. 19. No 36-1. <https://doi.org/10.18359/rlbi.4119>
3. *Llano A.* «La Bioética en América Latina y en Colombia». Perspectivas de la Bioética en Iberoamérica, 2007.
4. *León Correa Francisco Javier*. Temas de bioetica social. Edición E-book: Fundación Interamericana Ciencia y Vida. 2009. pp. 6-9.
5. *León Correa Francisco Javier*. Bioética y salud pública en y para américa latina // FELAIBE. Junio. 2015. pp. 17-23.
6. *León Correa Francisco Javier*. Bioética, determinantes sociales, políticas y sistemas de salud Fundación Interamericana Ciencia y Vida // Centro de Bioética, Instituto de Investigación eInnovación en Salud, Facultad de Ciencias de la Salud, 1ª Edición. Santiago de Chile: Universidad Central de Chile. 2017. pp. 15-39.

ПРОБЛЕМА «УЯЗВИМОСТИ» В МИРЕ БИМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИИ

Татьяна Николаевна Кетова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и биоэтики
Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
им. акад. И.П. Павлова
E-mail: tatiana.ketova@gmail.com*

Разрыв между развитием науки и этическими ценностями способствует возрастанию степени уязвимости живого. Экологическая этика выступает в роли ограничителя деятельности человека как покорителя и потребителя природы. Биоэтика как этика жизни расширяет значение слова «гуманность» (В.Р.Поттер) и рассматривает различные аспекты проблемы уязвимости. Категории естественного и искусственного претерпевают трансформацию. Телесность подвергается атакам антропотехник. В современной культуре можно выявить взаимополагающие тенденции – медиализации и демедиализации, влияющие на автономию пациента – клиента, Проблема уязвимости распространяется на группы некомпетентных пациентов и испытуемых, обозначена в дискуссиях по проблеме эвтаназии, применения вспомогательных репродуктивных технологий, отношении к животным. Может ли человек стремиться к изменению своей природы

и утверждать свою жизнь, жертвуя другими живыми существами и делая их уязвимыми? К.Циолковский и А.Швейцер предлагали противоположные ответы на этот вопрос.

Ключевые слова: экологическая этика, биоэтика, уязвимость, естественное и искусственное, медиализация, автономия пациента-испытуемого, благоговение перед жизнью

PROBLEM OF VULNERABILITY IN THE WORLD OF BIOMEDICAL TECHNOLOGIES

Tatiana N. Ketova

CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Bioethics

First Pavlov State Medical University of Saint Petersburg

E-mail: tatiana.ketova@gmail.com

A ridge between scientific development and ethical values contributes to a growing degree in the vulnerability of living things. Ecological ethics steps into a role of controlling activities of a human as a conqueror and consumer of nature. Bioethics as a life ethics broadens the meaning of the word “humanity” (V.R.Potter) and views different aspects of the vulnerability problem. Categories of natural and artificial go through a transformation. Corporality comes under anthropotechnic attacks. In modern culture, it is possible to define interdependent tendencies – medicalisation and demedicalisation affecting the patient-client autonomy. The Problem of vulnerability is applied to the groups of incompetent patients and experiment participators mentioned in euthanasia problem discussions and also to the use of auxiliary reproductive technologies, treatment of animals. Can a human being strive to change their own nature and promote it while sacrificing living creatures and making them vulnerable? K. Tsiolkovsky and A. Shveitser proposed opposing answers to this question.

Keywords: ecological ethics, bioethics, vulnerability, natural and artificial, medicalisation, autonomy of patient-experiment participator, worship of life

В эпоху глобализации продолжается углубление экологического кризиса, который захватывает не только природную среду, но и самого человека. Еще в XX веке возникла потребность в появлении новой этики, обусловленной развитием техносферы и необходимостью расширения постановки проблемы прав человека. Биоэтику можно назвать этикой жизни, если она включает в себя отношение человека ко всей живой природе – растениям, животным, биосфере и, конечно, к биосоциальной целостности – человеку. Разрыв между развитием науки и этическими императивами способствует возрастанию степени уязвимости живого, угрожает существованию жизни на Земле, и, поэтому, биоэтика по мнению В.Р.Поттера, – это наука выживания и тем самым она приобретает отчетливое экологическое звучание.

Один из основателей экологической этики О.Леопольд полагал, что в основу экологии должна быть положена идея признания взаимозависимости, разнообразия и уязвимости всей биосферы, и поэтому, экологическая этика выступает в роли ограничителя свободы деятельности человека как завоевателя и потребителя природы. [1] Источником угрозы является научно-технологическая сфера и возникает императив спасения дикого и естественного. Однако, никакой дикой природы нет – «все является специфическим продуктом научно-технического, экономико-политического прогресса» и «все больше новых болезней оказывается следствием, своеобразным «промышленным отходом» лечения старых» [2, с. 111-112].

Сами категории естественного и искусственного в настоящее время претерпевают существенную трансформацию. Встает один из главных вопросов: что можно считать естественным и достойным для человека. Телесность подвергается атакам антропотехник, растворяется в медиасреде и все сложнее осознать, что именно следует сохранять. В организме современного человека чрезвычайно сложно выявить, что есть естественное – является ли оно базовым образованием или же оно есть остров в пространстве искусственных вторжений. Как и окружающая среда, человек как духовная и телесная субстанция подвергается систематической химизации, что приводит к увеличению риска онкологических и сердечно-

сосудистых заболеваний. С другой стороны, как активный субъект, человек стремится целенаправленно совершенствовать себя, подвергая радикальному пересмотру такие ценности, как подлинность, идентичность, соответствие, уместность, разнообразие, экологическая устойчивость. Тело превращается в поле для экспериментов, из «одиноким крепости» трансформируется в «зону боевых действий», «где не прекращаются идеологические перестрелки вокруг прав на аборт, использования тканей эмбрионов в медицинских целях, лечения СПИДа, суицида, эвтаназии, суррогатных матерей, генной инженерии, клонирования и даже спонсируемой государством пластической хирургии для заключенных». [3, с. 316]

В последнее время явно усилилась тенденция медиализации жизни западного общества. Человек становится объектом медицинской политики, которая обещает успешную репрезентацию индивида в социокультурном поле и достижение им физического, духовного и социального благополучия. В рамках технократической парадигмы произошло изменение медицинской идеологии, «когда терапия извлечения (болезнь – это избыток, нечто лишнее или чрезмерное, что надо удалить из тела посредством кровопускания, очищения и т.д.) замещается... терапией восполнения (болезнь – это отсутствие, недостаток, который надо восполнить лекарствами, подкрепляющими средствами)». [4, с. 253] Такая «терапия восполнения» объявляет патологией то, что прежде считалось нормальным и естественным – традиционную семью, постепенное старение организма, экзистенциальные тревожные состояния. Пациент превращается в клиента – потребителя, в «технологический артефакт, элиминируя автономию личности». [5, с. 8]

Между тем, отмечается и тенденция демедиализации жизни, связанная с коммерциализацией здоровья. Демедиализация проявляется в развитии общественных движений, пропагандирующих здоровый образ жизни, расширении возможностей выбора для пациента – клиента «Терапия восполнения» предлагает стремиться к «комплексному» здоровью – молодому облику, спортивному силуэту, перспективной работе, оптимизму, высокой самооценке. Однако освобождение от диктата традиционно организованной медицины предполагает усилия автономного пациента по постановке самодиагноза и осуществления самоконтроля в процессе соблюдения диеты, выполнения комплекса упражнений, приема биодобавок и парадоксальным образом может способствовать развитию состояния уязвимости в рамках жесткого проекта «заботы о себе». Поэтому демедиализация является зеркальным отражением медиализованного общества». [6, с. 161]

Проблему уязвимости можно рассматривать в контексте понимания биоэтики, как дисциплины, изучающей этические коллизии, казусы, возникающие в современной биомедицине. Ведутся дискуссии о возможности расширения границ жизни и смерти в результате развития биомедицинских технологий и о притязаниях человека вторгаться в свою биологическую природу. Уязвимость распространяется на группы некомпетентных пациентов и испытуемых (дети, лица с психическими расстройствами и в бессознательном состоянии). Представляет особый интерес выявление биоэтических аспектов эквивалентной медицинской помощи заключенным [7].

Проблема прав испытуемого должна включать такие аспекты, как соблюдение строгой конфиденциальности, возможности публикации отрицательных результатов исследований, организации лечения после окончания медицинских экспериментов. Повышенное внимание к выявлению соотношения пользы и риска для испытуемых поможет снизить степень их уязвимости.

Основной вопрос, который ставит современная биоэтика, заключается в следующем: насколько природа, природное в человеке является предметом нравственной оценки. В таком контексте можно рассматривать конкретные проблемы биоэтики. Так, в дискуссии по эвтаназии обсуждается возможность прекращения жизни человека, утратившего когнитивные функции и переставшего быть личностью. В современных спорах о допустимости абортов одной из центральных проблем является личностный статус плода. Болезненной для генетики и развития практики вспомогательных репродуктивных технологий стала проблема «лишних» эмбрионов. Отношение к живой природе стало предметом спора между сторонниками и противниками проведения экспериментов на животных, крайние позиции высказываются и по вопросу ксенотрансплантации. В последнее время расширилось пространство постановки проблемы отношения человека к миру животных. «Конец человеческой исключительности» [8], «новая парадигма в науке», «животные как субъекты права» - такой взгляд на проблему стал возможным в результате осознания уязвимости сообщества животных. Может ли человек

стремиться к изменению своей природы и может ли он утверждать свою жизнь за счет жизни других существ? Подразумевает ли самосовершенствование человека самоограничение или это противоположные процессы?

К.Э. Циолковский в работе “Научная этика” настаивал на необходимости совершенствования человечества, распространения совершенной жизни в космосе. Но жизнь неудачная, неполноценная. страдающая должна исчезнуть. Исчезнуть должны и животные и неполноценные расы, так как атомы совершенных существ не должны проникать в несовершенные тела.[9] Идеи ученого начали осуществляться в конце XX века в связи с наметившимися возможностями проектирования “пост-человека” – в комбинировании элементов тела, вживлении технических устройств для управления эмоциями – в перспективе свободно определяющего пределы своего существования даже вне телесности (концепции трансгуманизма).

Между тем, идеи прогресса ради прогресса, развития через ограничение неполноценного разделялась далеко не всеми. Так, А.Швейцер не мог допустить устранения несовершенного. Он предлагал, “подправлять” его, примириться с ним.[10] Этика самосовершенствования сочетается с этикой самоотречения, которое необходимо ради самой жизни. Благоговение перед жизнью включает в себя сострадание, любовь, солидарность, беспокойство – все то, что Циолковский называл “нирваной бесполезных чувств”.

Развертывание декартовского тезиса “мыслю, следовательно, существую”, с одной стороны, может привести к отказу в жизненном статусе существам, не обладающим личностными качествами и, поэтому, уязвимым, но, с другой стороны, ограничение все расширяющейся индустрии потребления возможно только на основе осознания перспективы глобальной катастрофы.

По-видимому, только сейчас возникли серьезные основания почувствовать “безграничную ответственность за все, что живет” (А.Швейцер), которая должна проявиться в развернутой системе этического и государственного контроля над стремлением к бездумному развитию человеческих притязаний.

Коллективная ответственность в рамках развития тенденции сближения этики и политики в массовом обществе не может заменить осознания каждым мыслящим и чувствующим человеком своей роли в процессе формирования уважения к жизни во всех ее многообразных проявлениях.

Литература

1. *Леопольд О.* Календарь песчаного графства. // Леопольд О. М. Мир, 1980. 216 с.
2. *Тищенко П.Д.* На гранях жизни и смерти: философские исследования оснований биоэтики. // Тищенко П.Д. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2011. 328 с.
3. *Дери М.* Скорость убегания: киберкультура на рубеже веков. // Дери М. М.: АСТ, 2008. 478 с.
4. *Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. // Серто М. СПб.: Изд-во Европейского Университета в СПб. 2013. 330 с.
5. *Седова Н.Н.* Этический портрет «Homo Perfectus» : от биоэтики к техноэтике» // Биоэтика. 2016. №2. С. 6 -10.
6. *Яцино М.* Культура индивидуализма. Гуманитарный центр, 2012. 280 с.
7. *Туленков А.М.* Биоэтические аспекты обеспечения эквивалентной медицинской помощи лицам, содержащимся в местах лишения свободы. // Биоэтика. 2018. №2 (22). С. 47 -53.
8. *Шеффер Ж.-М.* Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
9. *Циолковский К.Э.* Научная этика. Калуга, 1930. 67 с.
10. *Швейцер А.* Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. 344 с.

КАРТЕЗИАНСКИЙ МОТИВ ВРАЧЕБНОГО ЭТОСА ЗАБОТЫ*

Ксения Александровна Куксо

Кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский Государственный Университет промышленных технологий и дизайна

Ассоциированный научный сотрудник

Социологический институт РАН

E-mail: korsbai@mail.ru

В статье прослеживается влияние заявленного в трудах Р. Декарта оригинального сценария терапии на способы паллиативной помощи и работы с носителями хронических заболеваний, сформированные в одном из влиятельных направлений гуманизации современной медицины. Несмотря на завершенность развернутой Декартом механистической трактовки человеческого тела, в его наследии разрабатывалось и понятие телесных воздействий чистой мысли о благе и чистого волевого аффекта – вызываемого ими поднятия жизненных сил и связанного с ним оздоровительного потенциала. Показывается, что развиваемая К. Дернером модель терапии пораженных хроническими заболеваниями наследует этой идее: врачебная помощь, описываемая в данном контексте, строится на происходящем благодаря непосредственному участию врача обнаружении блага в собственном опыте неизлечимым больным. Рассматриваются конкретные методики данного терапевтического подхода.

Ключевые слова: Декарт, психосоматика, Дернер, опыт хронического больного, терапия, врачебная этика

A CARTESIAN MOTIVE IN MEDICAL ETHOS OF CARE

Kseniya A. Kuxo

CSc in Philosophy, Associate Professor

Saint Petersburg State University of Industrial Technology and Design

Associate Researcher

Sociological Institute, RAS

E-mail: korsbai@mail.ru

In the article, the influence of the original therapy scenario declared in the works of R. Descartes on the methods of palliative care and work with carriers of chronic diseases formed in one of the influential directions of modern medicine humanization are explained. Despite the completeness of Descartes's mechanistic interpretation of the human body, the concept of bodily influences of a pure thought of good and pure volitional affect is developed also in his heritage – the increase in vitality and the healing potential associated with it. The model of therapy of patients with chronic diseases developed by K. Derner inherits this idea: medical care described in this context is based on the discovery of the good in the experience of incurable patients due to the direct participation of a doctor. Definite methods of this therapeutic approach are considered.

Keywords: Descartes, psychosomatics, Derner, experience of a chronic patient, therapy, medical ethics

Для современной медицины, проявившей внимание к состоявшимся в прошедшем столетии ревизиям назначения врачебной практики, измерение отношений медика и больного является принципиальным – как в деле общей рефлексии возможностей медицины, так и в частном случае перспектив опыта неизлечимо больного. Определенностью взаимодействий врача и пациента в качестве основы работы с патологией была отреагирована своеобразная мутация самого медицинского поля случаев: с прошлого века типичным объектом приложения врачебных усилий становятся не острые проявления патологий, а хронические

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта номер 20-011-00314 А "Социальный порядок в условиях эпидемии: социально-философский анализ".

заболевания [1, с. 156, с. 162–163]. Как следствие – мотив излечения как приведения к некоему избавленному от патологии состоянию тела перестает ориентировать действия врача: в обращении с хроническим больным медик становится «хроническим врачом», что означает сопровождение разворачивания базисных феноменов опыта непоправимо больного (прежде всего, реальности желания, бытия-в-мире, отношения к другому) [1, с. 164–165].

Характерность таким образом ориентированной врачебной практики сводится к чуду продуцирования пораженным хроническим заболеванием жизненной формы, не репрессированной всецело недугом. Биомедицинская борьба с патологией ведется уже при происходящем обширном метаморфозе способа жизни ее носителя. Доступ больного к условно здоровой жизни, здоровому способу бытия в болезни и служит принципиальным выражением врачебного участия. Не вдаваясь пока в нюансы техник такового, отметим его общую направленность: ему удастся расположить способ жизни неизлечимо больного таким образом, что он невозможным образом пополнивается отношением к благу в самых различных его проявлениях (артикулированной реальностью желания, иллюзиями о возможностях излечения, явственными перспективами будущего), что обладает несомненным терапевтическим потенциалом.

Интересно, что в эпистемологическом контексте, где состоялось обоснование машинной природы человеческого тела и детализированная проработка механистических связей, обеспечивающих налаженную работу телесного автомата, состоялось и видение влияний волевых аффектов, чистых мыслей на телесные состояния. Эта тема действенности психосоматики, возможностей сдвига телесных состояний исключительно силами души косвенным образом развивалась Декартом. Прослеженный же философом путь ее конкретного исполнения выводит к техникам медицины заботы, одним из первых представленной немецким психиатром, инициатором реформирования системы инструментальной медицины Клаусом Дернером, базирующейся на предельно бережной, щепетильной мотивировке пораженных тяжелыми заболеваниями к не замкнутому патологией способу жизни.

Так эпистолярное окружение «Страстей души» демонстрирует не только интерес Декарта к проблеме психосоматики, но и весомость для философа оригинальных живо развивающихся воззрений на продуктивность воздействий души на машину тела. Здесь философ прямо заявляет программу оздоровления различными формами «духовного удовлетворения». В письме к Елизавете Богемской от 18 мая 1645 г., довольно свободно, что показательно, говоря от лица медика, Декарт рекомендует своему длительно одолеваемому лихорадкой адресату обратиться к внутренним благам души. С самоаффектацией души несомненным благом своих способностей, идей, моральных сил здесь связывается преодоление болезнетворных страстей [2, с. 503–504]. В другом письме к Елизавете Декарт прямо говорит, что терапевтическим воздействием обладает постоянное направление размышлений на объекты, доставляющие удовлетворенность и радость [3, с. 505], и в качестве свидетельства приводит свой личный опыт по восстановлению здоровья (подтачиваемого, как обнаруживается в авторефлексивной перспективе, смертельной наследственной патологией) путем «привычки самому доставлять себе духовное удовлетворение» [3, с. 506]. И более того, письмо к посреднику в переписке философа и шведской королевы Христины Пьеру Шаню от 1647 г., посвященное природе любви и основаниям любви к Богу, содержит насыщенную, но незавершенную версию радикальных перестроек телесной жизни под воздействием чистой избирательности души. Рассматривая вопрос имеет ли сугубо интеллектуальная страсть любви к Богу какое-либо чувственное выражение, Декарт описывает ее причудливый путь, ее возрастание через гибкость отношения к величию сущего. Затерянность в целостности сущего, радость от возможности различным образом относиться, «сливаться» с многообразными экземплярностями существующего как несомненным благом для души – такова, согласно философу, конкретность опыта любви к Богу. Многообразие сущего может дублироваться радикализмом автономии воли, когда ее совершенный характер обнаруживается в ничем не скованном отношении к неизвестным страницам книги о разнообразии мира [4, с. 550]. При том крайне важно, что данное применение воли (и даже, по Декарту, его идея) имеет свое телесное отреагирование – Декарт говорит и об особом жаре в сердце носителя свободной игры воли в простертости сущего. Таково одно из следствий принципиального для философа тезиса анимации конкретного тела как исполненности души опытом несомненного блага. И захваченность страстью при свободном отношении к скрытым сторонам сущего, его неожиданным комбинациям, обнаруживает, что телесная жизнь –

не только диктат машинных реакций на включенность тела в ситуативно-ближайшее, но и его пластичность: неограниченность «я могу» открывает тело формовке его способностей и состояний, исходящих из дальних обстоятельств, из вариации жизни. Так, даже приведение тела к чистой механике дополняла идея возможности преобразования телесного состояния вспышкой события блага, за которым, следуя Декарту, обнаружение блага чистой мыслью и слияние души с ним [4, с. 544–545].

Эта же перспектива с трудом представимого отношения к благу в ситуации неизлечимой болезни разворачивается в проекте медицины заботы Дернера. В силу особого разрушительного стиля болезней в рассматриваемых в данном контексте случаях переработка опыта их носителей, способность разрешать их мысли, впечатления, переживания в реальность блага происходит при непосредственном участии врача. Его основные линии складываются, четко следуя определению болезни как предельной самозамкнутости ее носителя. Вот очертания опыта тяжелой болезни, вне зависимости от проявлений индивидуальности пораженных. Сам собой данный опыт прерывает бытие-в-мире. Болезнь разрушает порядок привычных навыков существования, крайне затрудняет реализацию комплекса узнаваемых способностей своего носителя. Отсюда и невозможность для болеющего «самоотдачи на произвол жизненных дел» [1, с. 84–85], что Дернер делает базовым определением болезни. Тяжесть воздействия болезни связана и с утратой для ее носителя в связи с ее ощутимой интенсивностью или нарастающей непреодолимостью более-менее предсказуемого характера мира. Есть и эскалация данной экзистенциальной поломки. Когда мир в своих типических чертах перестает возобновляться, удерживать отношение к заменившей его бесструктурности становится предельно проблематичным. Таким образом непрерывность потока переживаний распадается. Это угасание сознания у переживающих необратимость анонии в данном контексте узнается как падение в пустоту – заключенный в теле, обрекающем на постоянство аномичной ситуации, не только утрачивает привычное присутствие в мире, но и регулярно воспроизводящиеся данности своего эмпирического Я. Постольку тяжелое хроническое заболевание – это все более спертая самозамкнутость ее носителя, при этом с разобщенностью с самим собой [1, с. 111].

Данная конституция опыта больного задает позицию врача. Один из ее принципов, согласно которому врач должен в полной мере посвящать себя больному, так называемой патической субъективности, строится на возделываемой врачом возможности кардинального изменения опыта пораженного тяжелым заболеванием. Тенденциозное для него слушание больного подразумевает, что речь способна вывести экзистенцию за пределы опыта болезни. Так рассказ – это всякий раз изменение опыта говорящего, и словесные оболочки жизни, которую пронизывает болезнь, способны создать первичный пласт обновленного бытия-в-мире (здесь играют роль два обстоятельства: рассказ впускает другого в непроницаемые состояния больного, создает значения его отчаяния, потерянности, а значит и модифицирует их; также ткань рассказа наделяет связностью опыт повествующего, которая предельно ослабевает в болезни). Кроме этого, в данном контексте с речевыми практиками больного связывается потенциал мотивировки и определения реальности желания. Динамика значений, учреждаемая в речи, открывает новые перспективы опыта, с которыми связана возможность восстановления активности желания у больного. Действенность же хрупкой интенсивности желания больного в некоторой мере освобождает его существование от полной скованности болезнью.

Терапевтическим потенциалом в случае тяжело больных обладает и поведение медика, создающее для них сомато-респонсивную нагрузку. Дернер, привлекая теорию медика К. Гольдштейна, отмечает, что врачебный долг предполагает выведение больного из безразличия. Радикальная утрата отношения к происходящему может сопровождать периоды обострения тяжелых заболеваний и тяжелые формы патологии. Возможность его преодоления Дернер связывает с намеренно создаваемым медиком требованием по отношению к пациенту, вызывающем в больном ответную реакцию и как следствие – смену его *acedia cordis* на волевое различение жизни.

Конечно, проводимая Дернером реформа медицины предполагала и иные терапевтические принципы, однако реализуемый в ней подход к работе с тяжело больными развивал интуицию Декарта, что опыт артикулированного душевного стремления к благу способствует усилению жизненных сил. В современных реалиях хронических заболеваний, отдающих на произвол смерти, одной из фундаментальных черт врача является его способность сопровождать пациента в опыте обретения сумеречного блага.

Литература

1. *Дернер К.* Хороший врач. Учебник основной позиции врача. М.: Алетея, 2006.
2. *Декарт Р.* Елизавете (Эгмонд, 18 мая 1645 г.) // Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1989.
3. *Декарт Р.* Елизавете (Эгмонд, май или июнь 1645 г.) // Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1989.
4. *Декарт Р.* Шаню (Эгмонд, 1 февраля 1647 г.) // Декарт Р. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1989.

СЕКСУАЛЬНЫЕ РОБОТЫ: МОРАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТИМНОСТИ

Фарида Габделхаковна Майленова

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: farida.mailenova@gmail.com

Появление в нашей жизни сексуальных роботов-андроидов может самым радикальным образом изменить всю нашу жизнь, включая самые интимные её сферы, внося ещё одно измерение в многогранную проблему близких взаимоотношений. Человеческая сексуальность, будучи, с одной стороны, не только потребностью, как у всех живых существ, а ещё высшей формой любви и близости, с другой, может существовать и удовлетворяться совершенно отдельно от любви. Именно эта двойственность человеческой натуры способствовала превращению секса и человеческого тела в товар и развитию проституции, порнографии и использованию сексуальных образов в рекламе. Когда умные машины андроиды станут не просто удобными и развлекающими, но и войдут в буквальный смысле в нашу плоть, станут нашими собеседниками, друзьями и любовниками, разделяющими наши чувства и интересы, каковы окажутся последствия этой небывалой в истории близости человека и машины?

Ключевые слова: этика роботов, технологии, секс-роботы, искусственный интеллект, прикладная этика

SEXUAL ROBOTS: MORAL COLLISIONS OF INTIMACY TRANSFORMATION

Farida G. Maylenova

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: farida.mailenova@gmail.com

The appearance of sexual android robots in our lives can radically change our entire lives, including the most intimate of its spheres, bringing another dimension to the multifaceted problem of close relationships. Human sexuality, on the one hand, being not only a need all living beings have but also the highest form of love and intimacy, on the other hand, can exist and be satisfied completely apart from love. It is this duality of human nature that has contributed to the transformation of sex and a human body into a commodity and the development of prostitution, pornography and the use of sexual images in advertising. When smart android machines become not only comfortable and entertaining but literally enter our flesh, become our interlocutors, friends and lovers who share our feelings and interests, what consequences will we get of this unprecedented intimacy between a man and machine?

Keywords: robot ethics, technology, sex robots, artificial intelligence, applied ethics

Человеческая сексуальность, будучи, с одной стороны, не только потребностью, как у всех живых существ, а ещё высшей формой любви и близости, с другой, может существовать и удовлетворяться совершенно отдельно от любви. Именно эта двойственность человеческой натуры способствовала превращению секса и человеческого тела в товар и развитию проституции, порнографии и использованию сексуальных образов в рекламе. Сама сексуальность с каждым десятилетием все больше отделяется от эмоциональных взаимоотношений и рассматривается как средство получения сугубо физического удовлетворения и удовольствия, которые можно улучшить и разнообразить с помощью различных приспособлений, игрушек, порнофильмов и соответствующих сайтов для виртуального секса. Сегодня к этому изобилию прибавились ещё и секс-роботы, и мы можем говорить не просто о грядущих изменениях в этой области, но, пожалуй, полной её трансформации.

Секс-роботы и трансформация интимности

Буквально за последние годы идея секс-роботов из темы, близкой к научной фантастике, превратилась в целую индустрию, и ученые уже начали говорить о том, что роботы-андроиды не просто способны стать сексуальными партнёрами, но даже могут в итоге заменить привычный секс, так как робот может оказаться гораздо более удобным, позитивным, беспроblemным и в результате более удовлетворяющим партнёром, чем живой человек с его претензиями, неврозами, сложным характером и перепадами настроения.

Индустрия секс-игрушек с использованием технологий - достаточно молодая отрасль, и первые качественные секс-куклы из пластика были изготовлены японцами в 1980 году [1].

Первый прототип секс-робота по имени Труди был создан 1993 году Дугласом Хайнсом в Америке. Он уже имел антропоморфные формы, хотя был ещё недостаточно удобным в использовании, так как плохо двигался, мог даже поранить при взаимодействии, и маловероятно, чтобы он доставлял сексуальное удовлетворение, не говоря уже об общении, которое, как выяснилось в процессе, не менее важно для пользователей. Хайнс решил продолжать разработки, учёл все недоработки и всерьёз занялся улучшением секс-роботов, обосновав собственную фирму TrueCompanion. На развитие этого воистину масштабного проекта было потрачено, по разным оценкам, от \$500 000 до \$1 000 000. И вот через 17 лет, 9 января 2010 года мир увидел секс-роботов нового поколения, причём обоего пола, Roxxy и Rocky, и у них уже были зачатки искусственного интеллекта [2]. Будучи представлены на выставке порноиндустрии в Лас-Вегасе, они имели огромный успех, их называли «полноразмерными интерактивными куклами для секса». Они уже были очень похожи на людей, могли двигаться при помощи человека и даже имитировать фрикции и даже оргазм, а Roxxy умела также храпеть! [3]. Искусственный интеллект этих кукол был запрограммирован таким образом, что они могли учитывать и разделять предпочтения своего владельца.

Как заявляет компания, Roxxy предназначена не только для сексуальных контактов, «она может поддерживать дискуссию и выражать свою любовь к вам. Она может поговорить с вами, слушать вас и чувствовать ваше прикосновение» [3]. Её словарный запас (пока что только английский, но вскоре появится испанский, немецкий и японский) обновляется с помощью интернета. Уже сегодня можно выбрать 5 различных характеров и типов личности, от знойной красотки, до холодноватой скромницы, но можно будет также составить личность робота самостоятельно. Также компания полагает, что в будущем наличие в доме сексуального робота женского или мужского пола станет обычным явлением, так как они позволяют легко и безопасно воплотить самые сокровенные сексуальные мечты и фантазии, включая групповой секс или секс втроем, о котором, согласно опросу ABC News, думали 21% взрослых (занимались же лишь 14%).

Не исключают они и воспитательную роль сексуальных роботов, так как, по их словам, последние запрограммированы так, что они не могут участвовать в насилии, и тем самым обучают людей думать о партнере, а не только о самом себе. Последнее заявление выглядит весьма спорным, так как именно возможность легко получить быстрый и беспроblemный секс была и остаётся главным плюсом в секс-роботах, хотя встраивать в них хотя бы минимальную защиту от жестокости бесспорно, необходимо - как для сохранности самих роботов, так и безопасности их пользователей.

Впрочем, не исключено, что будет спрос и на капризных роботов с прохладным темпераментом, и один из характеров, предлагаемый компанией, как раз такой.

И самый главный аргумент в пользу секс-роботов, который постоянно звучит из уст их сторонников, это то, что они могут оказать неоценимую помощь людям, которые по той или иной причине не могут иметь живых партнеров: инвалидам, умственно отсталым или людям с серьезными психическими проблемами, неспособным создавать эмоциональные связи с другими людьми. Правда, для того чтобы секс-роботы в действительности могли помогать таким категориям нуждающихся, необходимо, чтобы они стали им доступны, а пока что стоимость роботов такова, что позволить их себе могут лишь состоятельные люди.

Восприятие кукол-андроидов. Эффект «зловещей долины»

RealDoll — конкурент Roxxy среди секс-роботов, которую производит компания Abyss Creations под руководством Мэтт Макмаллен [4] своей главной целью ставит разработку убедительного искусственного интеллекта и роботизированной головы, которая может моргать, открывать и закрывать рот, и их усилия, направленные на попытку оживить куклу-робота, ограничиваются лишь так называемой «зловещей долиной» (uncanny valley), спецификой человеческого восприятия человекоподобных роботов. Чересчур похожий на человека объект начинает вызывать страх и отвращение, как к трупам или зомби, и при создании андроидов необходимо пройти по тонкой грани между их схожестью с человеком, которое нравится людям и вызывает у них доверие и симпатию, и чрезмерным подобием, способным перечеркнуть все усилия. Пока что роботы RealDoll, хотя и похожи внешне на человека, остаются именно живыми куклами, и разработчики очень внимательно следят, чтобы их восприятие оставалось позитивным. К тому же их проектируют не просто как сексуальные игрушки, они умеют вести диалог, имитировать эмоции, и все их навыки постоянно совершенствуются. Глава компании Макмаллен заявляет: «Я хочу, чтобы люди были эмоционально привязаны не только к кукле, но и к ее характеру. Чтобы они привязывались к этому существу» [4].

Для философов этот сюжет является темой дискуссий о том, сможет ли человек полюбить робота, и как изменится наша природа, если в нашей повседневной жизни появятся чувствующие и способные вызывать наши эмоции андроиды. Другая сторона этого вопроса: будут ли сами роботы способны что-то чувствовать, а если да, насколько этично сугубо инструментальное их использование?

Аргументы «за» и «против» сексуальных роботов

Книга доктора философии Дэвида Леви «Любовь и секс с роботами» [5], вышедшая в 2007 году, наделала много шума. Кроме того, что он заявил в ней, что к 2050 году уже будут повсеместно заключаться браки между человеком и роботом, и это будет считаться нормальным, он также считает, что в скором времени в каждой семье будут такие роботы для улучшения сексуальной жизни пары, не говоря уже о безусловной пользе секс-роботов для одиноких и асоциальных людей, инвалидов с физическими увечьями и больных психическими расстройствами, и легализация проституции с роботами также, по его мнению, необходимая мера, включая легализацию изготовления роботов в виде стариков или детей. Последние высказывания затрагивают целый пласт проблем этического и правового характера, которые сейчас становятся все острее. Использование кукол и секс-роботов в виде детей для выявления и лечения педофилии [6] может стать причиной утечки таких роботов на чёрный рынок и, в конечном итоге, распространения этого извращения.

Как симметричный ответ на активную рекламу секс-роботов и чрезмерно оптимистичные прогнозы прекрасного будущего с любящими и понимающими нас роботами в 2015 году в США развернулась «Кампания против сексуальных роботов» [7], авторы которой Кэтлин Ричардсон (специалист в области робоэтики) и Эрик Бриллинг, надеются, что их проект спровоцирует более широкое обсуждение секс-роботов и их потенциального воздействия на общество. В разработанном ими манифесте [8] они утверждают, что необходим целенаправленный этический ответ на развитие этих новых технологий. По их мнению, секс-роботы потенциально опасны и будут способствовать неравенству в обществе и дальнейшей сексуальной объективизации женщин и детей и новым видам проституции.

Также авторы небезосновательно полагают, что разработка секс-роботов еще больше снизит уровень человеческой эмпатии, которую можно развить только на основе опыта взаимных отношений, в рекламе же секс-роботов учитываются потребности и желания лишь покупателей сексуальных услуг и развитие этого вида услуг, по мнению авторов манифеста, будет способствовать дальнейшему укреплению властных отношений, характеризующихся неравенством и насилием.

Заключение

Трансформация телесности и сексуальности, происходящая на наших глазах в связи с внедрением роботов в такие сферы нашей жизни, которые затрагивают самую суть нашей человеческой природы, порождает множество вопросов. Смогут ли роботы-андроиды заменить любовь и близость с другими людьми, каковым окажется их место в ряду ценностей человека будущего, если общение с ними будет более комфортным? Когда эти умные машины станут не просто удобными и развлекающими, но и войдут в буквальном смысле в нашу плоть, станут нашими собеседниками, друзьями и любовниками, разделяющими наши чувства и интересы, каковы окажутся последствия этой небывалой в истории близости человека и машины? Как изменится наша идентичность, каковы будут нормы новой этики и морали? Появление в нашей жизни сексуальных роботов может самым радикальным образом изменить всю нашу жизнь, включая самые интимные её сферы, внося ещё одно измерение в многогранную проблему человеческой сексуальности.

Литература

1. *Ferguson A.* The Sexs Doll. A history. McFarland & Company, Inc., Publishers. Jefferson, Nord Carolina, and London. 2010. ISBN 978-0-7864-4794-7. URL: https://books.google.com/books/about/The_Sex_Doll.html?hl=ru&id=Zr90CFnRkigC (Дата обращения: 20.08.2019)
2. ROXXXXY, the World's First Life-Size Robot Girlfriend. Published January 11, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foxnews.com/tech/roxxxxy-the-worlds-first-life-size-robot-girlfriend> (Дата обращения: 20.09.2019)
3. FAQ (Frequently Asked Questions). Could you talk a little bit about how Roxxy is so special and amazing? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.truecompanion.com/shop/faq> (Дата обращения: 20.09.2019)
4. Sex Dolls That Talk Back. Zackary Canepari for The New York Times. June 11, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/12/technology/robotica-sex-robot-realdoll.html> (Дата обращения: 12.09.2019)
5. *Levy D.* Love and Sex with Robots. The Evolution of Human-Robot Relationships. Imprint: Harper Perennial. 2007. 352 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.harpercollins.com/9780061359804/love-and-sex-with-robots> (Дата обращения: 20.10.2019)
6. Anatomically correct doll. [Электронный ресурс]. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Anatomically_correct_doll (Дата обращения: 20.09.2019)
7. В США объявили кампанию против секс-роботов. Популярная механика. 17 сентября 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.popmech.ru/technologies/210081-v-ssha-obyavili-kampaniyu-protiv-seks-robotov/> (Дата обращения: 20.04.2019)
8. Campaign Against Sex Robots. [Электронный ресурс]. URL: <https://campaignagainstsexrobots.org/about/> (Дата обращения: 20.10.2019)

ПРИЖИЗНЕННОЕ НЕЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ДОНОРСТВО ОРГАНОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

Дмитрий Викторович Михель

Доктор философских наук, профессор

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Ассоциированный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Феномен прижизненного нецеленаправленного донорства существует и обсуждается специалистами уже около двадцати лет. Американские специалисты связывают его возникновение с распространением альтруистических настроений в обществе и указывают на его перспективность, предлагая поощрять данное явление в условиях сохраняющегося дефицита донорских органов. Шведские специалисты рекомендуют практиковать ограниченную финансовую компенсацию для доноров-альтруистов и придерживаться строгих этических критериев при отборе кандидатов. Иранский опыт свидетельствует, что компенсация расходов, понесенных донорами, которую берет на себя государство, способна уменьшить дефицит органов, но он сохраняется. Опыт Южной Азии показывает, что в бедных странах и при неготовности медицинских учреждений наладить эффективный отбор кандидатов практикование такого подхода может вести к распространению торговли органами. Потенциальная перспективность прижизненного нецеленаправленного донорства сопряжена с целым рядом серьезных проблем, преодоление которых требует ответственных этических, социальных и организационных решений.

Ключевые слова: прижизненное донорство, альтруизм, компенсация, зарубежный опыт

LIVING NON-DIRECTED ORGAN DONATION: PROSPECTS AND CHALLENGES

Dmitry V. Mikhel

DSc in Philosophy, Professor

Russian Presidential Academy of National Academy and Public Administration

Associate Researcher

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

The phenomenon of living non-directed organ donation has been discussed by specialists for about twenty years. American experts attribute its emergence to the spread of altruistic sentiment in society and point to its prospects suggesting that this phenomenon should be encouraged in the context of the continuing shortage of donor organs. Swedish experts recommend to practice limited financial compensation for altruistic donors and to adhere to strict ethical criteria in the selection of candidates. The Iranian experience shows that compensation for expenses incurred by donors which is assumed by the state may reduce the organ shortage, but it remains. The experience of South Asia shows that in poor countries, and when medical facilities are not ready to effectively select candidates, this approach can lead to the spread of organ trafficking. The potential for living non-directed organ donation presents many serious challenges that require responsible ethical, social and organizational solutions.

Keywords: living donation, altruism, compensation, foreign experience

Около двадцати лет назад внимание специалистов захватил феномен прижизненного донорства с участием лиц, не состоящих в генетической, правовой и эмоциональной связи с реципиентами. 31 мая 2001 г. в Бостоне, США, состоялась специальная конференция, организованная Национальным фондом почки при участии целого ряда влиятельных

медицинских организаций. Предметом ее обсуждения стал вопрос о том, как использовать этот новый донорский ресурс. Для его обозначения было предложено использовать специальный термин – non-directed donation («нецеленаправленное донорство»). Участники конференции особо подчеркнули тот факт, что этот тип донорства возник спонтанно, вследствие роста альтруистических настроений в американском обществе. Цель конференции состояла в том, чтобы сформулировать этические и практические рекомендации для медицинских работников и учреждений, которым приходится рассматривать вопрос о трансплантации почки от прижизненного нецеленаправленного донора (NDD).

По итогам работы участники конференции постановили, что, во-первых, медицинские учреждения более не должны отказывать такой категории доноров в предоставлении своих органов, поскольку это позволяет сокращать существующий дефицит органов, во-вторых, необходимо создавать специальные комиссии, которые будут оценивать кандидатов в доноры на предмет их социальной и психологической готовности к акту донорства, в-третьих, следует начать распространение литературы, в том числе учебной, по вопросам нецеленаправленного донорства. Особо рассматривался вопрос о возможности предоставления денежной компенсации для NDD. Было отмечено, что американский Закон о трансплантации органов 1984 года не позволяет совершать куплю-продажу органов, поэтому участники конференции пришли к выводу, что денежная компенсация должна быть не слишком значительной и лишь покрывать необходимые минимальные расходы донора на проезд и проживание к месту проведения операции. Было также решено просить частные корпорации и работодателей предоставлять оплачиваемый месячный отпуск работникам, жертвующим свои органы незнакомым людям. Тое есть был предложен подход, который прежде использовался и для поощрения доноров крови. Участники конференции также обратили внимание на возможность использования в качестве NDD военнослужащих и заключенных тюрем, но лишь на основе строго социально-психологического отбора кандидатов и не в обмен на сокращение срока заключения или условий содержания [1].

Конференция повлекла за собой рост внимания к феномену NDD и вызвала большую дискуссию, в ходе которой, например, обсуждался и вопрос о том, как воспринимать NDD – как душевнобольных, поскольку их поступки не укладываются в общую картину нравственного развития общества, или как святых, способных на беспримерную жертву ради блага незнакомому человеку? Большинство публикаций, которые появились в результате этой дискуссии, пришли к выводу, что «добрых самаритян» NDD необходимо использовать как ценный дополнительный источник донорских почек, но для отбора кандидатов следует разработать и использовать строгие критерии. Прежде всего, необходимо, чтобы инициатива о донорстве всегда исходила от самих членов общества, а не от медицинских учреждений. Кроме того, у таких потенциальных прижизненных доноров всегда должен быть шанс отказаться от операции, в том числе в самый последний момент – в самой операционной.

Еще одним последствием появления новой категории доноров стало стремление изменить общие подходы к донорству и саму терминологию. Департамент здравоохранения и социального обслуживания США совместно с United Network for Organ Sharing и Organ Procurement & Transplantation Network — организацией, оперирующей информацией по движению донорских органов на территории США, стали использовать в интересах своей деятельности только два термина – «прижизненное целенаправленное донорство органов» и «прижизненное нецеленаправленное донорство органов». Эта терминология отличается от той, что предлагается ВОЗ, но отражает в себе общую тенденцию к расширению перечня донорских ресурсов, в данном случае за счет использования готовности некоторых людей быть донорами для незнакомых им людей.

Несмотря на то, что ценность такого ресурса, как NDD, мало у кого из западных авторов вызывает сомнения, в некоторых публикациях можно наблюдать стремление двигаться дальше, не довольствуясь альтруистическими подходами к использованию прижизненных доноров. Группа исследователей из Швеции предложила перейти от альтруизма к прагматизму. Они обратили внимание на тот факт, что расширение пула ренальных доноров происходит параллельно с уменьшением связанных с этим медицинских рисков, вызванных прогрессом медицинского знания. Поэтому нет острой необходимости придерживаться прежней идеи о том, что наиболее надежными источниками донорских почек являются только прижизненные доноры, имеющие генетическую связь с реципиентом. Фактически, круг таких доноров может быть очень большим. Но как их привлечь для того, чтобы покрыть сохраняющийся дефицит

органов? По их мысли, помочь в этом должен будет переход к системе компенсационного донорства, которая будет приобретать почки у желающих стать донорами, предлагая им денежную компенсацию и гарантированную медицинскую помощь. В каждой стране или группе стран, где появится такая система, должно быть создано национальное агентство, занимающееся этими вопросами. Оно будет вести отбор кандидатов в прижизненные доноры, проводить с ними собеседования, осуществлять выплату компенсаций после операции. Всем кандидатам в доноры будет предоставляться трехмесячный срок для того, чтобы обдумать свое решение и при необходимости отказаться от него. В своей статье шведские авторы описали практику работы с такими донорами в рамках госпиталя Sahlgrenska University в Гётеборге. Кроме того, они обсудили «плюсы» и «минусы» от введения такой системы. К ее преимуществам было отнесено четыре момента: (1) уменьшается черный рынок торговли органами; (2) уменьшается неравенство: (а) для тех, кто утратил родственного донора или друга, (б) для тех, кто не может соревноваться с другими в поиске органов; (3) уменьшается зависимость от диализа: (а) сохраняются деньги, (б) улучшается качество жизни; (4) достигаются медицинские преимущества (почки от прижизненных доноров приживаются лучше, чем от посмертных). Исследователи также обсудили вопрос о возможных этических и социальных рисках, связанных с внедрением этой системы. По их мнению, при должной организации дела система сможет пройти этическую проверку и ответить на четыре основных вызова, связанных с практикой прижизненного донорства – принуждение, эксплуатацию, коммодификацию тела, посягательство на достоинство [2].

Шведские авторы также заявили, что альтруизм является недостаточно хорошей этической доктриной не только применительно к современной ситуации с дефицитом органов, но и применительно ко всей организации здравоохранения. Современная медицина не является альтруистичной, поскольку все медицинские работники получают зарплату за свою работу. Почему же доноры должны жертвовать свои органы совершенно бесплатно? При этом врачи и медперсонал, которые получают зарплату, все же продолжают оставаться альтруистами, видя свое призвание в том, чтобы помогать людям. Почему доноров, которые будут получать некоторое вознаграждение за свой донорский акт, перестать считать альтруистами, если тоже хотят помогать другим людям? Иначе говоря, необходимо переоценить существующее понимание самого альтруизма, но при этом быть прагматичными. Шведские авторы также обратили внимание на состояние общественного мнения в Нидерландах. В этой стране многие люди – от 0,5 до 5% – готовы бескорыстно пожертвовать свою почку незнакомому человеку. Если хотя бы 0,5% действительно сделает это, то количество полученных донорских почек позволит навсегда справиться с дефицитом донорских органов такого типа.

Сравнивая между собой два новых подхода – американский подход к использованию нецеленаправленных доноров и шведскую инициативу по созданию системы компенсационного донорства, несложно увидеть, что оба они решительно настроены на более активное использование прижизненных доноров, выступающих незнакомыми людьми для реципиентов. По-видимому, за этим стоит многообещающая перспектива. Но обнаруживаются и проблемы. Так, широко обсуждаемый теперь иранский опыт, где государство взяло на себя ответственность за покупку у населения донорских почек, показывает, что даже при таком подходе дефицит донорских почек все равно сохраняется. Кроме того, заслуживает особого внимания вопрос о том, как будет организована деятельность комиссий, осуществляющих отбор кандидатов для прижизненного неродственного донорства. Все авторы, пишущие на эти темы, как и эксперты ВОЗ в «Руководящих принципах», полагают, что комиссии будут беспристрастны, внимательны к истинным мотивам доноров и сумеют предотвратить все возможные случаи незаконной торговли органами. Иначе говоря, очень многое будет зависеть от конкретных людей и их способности противостоять коррупции. Возможно, во многих местах это действительно получится. Тем не менее ни в коем случае нельзя забывать и о том факте, что в некоторых странах похожие механизмы оказались неэффективны. В частности, в Южной Азии практика привлечения кандидатов из числа местных жителей в качестве доноров-альтруистов на оплачиваемой основе совершенно не оправдала себя. Никаких эффективно действующих проверочных комиссий там не было, поскольку местные больницы, пользуясь слабостями законодательства и общей социально-экономической ситуацией, попросту стали скупать почки у населения и организовали глобальный трансплантационный бизнес, превративший этот регион в печально известный «мировой базар органов».

Литература

1. Adams P.L., Cohen D.J., Danovitch G.M. et al. The nondirected live-kidney donor: ethical considerations and practice guidelines // Transplantation. 2002. Vol.74 (4). P.582-590.
2. Omar F., Tufveson G., Welin S. Compensated living kidney donation: a plea for pragmatism // Health care analysis. 2010. Vol.18 (1). P.85-101.

«ПИРРОВА ПОБЕДА»? СИНДРОМ ПОСЛЕДСТВИЙ ИНТЕНСИВНОЙ ТЕРАПИИ (PICS) В КОНТЕКСТЕ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ РЕАНИМАТОЛОГИИ

Алина Павловна Патракова

Аспирант сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики

Институт философии РАН

Секретарь кафедры философии и гуманитарных экспертиз

Свято-Филаретовский православно-христианский институт,

E-mail: alina.patrakova@sfi.ru

Ценность человеческой жизни и императив ее спасения любыми средствами на первый взгляд, являются бесспорным приоритетом в реанимационных практиках, в т.ч. агрессивных врачебных вмешательствах (анальгоседация, полипрагмазия, иммобилизация), осложнения которых могут рассматриваться как второстепенные в критической ситуации. Однако выживание на фоне последующего долгосрочного снижения качества жизни оказывается тактической победой на фоне стратегического поражения. Речь идет о совокупности физиологических и социально-психологических последствий пребывания в условиях отделений реанимации и интенсивной терапии, ограничивающих повседневную жизнь пациента в течение долгого времени после его выписки. Это явление получило название синдрома последствий интенсивной терапии или ПИТ-синдрома (PICS – Post Intensive Care Syndrome). В статье предпринята попытка обозначить контуры более обширного проблемного поля, которое можно назвать «технологическими играми с необратимостью».

Ключевые слова: медицина критических состояний, отделение реанимации и интенсивной терапии (ОРИТ), синдром последствий интенсивной терапии, агрессивные жизнесберегающие стратегии, выжившие после интенсивной терапии, хронические критические пациенты

A PYRRHIC VICTORY? POST-INTENSIVE CARE SYNDROME (PICS) FROM A PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Alina P. Patrakova

PhD Student, Sector of Humanitarian Expertise and Bioethics

Institute of Philosophy, RAS

Secretary of the Department of Philosophy and Humanitarian Expertise

Saint Philaret's Christian Orthodox Institute

The value of human life and the imperative of saving it by any means are supposed to be an indisputable priority in critical care practices including some aggressive medical interventions (sedation, polypragmasia, immobilization) with their complications being viewed as secondary in life-or-death situations. However, survival against the background of the subsequent long-term decline in the quality of life turns out to be “winning a battle but losing a war”. The paper is focused on a set of physiological and socio-psychological consequences ICU survivors are challenged with in their daily life for a long time after discharge. This phenomenon has been termed as the Post-Intensive Care Syndrome (PICS). An attempt is made to analyze this phenomenon from a broader philosophical prospective as a result of “technological games with irreversibility” in ICU settings.

Keywords: critical care medicine, intensive care unit (ICU), post-intensive care syndrome (PICS), aggressive life-saving strategies, ICU survivors, chronic critical patients

В качестве главного и, по сути, единственного критерия успешного лечения критического пациента в отделении реанимации и интенсивной терапии традиционно считается сохранение его жизни [1, с. 37].

Активное развитие реанимационных технологий способствует существенному сокращению показателей смертности в отделениях реанимации и интенсивной терапии. Вместе с тем, достаточно высокие показатели выживаемости в течение 28 дней после выписки из отделения реанимации при сопоставлении с уровнем смертности в течение первого года [2, 1461], можно охарактеризовать как тактические победы при стратегическом поражении.

В частности, в ряде исследований, в ходе которых велось продолжительное наблюдение за пациентами, выжившими в ОРИТ, было установлено, что существующие реанимационные практики (анальгоседация, иммобилизация и др.) в долгосрочной перспективе могут приводить к серьезному ухудшению качества жизни пациентов.

Речь идет о совокупности физиологических и социально-психологических последствий пребывания в условиях отделений реанимации и интенсивной терапии, ограничивающих повседневную жизнь пациента в течение долгого времени после его выписки. Это явление стали называть синдромом «После Интенсивной Терапии» или «ПИТ-синдромом» (PICS – Post Intensive Care Syndrome) [1, с. 37].

Данный термин, введенный в 2010 г. Обществом медицины критических состояний (SCCM – Society of Critical Care Medicine) [4, с. 185], следует отличать от уже устоявшегося понятия постреанимационной болезни (ПРБ). Первое подробное описание ПРБ было представлено академиком В.А. Неговским в 1972 г. Под постреанимационной болезнью понимается состояние организма после перенесенной остановки кровообращения и последующего восстановления функции органов и систем. Данная нозологическая форма выражается в синдроме полиорганной недостаточности (поражение ЦНС, сердечно-сосудистой и дыхательной систем, почек, печени; эндокринные, гематологические, метаболические нарушения). На состояние пациента могут негативно влиять осложнения, возникающие в процессе сердечно-легочной реанимации (аспирационный синдром, травма скелета грудной клетки) и во время собственно постреанимационного периода [5, с. 8].

Что касается, ПИТ-синдрома, продолжительность проявлений которого может достигать восьми лет, его структура включает в себя целый ряд осложнений не только физиологического характера. Наряду с вегетативными дисфункциями (нарушение циркадных ритмов и гравитационного градиента), полимионейропатией критических состояний, снижением дыхательного объема и жизненной емкости легких, в качестве характерных признаков синдрома рассматриваются когнитивные расстройства (нарушение памяти, внимания, исполнительных функций), психиатрическая симптоматика (посттравматический стресс, тревожность, депрессия) [1, с. 39].

Причем, проблемы, ассоциированные с этим синдромом, могут отрицательно сказываться и на членах семьи выжившего критического пациента. Для описания острых и хронических психологических проблем, с которыми сталкиваются родственники больного, используется производный термин «ПИТ-синдром в семье» (PICSF / PICS-Family) [6, 7]. Эти симптомы могут проявляться как во время пребывания пациента в ОРИТ, так и после его выписки из отделения. Было отмечено, что до 30% родственников или других лиц, ухаживающих за пациентом, испытывают стресс, тревожность и депрессию [8, с. 90].

Факторы риска ПИТ-синдрома требуют комплексного изучения. К настоящему времени основными причинами долгосрочных негативных последствий интенсивной терапии считаются глубокая ранняя седация, длительная искусственная вентиляция легких, иммобилизация и фиксация, делирий, вызванный различными ятрогенными факторами (шум и освещение в ОРИТ, приводящие к нарушениям циркадного ритма, инвазивные процедуры, побочные эффекты фармакотерапии) [9]. При этом, в качестве наиболее серьезного фактора риска рассматривается практика затяжного постельного режима (bed-rest), который неизбежно ведет к появлению иммобилизационного синдрома, вследствие чего пациент гораздо дольше нуждается в посторонней помощи и пребывании в палате интенсивной терапии [1, с. 42].

В качестве основных направлений сведения к минимуму этих осложнений предлагается оптимизировать протоколы седации и миорелаксации. Наиболее эффективной стратегией считается ранняя мобилизация критического пациента (его вертикализация) [1, с. 38].

В настоящее время изучением ПИТ-синдрома занимается сравнительно малочисленный круг специалистов, ставящих перед собой практические задачи помочь «хроническим критическим пациентам» и их родственникам, а также привлечь внимание медиков и здравоохранительных институций к существованию этой проблемы. Есть основания надеяться на то, что в обозримом будущем долгосрочная постреанимационная реабилитация станет объектом более обширных клинических испытаний и научных поисков [1, с. 42]. В зарубежных публикациях противодействие ПИТ-синдрому рассматривается как новая приоритетная задача для медицины критических состояний в XXI в. [10, с. 241]. На данный момент своего развития интенсивная терапия способна решать конкретные задачи, однако пока не может целостно восстановить критического пациента [11, с. 118].

На первый взгляд обозначенная проблема может показаться тривиальной, поскольку побочные эффекты можно обнаружить у любого искусственного терапевтического вмешательства, весь вопрос – в приемлемом соотношении риска и пользы. В этом смысле ятрогенные осложнения и риски больничного пространства – не новость.

Вместе с тем, ПИТ-синдром можно сравнить с верхушкой айсберга, подводная часть которого существенно превосходит масштабы видимых проявлений и включает в себя не только медицину. Возможно, этот айсберг имеет смысл назвать «технологическими играми с необратимостью», в результате которых преобразуется сама природа человека.

В силу того, что данное проблемное поле только начинает обретать свои контуры, сложившаяся к настоящему времени реаниматологическая парадигма еще не была всесторонне осмыслена в философском ключе.

В отношении ПИТ-синдрома возникает вопрос об онтологических свойствах реанимационного пространства, пребывание в котором само по себе оказывается травматичным.

Современные реанимационные палаты могут представлять интерес в качестве объектов междисциплинарного анализа. В философском плане ОРИТ является специфическим пространством, одним из свойств которого является пограничность. Здесь особым образом очерчиваются границы между живым и неживым, естественным и искусственным, наблюдаемым и ненаблюдаемым, обратимым и необратимым, приватным и публичным и т.д. Причем от конфигурации этих умозрительных границ напрямую зависят рутинные медицинские практики и врачебные решения, а значит, и состояние и жизнь пациентов.

Кроме того, высокотехнологичное реанимационное оборудование как неотъемлемый элемент таких палат, формирует гибридное клиническое пространство, в котором осуществляется тесное взаимодействие человека и машины. С одной стороны, диагностические и терапевтические технологии превращаются из вспомогательных инструментов в полноправных акторов лечебного процесса. С другой стороны, сам человек, попавший в реанимационное пространство, оказывается объектом технического воздействия. Этот вопрос требует особой этической рефлексии, поскольку пациент, находящийся в критическом состоянии, особенно уязвим, тем более, если речь идет о технологически опосредованных манипуляциях. Впрочем, в не менее уязвимом положении оказываются и сами медработники в ОРИТ, поскольку риск врачебных ошибок и тяжесть их последствий в реанимации существенно выше.

В современной медицине критических состояний присутствует представление о смерти как технической неудаче. «Вера в обратимость смерти, укорененная в общем американском опыте современной медицины, начинает вытеснять смерть из области моральных вопросов. Смерть – технический вопрос, неудача технологии в спасении тела от угрозы его функционированию и целостности» [12, с. 43-44].

Тем самым, ситуации выбора между жизнью и смертью в реанимационном пространстве осложняются технологическим измерением. Ценность человеческой жизни и приоритет ее спасения, на первый взгляд, являются бесспорными ориентирами реанимационных практик (анальгоседация, полипрагмазия, иммобилизация), осложнения которых (миорелаксация, делирий и пр.) могут рассматриваться как второстепенные в критической ситуации. Однако выживание на фоне последующего долгосрочного снижения качества жизни (потеря

трудоспособности, когнитивный дефицит, депрессия, вегетативное состояние) оказывается своего рода «пирровой победой».

Литература

1. Белкин А.А., Алашеев А.М., Давыдова Н.С., Левит А.Л., Халин А.В. Обоснование реанимационной реабилитации в профилактике и лечении синдрома «после интенсивной терапии» (ПИТ-синдром) // Вестник восстановительной медицины. 2014. №1. С. 37–43.
2. Yende S., Austin S., Rhodes A. et al. Long-term quality of life among survivors of severe sepsis: analyses of two international trials // Critical Care Medicine. 2016. Is. 44. P. 1461–1467.
3. Needham D.M., Davidson J., Cohen H., Hopkins R.O., Weinert C., Wunsch H., et al. Improving long-term outcomes after discharge from intensive care unit: Report from a stakeholders' conference. In: Critical Care Medicine. 2012. Is. 40. P. 502–509.
4. Davidson J.E., Harvey M.A. Patient and Family Post-Intensive Care Syndrome // AACN Advanced Critical Care. Vol. 27. №2. P. 184–186.
5. Неговский В.А., Гурвич А.М., Золотокрылина Е.С. Постреанимационная болезнь. 2-е изд., перераб. М.: Медицина, 1987. 480 с.
6. Davidson J.E., Jones C., Bienvenu O.J. Family response to critical illness: postintensive care syndrome-family // Critical Care Medicine. 2012. Is. 40. P. 618–624.
7. Schmidt M., Azoulay E. Having a loved one in the ICU: the forgotten family // Current Opinion in Critical Care. 2012. Is. 18. P. 540–547.
8. Rawal G., Yadav S., Kumar R. Post-intensive care syndrome: An overview // Journal of Translational Internal Medicine. 2017. Vol. 5. Is. 2. P. 90–92.
9. Wang S., Hammes J., Khan S., et al. Improving Recovery and Outcomes Every Day after the ICU (IMPROVE): Study protocol for a randomized controlled trial // Trials. 2018. Vol. 19(1). P. 1–10.
10. Inoue S., Hatakeyama J., et al. Post-intensive care syndrome: its pathophysiology, prevention, and future directions // Acute Medicine & Surgery. 2019. Is. 6. P. 233–246.
11. Григорьев Е.В., Михайлова А.А., Шукевич Д.Л., Плотников Г.П., Радивилко А.С., Матвеева В.Г. Восстановление критических пациентов – системный подход // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. 2019. №8(2). С. 116–124.
12. Cassel E. J. Dying in a technological society // P. Steinfels and R. Veatch (eds.). Death Inside Out. Pp. 43–38. New York: Harper and Row, 1975. P. 43–48.

БИОСОЦИАЛЬНОСТЬ, ГЕНЕТИЗАЦИЯ И БИОИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФЕНОМЕНЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕХНОНАУКИ: КАЗУС «ОРФАННЫХ» ПАЦИЕНТОВ*

Ольга Владимировна Попова

*Доктор философских наук, руководитель сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики,
ведущий научный сотрудник
Институт философии РАН
E-mail: J-9101980@yandex.ru*

Концепт «биосоциальности» приобрел особую популярность в последнее десятилетие. Он связан с появлением новых форм коллективных идентичностей (биоидентичностей) и стратификации общества на основании биологических (генетических) показателей. С понятием биосоциальности тесно связаны представления о биологическом и генетическом гражданстве (гражданстве в биологических категориях), отражающие общий тренд вторжения процесса генетизации в область социальной жизни в эпоху интенсивного формирования экономики знаний и активного развития современной технoнауки. В статье рассмотрены ключевые задачи исследования таких феноменов, как «биосоциальность», «генетизация», «биоидентичность» в общем дискурсе современной технoнауки и применительно к российской действительности в связи с необходимостью разработки стратегии поддержки пациентов с орфанными заболеваниями.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00880.

Ключевые слова: биосоциальность, генетизация, биоидентичность, орфанные заболевания, коллективная идентичность

BIOSOCIALITY, GENETIZATION AND BIOIDENTITY AS PHENOMENA OF MODERN TECHNOLOGY SCIENCE

Olga V. Popova

DSc in Philosophy, Head of the Sector for Humanitarian Expertise and Bioethics,

Leading Research Fellow

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: J-9101980@yandex.ru

The concept of “biosociality” has gained particular popularity in the last decade. It is associated with the emergence of new forms of collective identities (bio-identities) and stratification of society based on biological (genetic) indicators. Closely related to the concept of biosociality is the concept of biological and genetic citizenship (citizenship in biological categories), which reflects the general trend of the invasion of the genetization process in the field of social life in the era of intensive formation of knowledge economy and the active development of modern technology science. The article discusses the key objectives of the study of such phenomena as “biosociality”, “genetization”, “bioidentity” in the general discourse of modern technology science and in relation to Russian reality in connection with the need to develop a strategy to support patients with orphan diseases.

Keywords: biosociality, genetization, bioidentity, orphan diseases, collective identity

Концепт «биосоциальности» приобрел особую популярность в последнее десятилетие. Он связан с появлением новых форм коллективных идентичностей (биоидентичностей) и стратификации общества на основании биологических (генетических) показателей [2].

Стремительное формирование тенденций биосоциализации современного общества, обусловленное доступностью технологий генетической диагностики и развитием служб генетического консультирования населения, оказалось сопряжено с появлением ряда эτικο-философских проблем, касающихся особенностей коммуникации между врачами и пациентами, пациентами и обществом, самоопределением человека и самоорганизацией носителей того или иного заболевания.

Экспликация данных проблем с перспективой последующего решения, на наш взгляд, должна быть связана с изучением социогуманитарных последствий появления феномена биосоциальности и развития новых форм биоидентичности, а также картированием существующих и восполнением недостающих философско-этических подходов, способствующих прогнозу развития концепций биоидентичности. В современной российской науке фундаментальных комплексных исследований подобного рода, к сожалению нет, существует определенный дефицит научных работ, направленных на философско-этическое осмысление феноменов биосоциальности и биоидентичности. (Хорошим исключением в контексте этой тенденции является посвященный феномену биосоциальности № 6, 2019 г. журнала «Человек»).

Развитие генетизации все чаще рассматривается в связи с феноменом стратификации [1]. Знание о собственных генетических особенностях разделило людей на группы. Так, современная индивидуализированная (персонализированная) медицина имеет дело с теми группами пациентов, для которых существует лечение и в меньшей - с теми пациентами, которым науке и медицине на данном этапе их развития предложить пока нечего. В последнем случае генетизация приобретает вполне очевидные евгенические коннотации, оказывая влияние на процесс принятия решения о рождении/нерождении ребенка и, в целом, проектированию желанного/нежеланного образа человечества. Так, неблагоприятный прогноз относительно здоровья плода подразумевает определенную ментальную категоризацию по нозологии, по способу ведения родов, по выбору дальнейшей медикаментозной и психологической поддержки матери и ребенка, но и может также способствовать развитию практики элиминации плода. Феномен генетизации, таким образом, отражает не просто информирование о диагнозе

и рисках, но и порождает определенные стратегии толкования, их интерпретации, имеющие отношение к праву на жизнь-смерть. Они формируют траектории развития человека, его судьбу, и оказывают психологическое давление на процесс принятия решения. В горизонте человеческих ожиданий, а впоследствии и на практике проводится категоризация пациентов и их близких не только по медицинским, но и, в конечном итоге, по этическим критериям. В Российской Федерации существует огромная потребность в изучении заявленной темы в связи с закреплением в 2011 г. в российском правовом поле понятия орфанных заболеваний и его проблематизации в научном дискурсе. Исследование самоорганизации российских пациентов с орфанными заболеваниями, объединение их в группы для оказания социальной и психологической помощи и формирование биоидентичностей по генетическим признакам представляет собой пример биологической стратификации в российском социуме. Теоретическое осмысление данного явления необходимо для формирования представлений о социальных мерах поддержки таких пациентов.

За время формирования политики в области орфанных заболеваний было создано множество пациентских организаций и благотворительных фондов, осуществляющих поддержку пациентов с отдельными нозологиями.

Среди них - Межрегиональная благотворительная организация инвалидов «Союз пациентов и пациентских организаций по редким заболеваниям», «Союз семей пациентов с гликогеновой болезнью», «Российская ассоциация порфирии», «ассоциация содействия больным синдромом Ретта», Союз пациентов с болезнью Гоше и др. Данные сообщества, как правило, являют собой пример успешной самоорганизации пациентов-носителей орфанных заболеваний, их родных и близких. Также в России стали появляться общественные структуры, имеющие более универсальный характер, охватывающие пациентов со всеми орфанными нозологиями, например, Союз пациентов и пациентских организаций по редким заболеваниям и Всероссийское общество орфанных болезней. Последняя из упомянутых организаций создавалась с целью наиболее полного информирования пациентов с орфанными заболеваниями относительно их диагнозов, предоставление им полной картины заболевания.

Эта задача соответствует распространенной во всем мире практике создания информационных порталов, аккумулирующих информацию по редким заболеваниям. Например, одним из наиболее известных порталов такого рода в Европе является многоязычный портал Орфанет, охватывающий практически все европейские страны. Также огромную популярность приобрела платформа Eurordis [3].

Кроме того, благотворительные организации могут осуществлять и другие проекты поддержки пациентов с орфанными заболеваниями - выпускать журналы, информационные материалы, брошюры, давать консультации по телефону. Организации российских пациентов, выдвигая четкие требования по охране здоровья граждан зачастую добиваются значительных результатов в получении государственной и общественной поддержки в дорогостоящем лечении орфанных заболеваний, психологической помощи и обретении социальных перспектив.

Кроме чисто информационных задач благотворительные организации выполняют функцию привлечения внимания общественности к проблеме редких заболеваний. С этой целью организовываются фестивали (стоит упомянуть фестиваль-конкурс «Редкий фестиваль»), транслируется «Редкое телевидение» и издается «Редкий журнал». В названиях подобных проектов, осуществляемых при поддержке Союз пациентов и пациентских организаций по редким заболеваниям неявно скрывается сконструированная лингвистическими средствами самоидентификация орфанных пациентов: тяжелые нозологии стараются отчасти компенсировать с помощью языка, подчеркивая уникальность пациента, «редкость» его биологической идентичности.

Сложившиеся в России различные формы «орфанной» биосоциальности между тем так и не стали предметом специального этико-социального и философско-методологического анализа. Формирование базы знаний об орфанных (редких) заболеваниях и особенностях самоорганизации пациентов, страдающих орфанными заболеваниями, позволит осуществить конвергенцию общественных усилий и сформировать необходимые меры их поддержки.

На наш взгляд, особенно актуальными для анализа проблематики биосоциальности и биоидентичности в контексте современного развития технауки являются следующие проблемы:

- оценка влияния гибридной технауки на формирование дискурсов биоидентичности;

- определение связанных социогуманитарных проблем генетизации, биосоциальности и биоидентичности;
- исследование различных форм статической и «текущей» биоидентичности в качестве проблемы биоэтики;
- определение этических и философских перспектив развития концепций «текущей» биоидентичности;
- осуществление картирования социогуманитарных проблем биоидентичности как фактора биосоциальности;
- анализ магистральных установок и структуры взаимоотношений в сложноорганизованном биоэтическом комплексе оценок и критериев биосоциальности и биоидентичности, в частности, связанных с алармизмом, утопизмом, задачами социогуманитарного сопровождения развития биотехнологий в контексте философского обоснования.

Литература

1. Lippman A. Led (astray) by Genetic Maps: the Cartography of the Human Genome and Health Care // Social Science and Medicine. 1992. №35 (12). P. 1469–1476.
2. Rabinow P. Artificiality and Enlightenment: From Sociobiology to Biosociality // Essays in the Anthropology of Reason. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. P. 91–111.
3. Eurordis. The Voice of Rare Disease Patients in Europe. URL: <https://www.eurordis.org>
4. The portal for rare diseases and orphan drugs. URL: www.orpha.net
5. Союз пациентов и пациентских организаций по редким заболеваниям. URL: <https://spiporiz.ru>

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ БИОТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЦИФРОВИЗАЦИИ И ДАТИФИКАЦИИ МЕДИЦИНЫ

Павел Дмитриевич Тищенко

Доктор философских наук, главный научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

Предполагается обсуждение антропологических и биотических вызовов (преимуществ и рисков), которые возникают в связи с развитием проектов электронного здравоохранения. Концептуальные рамки обсуждения определены принципами этики ответственности Г. Йонаса и философско-антропологическими идеями Б.Г. Юдина о человеке, постоянно изменяющим собственные границы в зонах фазовых переходов между дочеловеческим и человеческим существованием в начале жизни, человеческим и постчеловеческим существованием в конце жизни, человеком и животными, человеком и машиной. В презентации будет сфокусировано внимание на событиях, происходящих в зоне фазовых переходов на границе человек – машина в электронном здравоохранении.

Ключевые слова: цифровизация медицины, датификация медицины, Ганс Йонас, Борис Юдин, концептуальные основания, зоны фазовых переходов, человек - машина

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF MEDICINE DIGITALIZATION AND DATIFICATION BIOTHICAL ANALYSIS

Pavel D. Tishchenko

DSc in Philosophy, Chief Researcher

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: pavel.tishchenko@yandex.ru

eHealth projects bring to the table multiple bioethical and anthropological

challenges (benefits and risks). The conceptual framework for the evaluation of these challenges is defined by H. Jonas' principles of ethics of responsibility and philosophical and anthropological ideas of the Russian philosopher B.G. Yudin on the permanently changing nature of human beings. From this perspective, changers are determined by biotechnological progress in four phase transition zones: at the begging of life between prehuman and human existence, between human and posthuman existence at the end of life, between human beings and animals, and between human beings and machines. Human nature is constantly changing its borders in the phase transition zones. The article will be focused on the events taking place in the phase transition zone at the human-machine border in eHealth.

Keywords: digitalization of medicine, datification of medicine, Hans Jonas, Boris Yudin, conceptual foundations, phase transition zones

Развитие электронного здравоохранения является мощной современной мировой и отечественной тенденцией [2]. К настоящему времени в биоэтике сформировалось самостоятельное проблемное поле междисциплинарных исследований процессов цифровизации и датификации медицины - представления состояний человека в оцифрованной форме и, или форме агрегаций данных, включающее технологии их сбора, накопления, анализа, использования. Естественно, что результат обсуждения возникающих биоэтических проблем непосредственно зависит от концептуальных предпосылок, на которых строят свои рассуждения авторы. Концептуальные рамки нашего исследования определены основными положениями идеи ответственности Ганса Йонаса и пониманием человека как существа, постоянно себя преобразующего, в философии Б.Г. Юдина.

Полвека назад Г. Йонас сформулировал четыре узловых момента изменения традиционной этики, без которых невозможен содержательный ответ на вызовы научно-технического прогресса. Во-первых, невозможно считать технику, и стоящую за её спиной науку, этически нейтральной. Биоэтика наглядно демонстрирует, что биотехнологические инновации практически каждодневно порождают сложнейшие моральные и антропологические проблемы, нуждающиеся в комплексной социогуманитарной диагностике, оценке и купировании. Во-вторых, нельзя морально значимые действия (поступки) сводить к взаимодействиям между людьми. Необходимо расширить идею морального сообщества и ответственности за рамки антропоцентризма. Йонас при этом имел в виду экологические проблемы и Природу в качестве предмета заботы и ответственного поведения. В современном мире в качестве моральных субъектов (или, точнее – акторов) всё чаще начинают выступать животные (идея прав животных) и, как это ни парадоксально, - машины, что будет нами специально обсуждено. В-третьих, традиционная этика так или иначе предполагает сущность человека в качестве некоторой «константы». Прогресс биомедицинских технологий проблематизирует границы человеческой сущности и существования. В-четвёртых, этика, начиная с эпохи Аристотеля, редуцировала сферу ответственного поступка его непосредственными рамками осуществления или ближайшими последствиями. Экологические проблемы, как подчёркивал Йонас, востребовали учёта отдалённых последствий. Сегодня медицина, опираясь в том числе на информационно-коммуникационные технологии и технологии больших данных, превращает в предмет своего воздействия будущее, проектирует его (персонализированная медицина), вынуждая, тем самым, биоэтику занять проактивную позицию, начать разработку своеобразных морально-антропологических форсайт проектов. Эти четыре положения определяют содержание принципа ответственности по Г. Йонасу - «Действуй так, чтобы результат твоего действия обеспечивал непрерывность человеческой жизни» [1. С. 58].

Философия человека Б.Г. Юдина может быть рассмотрена как конкретизация идей Г. Йонаса в центральном пункте – идее жизни человека. Б.Г. Юдин предложил концепцию человека-становящегося, выделив четыре зоны антропологических фазовых переходов: между жизнью и смертью, пред-человеческим и человеческим существованием, человеком и животным, человеком и машиной, в которых идея человека постоянно переформируется как результат конвергенции биотехнологических инноваций и инноваций ИК и БД технологий [3]. Третьей концептуальной предпосылкой выступает понимание биомедицины как технотехники, в который Б.Г. Юдин выделил два контура - внутренний, представляющий систему отношений, так или иначе ориентированных на объект исследования и преобразования,

и внешний, включающий сеть социальных взаимодействий, обеспечивающих работу внутреннего контура [4]. Применительно к проблемам электронного здравоохранения можно сказать, что в его внутреннем контуре происходит работа по цифровизации и датификации медицинских предметно ориентированных практик оказания помощи пациентам, а во внешнем – нормативное этико-правовое переформатирование форм взаимодействия врачей и пациентов как социальных субъектов. Поэтому, биоэтика не просто описывает происходящие в зонах фазовых переходов события трансформации представлений человека о самом себе, но и активно участвует в создании этико-правовых условий инновационных преобразований в качестве актора внешнего контура биомедицины (в данном случае – цифрового здравоохранения) как технауки. В выступлении идеи Г. Йонаса и Б.Г. Юдина будут фокусированы на событиях, разворачивающихся в четвёртой зоне антропологической нестабильности - на границе человек-машина. Планируется обсудить несколько существенных проблемных узлов внешнего контура электронного здравоохранения – границы применимости традиционных категорий автономии личности, информированного согласия и конфиденциальности в контексте использования технологий больших данных, а так же, изменений в структуре отношений врачей – пациентов в связи с появлением третьего класса акторов – машин с ИИ (роботов). Природа активности (субъектности) машин является интригующей проблемой, далёкой от разрешения, но уже сейчас предполагающей разработки машинной этики.

Анализируя биоэтические вызовы (преимущества и риски), которые несут с собой технологии больших данных (датификации), с самого начала следует обратить внимание на проблему, требующую дополнительного многоаспектного философского обсуждения. Нами она будет затронута лишь некоторые её аспекты. Если в традиционной медицине речь шла о процедурах обмена научной информацией между врачами и пациентами, что делало последних способными совершать рациональный выбор медицинского вмешательства для решения проблем собственного здоровья, то в электронном здравоохранении ситуация радикально изменяется - дисциплинарные границы в сборе и использовании больших данных оказываются размытыми. Практически любое данное может иметь и медицинскую, и экономическую, и политическую ценность. «[О]бычные «лайки» в фейсбуке могут с изумляющей точностью предсказать сексуальную ориентацию индивида, его этническую принадлежность, религиозные и политические взгляды, черты личности, уровень интеллекта и счастья, пристрастие к наркотикам, факт развода родителей, возраст и пол» [5. Р.2]. Тем самым, проблематизируется монополярная претензия врача на истину, которая ранее выступала основой патерналистских отношений врач – пациент. Проблематизируется, но не исчезает, а как нами будет показано, – серьёзно переформируется, предъявляя новые требования к качеству взаимодействий субъектов электронного здравоохранения. В определённом смысле, учитывая зависимость и врачей, и пациентов от технологий больших данных, можно предполагать формирование «машинного патернализма», с которым обычными биотическими технологиями обеспечения автономии, справиться будет невозможно. Поэтому, для того, чтобы эффективно использовать ресурсы больших данных как своеобразной общественной собственности, не нарушая прав основных стейкхолдеров (к ним придётся причислить и машины с искусственным интеллектом), необходима разработка новых этико-правовых стандартов их цивилизованного взаимодействия. В этом одна из новых задач биоэтики.

Литература

1. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для техногенной цивилизации / Пер. с немецкого И.И. Маханькова. М., 2004. 480 с.
2. Электронное здравоохранение. Резолюция 58-ой сессии Всемирной ассамблеи. URL: http://bitstream/handle/10665/20601/WHA58_28-ru.pdf;jsessionid=E494A991E0466C7EC5F706A64FC5188B?sequence=1 (дата обращения: 27.06.2019)
3. Юдин Б.Г. Человек как объект технологических воздействий // Человек: выход за Ответы Бориса Григорьевича Юдина // Человек. 2018. № 5. С. 5-17.
4. Юдин Б.Г. Технонаука и «улучшение» человека // Эпистемология и философия науки. 2016. Т. XLVIII. №2. С. 18 – 27.

НЕЙРОЭТИКА И НЕЙРОВЛАСТЬ*

Сергей Юрьевич Шевченко

Кандидат философских наук, научный сотрудник

Институт философии РАН

E-mail: simurg87@list.ru

Нейроэтика с момента своего возникновения рассматривается как сочетание двух разнонаправленных исследовательских программ: нейроисследований оснований этики и этики нейронаук. Претензии нейроэтики на дисциплинарное единство могут быть подкреплены тем, что эти программы дополняют друг друга в прагматическом смысле. Поле возникающих благодаря этому практических задач и проектов предложено условно разделить на нейроисследования морального выбора и самоконтроля, и этику нейрохакинга (как практики нейротехнологической «заботы о себе»). Сферы и способы применения результатов этих проектов схожи с тематикой раннего и позднего творчества Мишеля Фуко соответственно. Проекты первого типа позволяют тотализовать практики контроля, характерные для проявлений власти в рамках «дисциплинарных» институтов. Вторые легитимируют и открывают дорогу для тотализации ответственности субъекта за собственное когнитивное и эмоциональное состояние. Если объектом управления биовласти является «жизнь сама по себе», то являющаяся ее формирующимся аналогом нейровласть стремится к управлению нейронной основой моральных и когнитивных реакций.

Ключевые слова: нейроэтика, нейрохакинг, Мишель Фуко, нейровласть, научная дисциплина? прагматизм

NEUROETHICS AND NEUROPOWER

Sergei Yu. Shevchenko

CSc in Philosophy, Research Fellow

Institute of Philosophy, RAS

E-mail: simurg87@list.ru

Neuroethics has been regarded as a combination of two multidirectional research programs: neuroscientific research of ethical choices and ethics of neuroscience. The claims of neuroethics to disciplinary unity can be reinforced by the fact that these programs complement each other in a pragmatic sense. We propose to divide the field of implementation of neuroethical projects into neuroscience research of moral choice and the ethics of neurohacking (as the practice of neurotechnological “self-care”). Spheres and methods of applying the results of these projects are similar to the themes of Michel Foucault's early and late works respectively. The projects of the first type make it possible to totalize control practices that are characteristic of manifestations of power within the framework of “disciplinary” institutions. The latter legitimize and pave the way for the totalization of the subject's responsibility for his/her own cognitive and emotional state. If the object of biopower control is “life itself”, then neuropower which is its emerging analogue seeks to control the neural basis of moral and cognitive reactions.

Keywords: neuroethics, neurohacking, Michel Foucault, neuro power, scientific discipline, pragmatism

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00917.

В 2002 году на конференции «Нейроэтика: картирование поля исследований» были обозначены два ключевых направления развития этой формирующейся дисциплины. Первое предполагало экспериментальное изучение процесса морального выбора методами нейронаук, поиск наблюдаемых нейронных процессов, которые могли быть признаны коррелятами этических концептов (определённых добродетелей, эмпатии и т.д.). Второе направление было противоположным – оно заключалось в этической оценке результатов и процедур нейроисследований, их влияние на понимание человеком самого себя [1].

В 2018 году Кембриджский ежеквартальный журнал этики здравоохранения посвятил специальный номер обсуждению дисциплинарного пути, который прошла нейроэтика за 16 лет, прошедшие с заложившей её основания конференции. В редакционной статье отмечалось, что хотя с методологической точки зрения, два обозначенных в 2002 году направления развития противоположны, происходит их конвергенция внутри решения конкретных проблемных ситуаций. Нейроэтика признается и способом их понимания, и способом их преодоления через постановку новых исследовательских вопросов. Развивающаяся сегодня гибридная дисциплина считается основным путем социально-значимого исследования (*inquiry*), в том смысле, который придавал этому термину философ-прагматист Джон Дьюи. Нейронауки генерируют новые данные о способах осуществления моральных актов, в свою очередь это знание и способы его получения требуют этической оценки. Исследование смыкается (но не замыкается) в петлю движения от гипотезы к данным, затем к знанию, затем к новому (мета)уровню понимания этических проблем [2].

Существует и более открытое выражение «дисциплинарной скромности» нейроэтики, движимое традициями философского прагматизма. Нейроэтика не может претендовать на новые способы получения знания – они развиваются внутри уже состоявшихся нейронаук. Не обладает она и специфическим предметом изучения – моральный выбор находился в центре внимания теоретических, а затем и эмпирических исследователей задолго до возникновения нейроэтики. Специфика нейроэтики как научной и практической деятельности, связана с её направленностью на разрешение ряда проблемных ситуаций, связанных с конкретными неврологическими и психиатрическими состояниями. Эти состояния не обязательно могут быть охарактеризованы как патологические, и не обязательно должны быть связаны с антиобщественным поведением – главное, что ситуация, на которую направлено внимание нейроэтики предполагает постановку и разрешение моральных проблем [3].

Прагматическое понимание нейроэтики, артикулированное инсайдерами этой формирующейся дисциплины, позволяет поставить новые проблемы относительно её развития. Вполне в духе Кембриджской школы интеллектуальной истории фокус может быть смещен с вопроса «О чем и как говорят представители нейроэтики, когда пишут статьи или читают лекции?» на «Чем занимаются представители нейроэтики, когда действуют как профессионалы определённого рода?» [4]. Какие культурные и политические контексты позволяют идентифицировать определенную ситуацию как проблемную? И что развиваемые нейроэтические проекты значат в этом контексте?

Беглый взгляд по социальным ролям представителей нейроэтики дает следующую картину: эксперты по нейроэтике выступают в суде, оценивая моральную состоятельность отдельного участника процесса, совместно с нейрочеловеками они говорят от имени человека с «запертым сознанием» о его страданиях и нуждах, они выдвигают программы допустимого воздействия на нейронные процессы со стороны индивида, а также и со стороны государства.

Весь этот спектр практических задач, и соответствующий ему ряд проектных инициатив, можно разделить, исходя из типа проблемной ситуации, на осмысление и разрешение которой направлены усилия эксперта-нейроэтика. Ориентируясь скорее на остенсивную простоту, а не на концептуальную глубину, мы предлагаем ввести различие на нейроисследования (морального) контроля над своими действиями и этику нейрохакинга. В качестве примера практик первого типа можно привести сравнительное исследование МРТ головного мозга подозреваемых в терроризме, содержащихся на военной базе Гуантанамо. Его целью было установление возможных отклонений от нормы в картинах нейровизуализации, которые могли бы служить объяснением (и, возможно, предиктором) деструктивного поведения [5]. Примером этики нейрохакинга может служить концепция ответственного когнитивного улучшения (*responsible cognitive enhancement*). При этом нейрохакинг в данном случае понимается максимально широко: как индуцированные индивидом попытки биотехнологического расширения возможностей собственной нервной системы. Специфика ответственного

когнитивного улучшения в основном ограничивается формированием индивидуального профиля эффективности и безопасности воздействия на нервную систему [6].

Это практическое различие может быть наложено на базовую для рассматриваемой дисциплины дихотомию: нейроисследования морали или этика нейроисследований. Однако прагматического полного смыкания обоих направлений в петлю из этого наложения не получается. Если исследование в Гуантанамо получило впоследствии этическую оценку, то рефлексия о влиянии даже индивидуализированных практик улучшения на социальное самочувствие субъекта провисает в эмпирическом вакууме. Нейронные корреляты морального оценивания выбора могут быть найдены, но поиск диапазона этических коррелятов нейроулучшения не может быть намечен. Эта задача не распознается, как предполагающая возникновение проблемной ситуации и нуждающаяся в исследовании – в соответствии с упомянутой выше терминологией Дьюи.

Происходит другого рода смыкание двух обозначенных в 2002 году проблемных полей нейроэтики, а также конвергенция социальных ролей эксперта-нейроэтика. Область применения нейроисследований морального контроля совпадает со сферами, на примере которых Мишель Фуко рассматривал различного рода дисциплинарные практики. Тюрьма, клиническая медицина, психиатрия – локусы социальности, в которых эта практическая ориентация нейроэтики обретает все более весомый экспертный статус. В этих локусах отношения власти, подкрепленного определённого рода знанием, обретают осязаемую форму. Исследования в Гуантанамо недалеко от анатомо-политики, когда объектом применения власти выступает отдельный человек, чье тело становится и мысли становятся прозрачным для наблюдения. Паноптикум – тюрьма, в которой узник постоянно чувствует себя находящимся под наблюдением – обретает новые формы. Если ее изначальный вариант, разработанный Джереми Бентамом и рассмотренный Фуко в книге «Надзирать и наказывать», предполагал тотализацию наблюдения за жизнью узника, явленной в его поведении, то МРТ – пусть и не постоянно – делает видимой неподконтрольную сознанию активность мозга. При этом сами нейроисследования не просто усиливают аппарат дисциплинарных практик, предоставляя им новый, более технологичный, инструментарий. В некотором смысле программа нейроэтики следует методологическому ходу самого Фуко, «выходя изнутри вовне» этих практик сразу в трех смыслах: институциональном, функциональном, и в смысле объекта изучения или воздействия [7, с. 174-175]. Нейроэтика институционально не сливается ни с тюрьмой, ни с клиникой, ни с психиатрической лечебницей. Она не воспроизводит их функции, не ограничивается простым их усилением. И, наконец, нейроэтика сохраняет открытой дискуссию по поводу реальности объекта или концепта, вокруг которого возникает проблемная ситуация. Значительная часть нейроэтических дискуссий посвящена степени реальности или «сконструированности» психиатрических диагнозов, например, аддикций. Фукольдьянский характер нейроэтики, с одной стороны, оставляет актуальной возможность использовать проблемное поле нейроисследований морали для деконструкции этой машинерии. С другой стороны, методологическое усвоение фукольдьянской программы сферой исследований морального контроля делает их менее уязвимыми для прямой критики их использования в рамках машинерии контроля и управления. Каналы использования власти, которые открываются в рамках такого использования, можно по аналогии с проявляющейся в медицине биовластью назвать нейровластью. Этот термин уже не раз появлялся в текстах, близких к критической школе исследователей нейротехнологий [8]. Если объектом управления биовласти является «жизнь сама по себе», то являющаяся ее формирующимся аналогом нейровласть стремится к управлению нейронной основой моральных и когнитивных реакций.

Если нейроисследования морального контроля тематически схожи с ранними работами Фуко, то этика нейрохакинга может быть рассмотрена в ракурсе его поздних работ. Критика биополитики как способа управлять, не воздействуя напрямую, развернута им в курсах лекций «Рождение биополитики» и «Безопасность, территория, население». При этом власть осуществляется уже не над отдельным индивидом, а над жизнью человека как вида. Исследования моральных реакций способны фундировать некоторые аспекты экономической рациональности, как относящиеся к «естественному порядку» нейронных реакций. Например, попытка такого нейроэтического обоснования предпринята в отношении концепции благоразумия, выдвинутой Адамом Смитом [9]. Упомянутая выше теория ответственного нейрохакинга очевидным образом указывает на фукольдьянскую идею конструирования ответственного субъекта. Если в классических вариациях этой идеи субъект сталкивался

с необходимостью самому контролировать собственное здоровье и благополучие, то теперь в эту же сферу частной политической ответственности полностью входит его когнитивная и эмоциональная функциональность. Рассматривая эти, наиболее общие процессы передачи субъектам ответственности за «частную жизнь», Фуко формулирует идею правительности, выступающей для государственного управления тем же, «чем для психиатрии были техники сегрегации, для уголовной системы – дисциплинарные техники, а для медицинских институтов — биополитика» [7, с. 178].

Таким образом, философское внимание к практическим задачам нейроэтики может быть обусловлено не только эпистемологическими подходами к их постановке, но и той ролью, которую их реализация играет в, следуя языку Фуко, макро- и микрофизике власти.

Литература

1. Marcus S.J. Neuroethics: Mapping the Field. New York: The Dana Press, 2002.
2. Fins J., Illes J. Pragmatic Convergence and the Epistemology of an Adolescent Neuroethics // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2018. Vol. 27(4). P. 554-557.
3. Racine E., Sample M. Two Problematic Foundations of Neuroethics and Pragmatist Reconstructions // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2018. Vol. 27(4). P. 566-577.
4. Скиннер К. Свобода и историк // Свобода до либерализма / пер. с англ. А. В. Магуна. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 86-99.
5. Howell A. Victims or madmen? The diagnostic competition over “terrorist” detainees at Guantánamo Bay // International Political Sociology. 2007. Vol. 1. P. 29–47.
6. Colzato L.S. Responsible Cognitive Enhancement: Neuroethical Considerations // Journal of Cognitive Enhancement. 2018. Vol. 2. Iss. 4. P. 331–334
7. Фуко М. Безопасность, территория, население / Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сулова, А. В. Шестакова. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
8. Sardamov I. From "Bio-Power" to "Neuropolitics": Stepping beyond Foucault // Techné: Research in Philosophy and Technology. 2012. Vol. 16. P. 123-137.
9. Viganò E. Adam Smith's Theory of Prudence Updated with Neuroscientific and Behavioral Evidence // Neuroethics. 2017. Vol. 10. Iss. 2. P. 215-233.

ЭТИКА И НОРМАТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

ЭКСПЕРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ*

Татьяна Юрьевна Барташевич

*Кандидат философских наук, доцент кафедры этики Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: t.bartashevich@spbu.ru*

Елена Анатольевна Овчинникова

*Кандидат философских наук, доцент кафедры этики Института философии
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: e.a.ovchinnikova@spbu.ru*

Статья посвящена рассмотрению проблем этической экспертизы в пространстве современной науки. Особое внимание уделяется анализу предметного поля этической экспертизы, в рамках которого может быть представлен широкий спектр проблем: наука как общественный институт в современном обществе, общественное назначение науки и ответ на ожидания общества, ценность знания и его применения, проблема науки и общественного блага, вопрос об этических пределах научного знания, наука в современном медийном пространстве и др. Авторы приходят к выводу, что присутствие этики в науке возможно, прежде всего, как определенное экспертное знание, позволяющее сформулировать и представить обществу проблематику современной науки в языке морали и тем самым выйти к универсальным смыслам, ценностям и императивам. Таким образом, можно поставить вопрос о новом этапе осмысления предметного поля этики науки.

Ключевые слова: этическая экспертиза, этика науки, общественная мораль

POTENTIAL OF ETHICAL EXPERTISE IN MODERN SCIENCE**

Tatiana Y. Bartashevich

*CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Ethics
Saint Petersburg State University
E-mail: t.bartashevich@spbu.ru*

Elena A. Ovchinnikova

*CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Ethics
Saint Petersburg State University
E-mail: e.a.ovchinnikova@spbu.ru*

The article is devoted to the problems of ethical expertise in the space of modern science. Special attention is paid to the analysis of the subject field of ethical expertise, within which a wide range of problems can be presented: science as a public institution in modern society, the social purpose of science and the answer to the expectations of society, the value of knowledge and its application, the problem of science and the public good, the question of the ethical limits of scientific knowledge, science

* Доклад подготовлен при поддержке РФФИ, проект 18-011-00673: «Методология этической экспертизы в сфере культуры».

** Acknowledgment: This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 18-011-00673 "Methodology of ethical expertise in the field of culture".

in the modern media space, etc. The authors come to the conclusion that the presence of ethics in science is possible, first of all, as a certain expert knowledge that allows formulating and presenting to society the problems of modern science in the language of morality and thereby reaching universal meanings, values and imperatives. Thus, we can raise the question of a new stage of understanding the subject field of ethics of science.

Keywords: ethical expertise, public morality, ethics of science

В последние десятилетия научные исследования все более и более становятся предметом общественного внимания и острых дискуссий, прежде всего, в медиапространстве. Это, возможно, продиктовано рядом обстоятельств, среди них – переход на цифровые технологии, исследования искусственного интеллекта и проблем робототехники, новые возможности биомедицинских технологий и ряд других. Одним из немаловажных факторов особого интереса общества к научным открытиям является «медиатизация» (термин, используемый в современной журналистике) науки, т.е. усиление роли массмедиа в репрезентации научного знания, научных исследований и достижений. Активное включение науки в медийное пространство, с одной стороны, позволяет обществу инициировать дискуссии и высказывать оценку научных исследований с точки зрения общественного блага и отдаленных последствий внедрения научных исследований, с другой стороны – создает в общественном сознании, прежде всего на обыденном уровне, весьма благоприятную почву для распространения сомнительных научных «мнений», лженауки и квазинауки, превращая подчас научные дискуссии в занимательные ток-шоу.

Современное научное сообщество, осознавая возможные негативные последствия для самой науки распространения ложных знаний и необоснованных мнений, стремится выстроить внутреннюю регулятивную систему, опираясь на нормативную систему научной этики (в качестве примера можно привести Нормы научной этики, принятые Сенатом Общества Макса Планка в 2000 г.), формируя институциональную основу саморегуляции. Так в 1998 г. По инициативе нобелевского лауреата Виталия Гинзбурга была создана Комиссия по борьбе со лженаукой и фальсификацией научных исследований — научно-координационная организация при Президиуме Российской академии наук, которая просуществовала до 2018 года. Своей задачей комиссия ставила пропаганду научных знаний и противодействие дискредитации науки и лженаучной деятельности. В 2018 году комиссия разделилась на Комиссию по борьбе со лженаукой и Комиссию по противодействию фальсификации научных исследований. Эти факты свидетельствуют о внимании научного сообщества к статусу науки в современном обществе. В связи с этим возникает, на наш взгляд, ряд проблем этического характера.

Это, прежде всего, вопрос о том, как возможна этическая экспертиза современной науки, осуществляется ли она самим научным сообществом на внутреннем регулятивном уровне или это происходит в пространстве общественной морали, и речь идет об оценке науки со стороны общества.

Этическая экспертиза в современном обществе предстает своеобразным моральным инструментом, при помощи которого общество стремится осуществлять моральную регуляцию. Для нравственных практик и морального сознания, как индивидуального, так и общественного субъекта, возможны два вектора регуляции – внешняя и внутренняя. Последняя рассматривается как саморегуляция морального субъекта, в том числе профессионального, корпоративного, в данном случае – научного сообщества. В связи с этим этическая экспертиза может быть представлена как механизм моральной саморегуляции, экспертами в таком случае выступают представители научного сообщества.

Другая сторона проблемы – это этическая экспертиза в пространстве общественной морали, в рамках которой экспертом выступает общественный субъект, претендующий на право высказываться от имени общества и в его интересах. В связи с этим возникает вопрос об участии этики как науки, как особого знания и эксперта – носителя этого знания в процессе вынесения экспертного этического суждения. Вопрос об эксперте этической экспертизы является дискуссионным и обсуждается в том числе и этическим сообществом [см. 1; 2]: «достаточно ли самого по себе знания для этической экспертизы» или для эксперта в вопросах этики наиболее важно быть рациональным, образованным и ответственным? [1, с. 120].

В стремлении преодолеть субъективизм этической экспертизы необходимо проанализировать не только вопрос о том, кто может выступать экспертом и чью точку зрения он представляет, но и выстроить методологические основания экспертной оценки. При вынесении экспертного суждения, нам представляется значимым два этапа – первый – это обнаружение собственно предмета оценки, т.е. того морального содержания/ морального факта (используя выражение Э. Дюркгейма [3]), который подлежит оценке, и далее – процедура вынесения морального суждения.

Прежде всего, хотелось бы остановиться на первой составляющей проблемы – предмете этической экспертизы современной науки. При таком многообразии объектов экспертного суждения вопрос о собственно предмете экспертизы представляется нам весьма актуальным, поскольку речь идет о современной науке. Являются ли сами по себе научные исследования предметом этического рассмотрения или речь идет о возможных последствиях научных разработок и открытий, об интересах общества в целом и отдельного индивида.

Определение предмета этической экспертизы предполагает строгое вычленение и описание явлений морального порядка, анализ феноменов, входящих в структуру морали. В предметное поле этической экспертизы современные исследователи включают императивно-ценностное содержание оцениваемого феномена. Это общее определение предметного поля, которое, на наш взгляд, требует уточнения и более развернутого теоретического анализа. В качестве возможного методологического подхода к решению данной проблемы можно привлечь анализ структуры морального сознания, рассматривая его на разных уровнях: индивидуальном и общественном, обыденном и теоретическом, и в сочетании основных элементов: идеалов, ценностей, норм и принципов.

В связи с анализом этической экспертизы возникает проблема, на которую также следует обратить внимание – это проблема понятийного аппарата, в рамках которого фиксируется и анализируется предметное содержание этической экспертизы. Оценочные суждения формируются в процессе моральной рефлексии как на обыденном, так и на теоретическом уровне. На теоретическом уровне явления морали фиксируются со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей, что позволяет объединить с помощью рациональных процедур все многообразие исследуемых явлений в едином концептуальном поле. Здесь важно отметить, что на этом уровне понятия морального сознания с необходимостью должны отвечать требованиям определенности, всеобщего признания в границах теоретического знания, однозначности языкового выражения, постоянности, устойчивости. Теоретическое знание с помощью процедур формализации способно перевести релятивные, динамичные, неустойчивые обыденные понятия морали в относительно устойчивое состояние, что позволяет выявить и проанализировать предметное поле этической экспертизы и задать исходные данные для экспертного суждения.

В предметном поле этической экспертизы может быть представлен широкий спектр проблем: наука как общественный институт в современном обществе, общественное назначение науки и ответ на ожидания общества, ценность знания и его применения, проблема науки и общественного блага, вопрос об этических пределах научного знания, наука в современном медийном пространстве и др.

Таким образом, можно поставить вопрос о новом этапе осмысления предметного поля этики науки, которая до недавнего времени понималась как наука, изучающая «принципы, которыми руководствуются ученые в своей познавательной деятельности и поведении внутри научного сообществ, а также в его взаимодействии с обществом в целом». Это определение этики науки не следует оспаривать, его необходимо расширить, включив понимание этики науки как «самостоятельной области научного знания и общественной практики». «Пример этики науки, - пишет А.А. Гусейнов в статье «Этика науки», - показывает, что этико-прикладное знание, обобщающее нравственный опыт в конкретной общественной сфере, само становится частью этого опыта» [4, с. 114-115]. Присутствие этики в науке возможно, прежде всего, как определенное экспертное знание, позволяющее сформулировать и представить обществу проблематику современной науки в языке морали и тем самым выйти к универсальным смыслам, ценностям и императивам.

Литература

1. *Апресян Р.Г.* Этическая экспертиза: агент, предмет, процедура // *Вестник прикладной этики. Прикладная этика: экспертный потенциал.* Вып. 41. Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. С. 105-121.

2. *Гусейнов А.А.* Кто может быть экспертом в вопросах морали? // *Вестник прикладной этики. Прикладная этика: экспертный потенциал.* Вып. 41. Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. С. 122-135.

3. *Дюркгейм Э.* Определение моральных фактов / пер. с фр. А. Б. Гофмана // *Теоретическая социология. Антология.* Ч. 1 / под ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 11–31.

4. *Гусейнов А.А.* Этика науки // *Вестник прикладной этики.* Вып. 50. Тюмень: ТюмГНГУ, 2017. С. 103-116.

НАУКА - ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Ирина Федоровна Водяникова

*Кандидат философских наук, доцент Института философии и социально-политических наук
Южный федеральный университет
E-mail: vodjanikova@yandex.ru*

Статья посвящена противоречивым тенденциям научно-технического прогресса, результатом которых являются как крупнейшие достижения, так и неразрешимые пока, негативные последствия науки. А потому связка: «наука – благо» не поддается однозначной трактовке. Однако ответ на возникший цивилизационный кризис может быть найден только с помощью науки, посредством «эпистемологической модернизации».

Ключевые слова: наука и благо, фундаментальная и прикладная наука, социальные риски, системный подход, «эпистемологическая модернизация»

SCIENCE AS THE WAY OF OVERCOMING GLOBAL PROBLEMS

Irina F. Vodyanikova

*CSc in Philosophy, Associate Professor
Southern Federal University
E-mail: vodjanikova@yandex.ru*

The article is devoted to contradictory trends in scientific and technological progress, the results of which are both major achievements and so far unsolvable, negative consequences of science. The statement “science is good” does not lend itself to unambiguous interpretation. However, the answer to the civilization crisis that has arisen can only be found with the help of science, with the help of “epistemological modernization”.

Keywords: science and good, fundamental and applied science, social risks, systems approach, “epistemological modernization”

Наука - особая сложная специфическая форма познания мира, рафинированная, интеллектуализированная, еще более сложна современная наука XXI века. В своем бытии наука предстает как многогранное образование: как особый высший вид познавательной деятельности, как совокупность дисциплинарных знаний, как социальный институт. А потому дать однозначное определение науки очень сложно. Развиваясь, по меньшей мере, четыреста лет, наука прогрессировала, росла, превращаясь в грандиозное явление, определяющее все сферы общества. Этим обстоятельством объясняется особый интерес к науке, ее статусу, социальным функциям, взаимоотношениям науки с другими сферами. Благо ли наука? Трактовки в философских словарях определяют благо следующим образом: это то, что включает в себе положительный смысл; позитивный объект интереса или желания; в узком смысле, совпадает с понятием добра. Во второй половине XIX века понятие блага

непосредственно связывается с понятием ценности (Г.Риккерт и др.). Что касается связи: наука – благо, она не поддается однозначной трактовке.

Современная наука функционирует и развивается в особо острую напряженную историческую эпоху, эпоху глобальных кризисов, источник которых видят в науке, научно-техническом прогрессе. Такое положение науки в обществе сформировалось сравнительно недавно. Известный методолог науки А.Л.Никифоров, обращаясь к истории науки Нового времени, показывает, что долгое время наука развивалась как фундаментальная. А значит, практически не оказывала никакого влияния на социальные сферы. Деятельность Коперника, Галилея, Кеплера, Декарта, Ньютона побуждалась исключительно стремлением к истине. Прикладные исследования лишь в очень малой степени привлекали ученых, чаще всего решение прикладных задач было связано с совершенствованием научных приборов и инструментов – хронометра, компаса, телескопа, термометра и т.п. [1, с.58]. Положение меняется к середине XIX века. Принципиальное значение имеют здесь два момента: а) осознание и обществом, и научным сообществом экономической эффективности научных исследований и б) начавшаяся профессионализация научной деятельности. Во второй половине XIX века разворачивается крупномасштабное производство продуктов органической химии, удобрений, взрывчатых веществ, лекарств, электротехнических товаров. Теперь, деятельность ученого мотивируется не столько ценностями поиска истины, сколько ценностями получения технического эффекта. Экономическая эффективность научных результатов – это серьезный разворот науки в сторону прикладных исследований, начало нового этапа в истории науки, с этого момента крен науки в сторону получения экономического эффекта неуклонно растет. Никифоров А.Л. отмечает, что более 90% научных исследований институтов нашей Академии наук занято прикладными исследованиями. [1, с.61].

Одна из особенностей современного этапа развития науки и техники – это все более плотное погружение человека в мир, выстраиваемый для него наукой и техникой. При этом наука и техника окружают человека не только извне, но воздействуют изнутри, в определенном смысле, проектируют его самого, конструируют, делают его своим производением. Как следствие – проблема защиты самого человека, во имя которого осуществляется прогресс науки и техники, от последствий этого же самого прогресса, вторгшегося в жизненный мир человека. Сегодня соотношение науки и жизненного мира, оказывается не в пользу жизненного мира [2, с.570]. Если в классическом образе жизненного мира риск выступал в качестве аномалии, то сегодня риск оказывается повседневным, обычным явлением человеческой жизни и не только индивидуальной жизни. Современное общество предстает как общество риска, с перманентными социальными рисками. Социальные риски – это те, которым человек подвергается без собственных намерений, например, техногенные и социальные катастрофы, войны [3]. Кроме того, темпы изменений, происходящих в жизненном мире, ставят человека перед лицом неожиданных, часто экстремальных ситуаций. Техногенная цивилизация выстроила онаученный и технизированный мир, но обнаружила страхи перед этим миром, утрату жизненных смыслов. Другими словами, наука и жизненный мир оказываются полюсами, и наука, зачастую не решает, а усугубляет проблемы человеческого бытия. А потому представление о науке, как только о социальном благе, которое восходит к просветителям, отнюдь не бесспорно. Наоборот, увеличивающиеся негативные последствия развития науки порождают критику науки и попытки регулирования как научной деятельности, так и ее результатов.

Однако если и существует сила, способная отвечать на глобальные вызовы, то только наука. Так, ответом на кризисную ситуацию современной цивилизации явилась такая междисциплинарная область исследований, как оценка и прогнозирование социальных рисков, тех опасностей, которым подвергаются те или иные социальные группы в техногенном мире. Сегодня осознана необходимость диагностировать потенциал и риски новых технологий, оценивать социальные и экологические последствия их внедрения. За последнее десятилетие в Западной Европе сложилась целая сеть социальных институтов, прежде всего в Германии, Австрии, Швейцарии, которые объединились с целью улучшения взаимной коммуникации и обмена опытом при анализе именно социальных и экологических следствий новых технологий. При этом, подразумевается междисциплинарный подход при ведущей роли социально гуманитарных дисциплин. Социальная оценка техники с самого начала своего возникновения связана с системным анализом, как основной концепцией социальной оценки техники. Системный подход необходим для широкого охвата всех возможных последствий

с целью выработки системной стратегии их оценки и соответствующих действий и рекомендаций и предполагает учет широкого социального контекста: экономических, политических, социальных, социокультурных и т.п. общественных условий развития новых технологий.

Это, в свою очередь, вызвано потребностью выработать рекомендации для последующей деятельности, в этом заключается суть социальной оценки технологий и техники как нового прикладного направления философии науки и техники. Эта деятельность институализирована в виде различных организационных форм при парламентах или правительствах западноевропейских государств, с целью научной поддержки принимаемых государственных решений в области научно-технической политики. Социальный институт такого рода, к сожалению, «полностью отсутствует в современном российском обществе и государстве» [4, с.176].

Очевидно, что этот локальный пример взаимодействия науки и государства в области научно-технической политики только начало трудного и длительного пути выхода из кризиса, если такой и существует в глобальном масштабе. В любом случае, это сложная переходная программа изменения общества и окружающей среды, предполагающая как техническое перевооружение общества, так и множество социальных программ - образования и переустройства общества, его потребностей, менталитета и выработки некоторого нравственного императива. Стратегия человечества должна иметь две составляющие: технико-технологическое перевооружение и преобразование самого человека, т.е. утверждение в сознании людей новой нравственности [5, с.343]. И каждая из составляющих звучит как утопия, но лишь вместе дают возможность обеспечить состояние коэволюции природы и общества, человека и биосферы. Если и есть надежда, то она связывается с наукой и только с ней. Не случайно, исследователи вводят термин «эпистемологическая модернизация» для того, чтобы подчеркнуть все возрастающую роль науки в обществе [1].

Литература

1. *Никифоров А.Л.* Фундаментальная наука умирает? // Вопросы философии, 2008. №5.
2. *Касавин И.Т.* Наука и жизненный мир // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. С. 570
3. *Лебедев М.В.* Этика социального риска // Философия науки. Вып.11. Этос науки на рубеже веков. М.: ИФ РАН. 2005. С.168-181.
4. *Горохов В.Г., Дрекер М.* Оценка социальных рисков технологических инноваций // Вопросы философии. 2011. №10. С. 176-182.
5. *Моисеев Н.Н.* Расставание с простотой. М., 2001.
6. *Головкин Н.В.* Наука в глобализирующемся мире: профессиональная деятельность или общественное благо // Вестник НГУ, серия: Философия. 2011, Т.9. Вып. 4. С. 22-29.

НАРОД ИЛИ НАЦИЯ: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ И ДВЕ ПАРАДИГМЫ ЭТНОЛОГО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Елена Анатольевна Ерохина

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН

E-mail: leroh@mail.ru

В статье представлен один из эпизодов академического противостояния двух лагерей этнолого-антропологического знания, так наз. «примордиалистов» и этнологических конструктивистов, по поводу релевантности концепта российская нация в отношении современной практики нациестроительства в РФ. Объектом критики этнологических конструктивистов оказываются «примордиалисты», представители научного направления, в некотором роде «сконструированного» усилиями самих этнологических конструктивистов. Условность в определении «примордиализма» как научного направления проявляется в том, что в эту категорию попадают как теории, абсолютизирующие биологическую

составляющую этноса (теория Гумилева), так и теории, отрицающие его биологическую природу (теория Бромлея). «Конструктивисты» обвиняют «примордиалистов» в искусственной политизации этничности. Однако сами последователи этнологического конструктивизма игнорируют тот факт, что согражданство россиян сложилось вне идеологии национализма.

Ключевые слова: российская нация, российский народ, нациестроительство, согражданство

PEOPLE OR NATION: ETHNOSOCIAL MANAGEMENT AND TWO PARADIGMS OF ETHNOLOGICAL AND ANTHROPOLOGICAL KNOWLEDGE

Elena A. Erokhina

DSc in Philosophy, Leading Research Fellow

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

E-mail: leroh@mail.ru

The article presents one of the episodes of academic confrontation between the two camps of ethnological and anthropological knowledge: so-called “primordialists” and ethnological constructivists regarding the relevance of the concept of the Russian nation in relation to the modern practice of nation-building in the Russian Federation. The object of criticism of ethnological constructivists is “primordialists”, the representatives of a scientific field in some way “constructed” by the efforts of ethnological constructivists themselves. The convention in the definition of “primordialism” as a scientific direction is manifested in the fact that both theories that absolutize the biological component of an ethnos (Gumilyov's theory) and theories that deny its biological nature (Bromley's theory) fall into this category. “Constructivists” accuse “primordialists” of artificially politicizing ethnicity. However, the followers of ethnological constructivism themselves ignore the fact that the citizenship of Russians developed outside the ideology of nationalism.

Keywords: Russian nation, Russian people, nation-building, citizenship

Производство научного знания — процесс, развитие которого детерминировано как внутренними факторами, специфическими для науки как социального института, так и внешними по отношению к ней социокультурными феноменами, в том числе социальным управлением. В числе наиболее актуальных проблем социального регулирования на современном этапе нациестроительства в РФ наиболее остро стоит вопрос о принципах гражданского консенсуса, в том числе в сфере отношений между доминирующим большинством и народами, относимыми к этническим меньшинствам. Одним из значимых его аспектов остается проблема самоназвания согражданства россиян: российский народ или российская нация.

В настоящее время в академическом дискурсе существует две интерпретации концепта нация: первое из них восходит к идеологии Просвещения и связывает нацию с политическими структурами государства, осуществляющего процесс национального строительства без учета этнического многообразия. Примером реализации такой модели являются и унитарная Франция, и федеративные США. Вторая восходит к идеалам романтизма и связывает нацию с культурой. В рамках второй модели нациестроительство опирается на принцип национального самоопределения. На основе этнического самоопределения в XIX – XX вв. возникли Греция, Германия, Италия, Польша, Чехословакия, Венгрия. В современной Европе такими государствами являются как федеративные по своему устройству ФРГ, Австрия, Бельгия и Россия, так и унитарные Великобритания и Испания, допускающие определенную степень автономности регионов, имеющих этническую специфику. В Великобритании это, например, Уэльс, Шотландия и Сев. Ирландия, в Испании – Каталония, Наварра и Страна Басков.

Сложность в интерпретации термина нация заключена в его трактовке либо как этнического, либо как политического феномена. Представляется, что в определении нации нельзя все свести к одной из этих составляющих. В политических концепциях либерализма нация является результатом общественного договора. В этом смысле термин нация как сугубо академический, обозначающий согражданство, вполне уместен в научном дискурсе. Нация –

это договор, контракт, которым общество созидает один из своих институтов, государство. Нация как согражданство в обществе модерна является единственным источником легитимации политической власти. Однако нужно ли академический термин обязательно делать идеологическим? Существующие номинации «россияне» «народ России», «российский народ» как выражения этого контракта вполне корректны и адекватны содержанию Конституции РФ. Тем не менее, внедрение в публичный дискурс концепта российской нации стало серьезным испытанием для этносоциального менеджмента.

Понятие этносоциального менеджмента введено в научный оборот представителями новосибирской этносоциологической школы в работе «Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика». Появление столь необычного научного термина отражает изменение социальных реалий, которые нуждаются в осмыслении учеными и практиками. Одна из этих реалий — сверхцентрализация власти в 2000-е гг., в результате которой полномочия были делегированы на верхние этажи власти, тогда как ответственность оказалась возложена на низовые структуры [1, с. 71].

Под этнолого-антропологическим знанием понимается междисциплинарный академический дискурс в гуманитарных науках: этнографии/антропологии, культурологи, этносоциологии, этнопсихологии. Свойством указанного дискурса является его востребованность в общественно-политических дебатах по поводу ключевых вопросов нациестроительства. Так, 31 октября 2016 г. в г. Астрахань, где проходило заседание Совета по межнациональным отношениям, посвященного вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г., один из участников, Вячеслав Михайлов, обратился к Президенту РФ В.В. Путину со следующими словами: «в Стратегии была записана, и в Вашей статье (*речь идет о предвыборной статье В.В. Путина «Россия – национальный вопрос»* – примечание автора) о ней говорилось, что многонациональный народ Российской Федерации – это российская нация. Я предлагаю такой вариант закона – о российской нации и управлении межэтническими отношениями. То есть это стратегическая линия, которая акцентирует внимание закона: о российской нации. У нас есть уже основания и достаточно правовых моментов раскрыть это понятие и перейти в конечном счёте к более, кажется, точному наименованию межэтническими отношениями» [2]. Президент эту идею поддержал: «Но что точно совершенно можно и нужно реализовать, прямо над этим нужно подумать и в практическом плане начать работать, — это закон о российской нации» [3].

Предложение В. Михайлова вызвало дискуссию по поводу целесообразности инициативы. В информационном пространстве национальных республик стали раздаваться предостерегающие об угрозе этнического сепаратизма голоса: принятие такого закона поставит в конкурентную позицию общегражданскую идентичность с этнонациональной: татарской, якутской, чеченской и пр.

Негативная реакция на перспективу принятия такого закона проявилась и среди представителей доминирующего большинства. Действующий в тот момент глава комитета Государственной думы по культуре и кинорежиссер Станислав Говорухин в эфире канала «Россия 24» так прокомментировал эту инициативу: «Мы много веков были русским народом. И сейчас мы русский народ по факту. Мы были всю жизнь русским народом». Он также заметил, что в Советском Союзе граждане именовали себя советскими людьми. «Сейчас советской власти нет. Кто мы? Я не понимаю» [4]. Не остались в стороне и пользователи глобальной сети: «Надеюсь, закон не определит, что де все, кто имеет паспорта РФ, — русские? Ибо если да, то это бред... Если нет, то зачем нужен такой закон?» [5]. Исходным пунктом аргументации сторонников идеи российской нации является тезис о необходимости деонтологизации этничности. Они полагают, что этнические чувства, включая этническую идентичность и солидарность, являются результатом рационального выбора индивида. Этничность, по их мнению, представляет собой репертуарную роль, сознательно и заинтересованно рассчитанную индивидом и группой, конструируется в интересах достижения целей так называемых этнических предпринимателей. Именно они, а также этнические элиты ответственны в постсоветской дезинтеграции, их усилиями переписывается история. Наиболее последовательным сторонником этой точки зрения является Валерий Александрович Тишков, научный руководитель Института этнологии РАН.

Позиция Тишкова, автора концепции этнической процессуальности, и его сторонников имеет определенные основания в феноменах гибкости и многосоставности этнической идентичности. Однако стоит отметить, что ее пластичность не является безграничной,

так же как и репертуар этнических ролей, доступных для одного человека. Стоит ли многого ждать от «пересборки» идентификационной матрицы россиян «сверху»? Да и возможна ли она?

Появление данной инициативы находит объяснение в контексте поиска культурных оснований, которые могли бы послужить основой союза между российским обществом, испытывающим дефицит общих ценностей, и властью, которая в 2010-х гг. начала испытывать дефицит доверия. «Духовные скрепы» – выражение, широко распространенное в публичной риторике и ставшее объектом иронии для несистемной оппозиции, вошло в широкий оборот в начале 2010-х гг., когда была принята Стратегия государственной национальной политики. Его происхождение, так же, как и внедрение в политический дискурс концепта «глубинного народа», связано с деятельностью экспертной группы публичных интеллектуалов, близких Администрации Президента РФ [6]. Можно лишь предположить, что кому-то из представителей власти или близких к ней элитных кругов данная инициатива по формированию патриотических настроений методом внедрения национальной идеи «сверху» в условиях кризиса показалась своевременной и актуальной.

Идея законодательно-нормативного закрепления концепта российской нации отвечает интересам власти в том виде, в каком она способна их концептуализировать на основе принципов неолиберализма, менеджериализма и технократической модели управления. Близка она и той части академического сообщества, которая во власть инкорпорирована. Однако открытым остается вопрос о том, не станет ли она «троянским конем», который приведет к поляризации российского общества на этнических основаниях?

Литература

1. Попков Ю.В., Скалабан И.А., Тюгашев Е.А. и др. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.
2. Заседание Совета по межнациональным отношениям. 31 октября 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/53173> (accessed: 24.06.2019)
3. Там же.
4. Говорухин назвал «отвратительным» слово «россиянин». РБК, 17 ноября 2016 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/582d7b2a9a79474d2f34c7bb> (accessed: 24.06.2019)
5. Путин призвал разработать закон о российской нации. Всем ли понравится? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yaplakal.com/forum1/st/0/topic1481522.html> (accessed: 24.06.2019)
6. Путин: национальная идея в России – это патриотизм. 03.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20160203/1369184806.html> (accessed: 24.06.2019); Владислав Сурков: Долгое государство Путина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (accessed: 24.06.2019)

НОРМАТИВНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ КАК УСЛОВИЕ ИХ РАСПОЗНАВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ СИСТЕМАМИ

Анна Александровна Карташева

Кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

Уральский Федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

E-mail: anna.kartasheva@gmail.com

В статье описываются эмоциональные маркеры, позволяющие характеризовать и определять отдельную эмоцию. Утверждается, что нормативность является неотъемлемым свойством эмоциональных маркеров при их распознавании и моделировании в интеллектуальных системах. Согласно представлению о наличии базисных эмоций, основные эмоции человека связаны с генетически обусловленной программой движения лицевых мышц. В статье рассматриваются как сильные стороны теорий, базирующихся на данном представлении, так и их проблемные места.

Ключевые слова: распознавание эмоций, моделирование эмоций, эмоциональные маркеры, нормативность

NORMATIVITY OF EMOTIONAL MARKERS AS A CONDITION OF ITS RECOGNITION BY INTELLIGENT SYSTEMS

Anna A. Kartasheva

CSc in Philosophy, Associate Professor

Ural Federal University Named after B. N. Yeltsin

E-mail: anna.kartasheva@gmail.com

The article describes the emotional markers that allow characterizing and defining a particular emotion. It is argued that normativity is an integral property of emotional markers in their recognition and modeling in intelligent systems. According to the concept of the presence of basic emotions, the main emotions of a person are associated with a genetically determined program of the movement of facial muscles. The article examines both the strengths of theories based on this view and their problem areas.

Keywords: emotion recognition, emotion modeling, emotional markers, normativity

Интеллектуальные системы в широком смысле представляют собой не только алгоритмы, но и комбинированные человеко-машинные системы. Распознавать эмоциональные маркеры (характерные черты той или иной эмоции) может как распознающая лица камера в аэропорту, так и человек, следующий определенной процедуре досмотра. Эмоциональные маркеры позволяют сократить время на определение той или иной эмоции и на выявление степени её интенсивности.

Нормативность эмоциональных маркеров подразумевает, что разные люди испытывают одинаковые базисные или модельные эмоции. То есть существует некая нормативная модель, например, «эмоции смеха» или «эмоции гнева», с которой сверяется интеллектуальная система при попытке распознать конкретную эмоцию смеющегося или гневающегося человека.

Возможно ли распознавать эмоции, не устанавливая «норму» для каждой эмоции? Является ли нормативность обязательной и бессознательно используемой не только машиной, но и человеком?

Понятие нормативности выступает центром, вокруг которого формируется способ понимания и отношения к действительности. И. Д. Невважай пишет о философии как об учении о законодательной функции человеческого разума, о формировании нормативных систем. «Строительный элемент, на котором держится человеческий мир, – это правило» [1, С. 21]. Правовая философия как философия правил, отмечает И. Д. Невважай, может быть одной из возможностей развития неклассической философии, которая «исходит из различия факта и права и предлагает способ аргументации, который апеллирует не к наличным «фактам», а к праву» [1, С. 20]. Последний способ аргументации (он же способ легитимации знания «от сделанного») заключается в том, что сделанное и придуманное людьми получает правовой статус.

Вернемся к нашему вопросу – является ли нормативность обязательной и бессознательно используемой не только машиной, но и человеком. Если мы обратимся к материалу философии науки, то увидим, что представления о нормативности сильно меняются. Но они есть. При этом исторически меняющиеся способы продуцирования научного знания могут коррелировать с представлением о соответствующей нормативности. Во-первых, когда в классической науке ценность научной теории заключается в математическом доказательстве, то речь идет о нормативности консенсуса (голосование как согласие большинства). Во-вторых, когда в неклассической науке ценность научной теории, напротив, заключается в экспериментальном подтверждении, в ходе которого появляются факты, не требующие согласия большинства, то речь идет о нормативности факта (известное высказывание – законы природы открываются в лабораториях). В-третьих, когда речь идет о постнеклассической науке, когда ценность представляет структурированная информация (можно сказать, что постулируется отсутствие фундаментальных открытий), то речь идет о нормативности структуры. Именно в нормативности структуры data science выступает как метод, помогающий

управлять огромным количеством информации. Отметим, что данные – это совсем не факты из неклассической науки, но только записи о фактах или же их следы. Получается, что нормативность неизбежна. Люди обречены на поиск нормативности во всем, что их окружает.

Проблема описания того, как организована эмоциональная сфера, решается исследователями в русле нескольких основных подходов. Во-первых, выделение фундаментальных (базовых) эмоций, сочетания которых порождают разнообразие эмоциональных явлений. Во-вторых, это выделение нескольких измерений, по которым характеризуются эмоции (дименсиональный подход). В-третьих, это компонентный подход, согласно которому результат когнитивной оценки событий приводит к паттерну эмоциональных реакций. В-четвертых, это конструктивистский подход, согласно которому эмоции конституируются в зависимости от культурных или ценностных моделей.

Если говорить о распознавании эмоций по фото и видео, то многие интеллектуальные системы, реально занимающиеся распознаванием эмоциональных состояний, успешно работают в пределах четырех-семи базовых эмоций и всего одного канала (микроэкспрессии лица). Так, программное решение от компании Affectiva выстроено в русле дименсионального подхода, но все равно среди прочих инструментов выделяет базовые эмоции, так как это эффективно решает задачи из практики [2]. Например, программу испытывали в ходе судебных заседаний, в ходе которых отслеживание эмоций присяжных давало возможность обвинению и защите менять свою аргументацию, опираясь на эмоциональный отклик присяжных.

Является ли нормативность базовых эмоций и эмоциональных маркеров ограничивающим фактором или же эвристическим фактором, ускоряющим процедуру распознавания?

Процедуру распознавания можно рассмотреть, как процедуру логического вывода. Решение проблемы распознавания как логического вывода сводится к вычислению – но не арифметическому, а логическому. Предварительная (индуктивная) часть решения строится на основе эксперимента (и далее на системе закономерностей, полученных из данных). А основная часть распознавания основывается уже на дедуктивном логическом выводе [3].

Для успешного распознавания логическими методами необходимо выделить решающий (целевой) признак среди множества других признаков у объектов, которые подлежат распознаванию. Каждая координата такого решающего признака может принимать любое значение из множества, в котором существуют только 0 или 1 (булевы признаки). Действительно, эмоциональные маркеры могут располагаться по бинарной шкале. На практике логические методы всегда дополняют статистическими, учитывающими не только наличие/отсутствие тех или иных признаков, но и их количественные характеристики. В таком случае эмоциональные маркеры располагаются по многополосной шкале.

В случае с интеллектуальными системами, распознающими эмоции в тексте, в качестве эмоциональных маркеров чаще всего используются слова, обладающие эмоциональной составляющей. Такие «эмоциональные слова» (affective words) могут располагаться как в одномерном эмотивном пространстве (и ранжироваться по очень простому принципу - «есть эмоция» и «нет эмоции»), так и в многомерных пространствах (например, такие проекты как WordNet-Affect и SenticNet).

Основания нормативности эмоциональных маркеров можно рассмотреть с опорой на Х. Патнэма, который говорит, что у слова есть основное значение или «существенная лингвистическая информация», которая словно «пришпилена» к предмету реальности, а смыслы могут меняться. «„Значение“ некоторого слова является функцией правил, управляющих его употреблением» [4, С. 412.]. Причем эти лингвистические правила носят бессознательный и обязательный характер – человек их не осознает, но и отказаться от них не может. Похожие идеи относительно значения выдвигали С. Крипке, К. Доннелан, и Д. Каплан. Патнэм объясняет референцию через каузальный механизм, поэтому о теории Патнэма-Крипке говорят как о каузальной теории референции. Патнэм полагает, что референция терминов естественных видов устанавливается благодаря, во-первых, социальному фактору (так называемая «социолингвистическая гипотеза») и, во-вторых, природному фактору («сами естественные виды играют определенную роль в установлении экстенсionales терминов, которые на них указывают») [6, Р. 74]. Отметим, что И. Д. Невважай предлагает

семиотическую концепцию нормы, которая выступает связующим звеном между правовым характером философии и её семиотичностью [7].

Термины естественных видов – слова, которые именуют физические величины, природные вещества, представителей флоры и фауны – Патнэм определяет как «концепты, образуемые пучком законов» (law-cluster concepts) [5]. Таким образом, существуют «парадигмальные» или «стереотипные» образцы естественных видов. А референция определяет «параметризацию» мира и «параметризацию» языка. Эмоциональные маркеры – как раз такие термины, при этом их нормативность – это нормативность структуры.

Позднее Х. Патнэм постулирует семантический экстернализм в отношении терминов естественного языка в целом: «...понятие разума, например, не является предметом специальной науки, но предполагается всей наукой в целом (...) необходимо определить понятие „разум“, и при выборе доказательств используется такой параметр как „элегантность“. Это не научное понятие, но научная деятельность предполагает способность им владеть» [8]. Можно сказать, что элегантность представления о «базовых эмоциях» приводит к распространенности этого термина.

Нормативность эмоциональных маркеров обуславливает существование базисных эмоций. Но вполне возможно, что данный подход ограничивает системы распознавания эмоций в развитии, так как заставляет их все время сверяться с эталоном. Делом будущего является исследование того, является ли нормативность эмоций ограничением или же эвристическим инструментом.

Литература

1. Невважай И.Д. Манифест правовой философии // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. №3. С. 6-26. DOI: 10.5840/dspl20181327.
2. McDuff D., Mahmoud A., Mavadati M., Amr M., Turcot J., and Kaliouby R. A Cross-Platform Real-Time Multi-Face Expression Recognition Toolkit // Proceedings of the 2016 CHI Conference Extended Abstracts on Human Factors in Computing Systems (CHI EA '16). New York: Association for Computing Machinery, 2016. pp. 3723–3726. DOI: 10.1145/2851581.2890247.
3. Закревский А.Д. Логика распознавания. М.: Едиториал УРСС, 2003. 139 с.
4. Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении // Структура и развитие науки. М.: Дом интеллектуальной книги, 1978. С. 396-418.
5. Putnam H. The Analytic and the Synthetic // Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1965 (1975). pp. 33-69. DOI: 10.1017/CBO9780511625251.004.
6. Putnam H. Reference and Truth // Realism and Reason: Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge, 1983. pp. 69-86.
7. Невважай И.Д. Как возможна общая теория норм? // Мир человека: нормативное измерение 5. Постигание нормативности и нормативность познания: Сб. тр. международной научной конференции (Саратов, 12-14 июня 2017 г.) / Отв. ред. И.Д. Невважай и др.; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во СГЮА, 2017. С. 7-22.
8. Putnam H. Naturalism, Realism, and Normativity. Cambridge: Harvard University Press, 2016. 248 p.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРХЕОЛОГА И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА УЧЕНОГО*

Игорь Юрьевич Ларионов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры этики
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: i.larionov@spbu.ru*

Представляемый доклад – попытка рассмотреть экологические проблемы, связанные с наукой археологией, а также участие археологов в обсуждении указанных проблем. Пример археологии позволяет выявить ряд специфических

* При финансовой поддержке гранта Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ) (№19-011-00234).

особенностей отношения науки и природы. В докладе дается обзор существующих практик регламентации экологических аспектов деятельности археологов, а также недостатков данной регламентации и причин этих недостатков. Далее, анализируется специфика рассматриваемой проблематики в рамках современного цифрового общества, исследуются такие практики, как создание цифровых моделей археологических памятников как способ защиты окружающей среды и т.п. Археологи как научное сообщество занимают позицию, которая ближе к этнографии, антропологии и искусствоведению (сохранение памятников истории, национальных традиции и т.п.), чем к охране окружающей среды. Различие позиций археологии и современной технократической цивилизации – это столкновение различных представлений об использовании окружающей среды (как природной, так и культурной), а не идейный конфликт. В данной ситуации экологическое сознание становится частью индивидуальной этики ученого.

Ключевые слова: археология, этика науки, охрана окружающей среды, цифровые модели

ECOLOGICAL DIMENSION OF ARCHEOLOGY AND PROFESSIONAL ETHICS FOR ARCHEOLOGISTS*

Igor Y. Larionov

CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Ethics

Saint Petersburg State University

E-mail: i.larionov@spbu.ru

The report is an attempt to consider the environmental problems associated with archeology as well as the participation of archaeologists in the discussion of these problems. An example of archeology reveals a number of specific features of the relationship between science and nature. The report provides an overview of existing practices regulating the environmental aspects of archaeologists' work as well as the shortcomings of this regulation and the reasons for these shortcomings. Further, the specifics of the problems under consideration are analyzed within the context of contemporary digital society; such practices as creation of digital models of archaeological sites as a way to protect the environment, etc. are investigated. Archaeologists as a research community stand closer to ethnography, anthropology and art history (preservation of historical monuments, national traditions, etc.) than to environmental protection. The difference between the positions of archeology and technocratic civilization is a clash of different ideas about the use of the environment (both natural and cultural) but not an ideological conflict. Thus, environmental consciousness becomes a part of the researcher's individual ethics.

Keywords: archeology, ethics of science, environmental protection, digital models

Представляемый доклад – попытка рассмотреть экологические проблемы, связанные с наукой археологией, а также участие археологов в обсуждении указанных проблем. Пример археологии позволяет выявить ряд специфических особенностей отношения науки и природы. Важнейшая проблема, с которой связано представляемое исследование: является ли с этической точки зрения защита окружающей среды самоцелью или деятельностью, в которой разумный и свободный человек утверждает собственную нравственную ценность.

Теоретически деятельность и само пребывание археологической экспедиции «в поле» имеет негативную сторону [ср.1]. Речь идет о:

1. разрушении присущего местности рельефа (одним из последствий может быть гибель диких и домашних животных – напр. попавших в незасыпанную яму);
2. невозможности уничтожения одного из элементов экосистемы (наиболее часто это поверхностный плодородный слой почвы в регионах, где такой слой восстанавливается медленно);
3. уничтожении растительности при расчистке места будущих раскопок;

* With the support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project #19-011-00234).

4. уничтожении среды обитания мелких животных, иногда сопровождающееся гибелью самих животных;

5. нарушении санитарных норм жизни в лагере.

Отметим, что данные действия могут явиться вмешательством в целостность окружающей среды или нарушением принципов этического отношения к животным.

Только пункты 1 и 2 приведенного списка подлежат контролю согласно «Положению о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах» [2]: «По окончании работ исследователь обязан засыпать все сделанные на объекте археологического наследия котлованы (раскопы),... по возможности восстановить дерновый покров, за исключением случаев предполагаемой консервации раскопа с целью его дальнейшего исследования и (или) музеефикации... После археологических раскопок курганных насыпей, каменных могильников, жальников, могильных каменных оградок, дольменов, менгиров, культовых камней и тому подобных объектов следует по возможности восстановить эти сооружения или первоначальный ландшафт... При завершении работ на участках влагонасыщенного культурного слоя, содержащего органику, должны быть приняты меры к восстановлению водоносного горизонта...» (п.4.34). Но известны случаи нарушения и этого положения.

В названном «Положении» более ничего не говорится о взаимодействии экспедиции с окружающей средой. В ряде случаев даже подчеркивается конфликтное отношение науки и природы (напр. понятие «поврежденный культурный слой – культурный слой, нарушенный... в результате природных процессов»; ср. также п.4.9 «Археологические раскопки памятников поселенческого типа (в том чис-ле затопленных), а также пещерных стоянок и грунтовых могильников проводятся площадями, обеспечивающими возможность получения полной характеристики объектов археологического наследия»).

К сожалению, автору не были доступны зарубежные материалы по регламентации проведения археологических раскопок.

Можно выделить три возможные причины отсутствия регламентации экологических аспектов деятельности археологов, а также соответствующих санкций за нарушение уже имеющихся правил:

1. наиболее общая – отсутствие традиции видеть в деятельности археологов разрушение ландшафта, а также традиции регламентации подобного рода деятельности;

2. археология позиционирует себя как наука, солидарная с движениями за сохранение существующих экосистем (об этом см. ниже);

3. относительно малый вред, приносимый окружающей среде деятельностью археологических экспедиций (ср. влияние «дикого» туризма или сельского хозяйства).

Во в.п. 20 – нач. 21 вв. научная корпорация археологов активно выступает на стороне защитников окружающей среды [3]. Можно выделить следующие формы ее присутствия:

1. археологи являются штатными сотрудниками комиссий по землепользованию, лесному хозяйству, комитетов по культуре и т.п., осуществляя оценку деятельности различных землепользователей и менеджмент памятников культуры (наиболее характерно для США);

2. археологи активно пропагандируют такую форму защиты природы и культурного наследия, как «историко-культурный заповедник», участвуют в их создании, в ряде случаев выступая непосредственными инициаторами (очень распространено в РФ, напр. «Кижи», комплекс «Русский Север»);

3. археологи активно выступают против т.н. «черных археологов», чей подход к памятникам старины очевидно грабительский.

В законодательстве РФ, США и стран Европы археологические памятники как объекты охраны часто фигурируют в одном ряду с природными.

Следует отметить, что часто вместе с археологами и экологами выступают защитники культурного наследия (особенно национального), антропологи и этнографы, а вместе с археологическими и природными памятниками объектом охраны становятся памятники культуры и искусства.

Можно выделить следующие причины современной связи археологии и деятельности по защите окружающей среды:

1. археологи и экологи имеют одного «общего врага» – современную технократическую цивилизацию (бурное градостроительство, распашка больших площадей земли, потребительское отношение к окружающей среде, приоритет современного над историческим);

2. «экологические» формы сохранения и презентации археологических находок более соответствуют современным представлениям о музее;

3. в археологии существует проблема, по форме (но не по содержанию) близкая экологической: научное исследование безвозвратно разрушает уникальный памятник (рельеф местности – напр. курган, – который сам является памятником, или контекст, в котором находятся предметы, так сказать, их естественную среду);

4. в археологии уже действует правило, по которому памятники культуры и значимые для местного населения (особенно для коренных народов) объекты неживой природы должны после раскопок быть возвращены на их исходное место;

5. активно развиваются новые методы археологического исследования и консервации памятников, напр. «ландшафтная археология», одним из требований которой является сохранения всего контекста памятника – в том числе природного (переоценивать значение ЛА как экологического движения не стоит, т.к. в ряде случаев речь идет не о сохранении, а о реконструкция ландшафта);

6. археологическим становится памятник, выпавший из сферы культуры (тем более, современной); он словно становится частью природы;

7. существует стереотипное восприятие человека былых времен как существа, близкого природе, а древности – как эпохи, когда жизнь была более «естественна»: забота о природно-исторических памятниках сохраняет модели «хороших» взаимоотношений человека и природы;

8. археологические раскопки контролируются государством, и археология связана именно с государственной деятельностью по охране окружающей среды;

9. образ жизни многих археологов включает пребывание вне города, отсутствие благ современной цивилизации.

Археологи занимают позицию, которая ближе к этнографии, антропологии и искусствоведению (сохранение памятников истории, национальных традиции и т.п.), чем к охране окружающей среды. Традиционными стали альянсы археологов и историков-искусствоведов и краеведов, направленные против разрушения целостности исторических центров городов.

Различие позиций археологии и современной технократической цивилизации – это столкновение различных представлений об использовании окружающей среды (как природной, так и культурной), а не идейный конфликт. Характерен напр. конфликт интересов археологии и аграрного сектора по вопросу о том, как использовать поле – засеивать или законсервировать.

Характерно то, что сами археологи практически не рассматривают те виды своей деятельности, которые разрушают окружающую среду.

В целом, позиция археологов как ученых – «защита и компетентное использование» – может быть признана одной из возможных этически приемлемых моделей отношения человека и природы.

При отсутствии изначальной связи археологии и охраны окружающей среды экологическое сознание становится частью индивидуальной этики ученого. Когда речь идет об отношении науки археологии и природы, важна именно индивидуальная нравственная позиция, т.к. формулировка законов внешним для археологии образом не гарантирует их исполнение. Тем более индивидуальная нравственность важна в сферах никак не регламентируемых, а также в случаях, когда можно нарушить имеющиеся правила без каких-либо серьезных последствий.

Подлинно этическое отношение к природе т.о. является «внутренним делом» археолога как ученого-профессионала. Оно выступает формой нравственного самоутверждения личности, причем именно личности ученого. Соответственно, здесь возможны этические коллизии, характерные для сосуществования индивидуальной нравственности и требований профессионализма. При этом трудно определить, является ли изначально экологическое сознание требованием профессиональной этики, или индивидуальная этика формирует профессиональную.

Технические достижения последних десятилетий, позволяют надеяться, что такие практики, как создание цифровых моделей археологических памятников, будут способствовать защите окружающей среды. В данном случае можно провести аналогию с замещением животных цифровыми моделями в биологии и медицине. Детальное изучение цифрового двойника археологического комплекса может сохранить сам исторический памятник.

Т.н. виртуальная археология (virtual / digital archaeology) развивалась с 90х гг. прошлого века [4]. В основном, ее целью была фиксация и документирование результатов раскопок, а также создание 3D-моделей исследуемых предметов для расширения объектной базы археологического исследования, а также для нужд музейных экспозиций. Однако такие модели используются также и для изучения таких свойств отдельных памятников, которые требуют их физического разрушения (напр. анализ прочностных характеристик строения, проверка гипотез о функциональном назначении находок и т.п.) [5].

Создание виртуальных моделей археологических памятников ранее осложнялось техническими ограничениями, но их можно преодолеть с появлением технологий больших данных, а также более совершенных методов аэросъемки. В качестве примера можно назвать т.н. «Stonehenge Hidden Landscape Project», в рамках которого была создана цифровая модель скрытого под землей окружения Стоунхенджа, археологическим раскопкам на территории которого препятствует включение этого памятника в список Всемирного наследия ЮНЕСКО [6].

Литература

1. Каздым А.А. Экология и археология: парадоксы взаимодействия // Наука в России. 2006. №1. С.71-76.
2. Положения о производстве археологических раскопок и разведок и об открытых листах. М.: ИА РАН, 2018 [Электронный ресурс]. URL: (https://www.archaeolog.ru/media/OPI/Polozhenie_2018_2.pdf (дата обращения 20.10.2019))
3. Clary D.A. Historic Preservation and Environmental Protection: The Role of the Historian // The Public Historian. 1978. Vol. 1. №1. P.61-75.
4. Reilly P., Rahtz S. Archaeology and the information age: a global perspective. Routledge, 1992.
5. Бородин Л.И., Жеребятнев Д.И. Технологии 3d-моделирования в исторических исследованиях: от визуализации к аналитике // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. №2(2). С. 49-63.
6. Буров С.П. Анализ опыта и перспектив применения технологий геопространственного моделирования и визуализации в современных гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2017. №12. С. 82-95.

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ ПОСТУЛАТОВ НЕСВОБОДЫ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ*

А.Г. Мясников

*Доктор философских наук, профессор кафедры методологии науки,
социальных теорий и технологий*

Пензенский государственный университет

E-mail: myasnikov-g@mail.ru

Т.А. Мясникова

Студент Школы философии

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

E-mail: miasnikova777@mail.ru

Информационно-технологическая революция начала XXI века ставит перед постсоветскими обществами серьезные мировоззренческие вызовы, которые должна принять современная философская наука и предложить свои обоснованные ответы. Одним из таких фундаментальных вызовов является запрос на переформатирование или модернизацию консервативно-догматических

* Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00137 «Эволюция свободы в постсоветском обществе: социально-философский анализ и практическое моделирование» («The evolution of freedom in post-Soviet society: socio-philosophical analysis and practical modeling»).

стереотипов и религиозно-метафизических установок массового сознания. Речь идет, прежде всего, о так называемых «постулатах несвободы» - "мы не свободны", "от нас ничего не зависит", "свобода выбора - это иллюзия". Такого рода стереотипные установки или «ловушки», составляющие феномен «избыточной духовности», препятствуют продвижению человека и общества к высшим степеням свободы – политической, нравственно-религиозной и творческой. В докладе представлена авторская концепция 10 степеней свободы, которая позволяет видеть перспективу модернизационного развития постсоветского общества, а также и ряд трудностей. К числу таких факторов, затрудняющих процесс модернизации, следует отнести архаизацию массового сознания в переходный период, которая усиливается современными СМИ. А также фактор, связанный с ценностно-мировоззренческим разрывом между разными социально-экономическими группами постсоветского общества, осложняющийся неравномерностью материально-технологического развития регионов. Изучение этих факторов, а также условий достижения высших степеней свободы является актуальной и стратегической задачей современной социальной и практической философии.

Ключевые слова: постулаты несвободы, модернизация, постсоветское общество, ценности

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF TRADITIONAL POSTULATES OF NON-FREEDOM IN THE CONTEXT OF THE INFORMATION REVOLUTION

A.G. Myasnikov

*DSc in Philosophy, Professor, Department of Methodology of Science,
Social Theories and Technologies
Penza State University
E-mail: myasnikov-g@mail.ru*

T.A. Myasnikova

*Student
National Research University Higher School of Economics
E-mail: miasnikova777@mail.ru*

The information-technological revolution of the beginning of the XXI century poses serious worldview challenges to post-Soviet societies which should be accepted by modern philosophical science and offer its reasonable answers. One of such fundamental challenges is the demand for reformatting or modernizing conservative-dogmatic stereotypes and religious-metaphysical attitudes of mass consciousness. First of all, we are talking about the so-called "postulates of non-freedom": –"we are not free", "nothing depends on us", "freedom of choice is an illusion". Such stereotypical attitudes or "traps" which make up the phenomenon of "excess spirituality" prevent individuals and society from moving towards the highest degrees of freedom - political, moral, religious and creative. The report presents the author's concept of 10 degrees of freedom which allows us to see the prospect of modernization development of post-Soviet society as well as a number of difficulties. Among such factors that hinder the process of modernization is the archaization of the mass consciousness in the transition period which is reinforced by modern media. It is also a factor related to the value and worldview gap between different social and economic groups of post-Soviet society which is complicated by the unevenness of the material and technological development of the regions. The study of these factors as well as the conditions for achieving the highest degrees of freedom is an urgent and strategic task of modern social and practical philosophy.

Keywords: postulates of nonfreedom, modernization, post-Soviet society, values

I. Вступление человечества в третье десятилетие XXI века с полным правом можно назвать информационно-цифровой революцией, которая открывает невиданные возможности для человеческого творчества и самореализации. При этом расширение таких практических

возможностей одновременно открывает пути для различных негативных, опасных проявлений человеческой свободы: для личного и группового произвола, скрытого и прямого насилия, размывания критериев достоверности (в эпоху «постправды»), и утверждения некоторых форм культурной (неотрадиционалисткой) архаики в качестве возможных проявлений мультикультурного самовыражения.

Ускоренный характер протекания современной информационной революции порождает ряд важных мировоззренческих, а именно этических, нравственно-религиозных, политико-правовых проблем, которые имеют особое значение для переходных обществ, например, для постсоветской России, Беларуси, Украины, Казахстана и других стран. Быстрота распространения информации, ее колоссальные объемы, разнообразие и сила влияния на психо-эмоциональное состояние людей порождают очень интересные морально-психологические реакции и социокультурные проблемные феномены, которые становятся актуальными объектами для этико-философского, социально-антропологического и социологического изучения.

II. Одним из таких актуальных проблемных феноменов постсоветского общества становится так называемая «избыточная духовность» [4]. Это новое, экспериментально-провокативное название заимствовано мною у современных уральских политологов Виктора Мартынова и Леонида Фишмана, авторов книги «Россия в поисках идеологий» [3]. Это понятие предназначено выявить устаревшие стереотипы мышления, иррационально-догматические установки, архаичные ценности, не соответствующие современному постиндустриальному этапу развития общества. Для эмпирической верификации этого понятия 2 года назад я проводил опрос студентов историко-филологического факультета ПГУ, задавая им вопрос: может ли духовность быть избыточной? Из 100 человек половина ответили, что может. Студенты охарактеризовали избыточную духовность такими признаками как религиозный фанатизм, политический экстремизм, потеря разумности, отказ от здравомыслия.

С точки зрения современной социальной и практической философии «избыточная духовность» представляет собой совокупность ценностно-смысловых представлений, не соответствующих научной картине мира, но при этом имеющих субъективно-групповое нравственно-религиозное значение, которое не редко используется в современных политтехнологиях для манипулирования массовым сознанием. Наглядным примером может служить недавняя статья известного российского идеолога и политтехнолога Владислава Суркова «Долгое государство Путина», в которой была провозглашена «первая аксиома новой российской государственности» – *«это только кажется, что выбор у нас есть»* [7].

Внимательное этико-философское рассмотрение обнаруживает теоретически ложный и практически опасный смысл этой «аксиомы», претендующей на общественное признание и идеологическую абсолютность. Задача современной практической философии заключается в том, чтобы раскрыть ложность и негативный потенциал этого политтехнологического приема, и маркировать его в качестве проявления «избыточной», т.е. гипертрофированной духовности. Так называемая «аксиома иллюзии выбора» является давней мировоззренческой ловушкой, которая сводит жизнь человека и целой общности людей (обычно подневольных) к феноменально-биологическому существованию, т.е. к полной зависимости от законов природы и законов государства. Такая зависимость может усиливаться религиозно-мистическими аргументами, типа, «на всё воля свыше» и «мы рабы Божьи», и тем самым превращает людей в послушных подданных или винтиков авторитарно-деспотической государственной системы [6].

Потребность в этой фундаментальной мировоззренческой ловушке резко возрастает в периоды общественно-политических и экономических кризисов, когда начинает расти социальная напряжённость, недовольство действующей властью, и усиливается общая неопределённость будущего. В таких условиях «аксиома нашей несвободы» оказывается вполне подходящей идеологической установкой для правящей элиты, которая хочет сохранить своё господствующее положение, а также является удобной психотерапевтической установкой для пассивной части общества, которое нуждается в душевспасительных идеях. На некоторое время эта идея способна успокоить разум подданных и принять происходящее как некую неизбежную предопределённость, но такая мировоззренческая позиция, подавляет чувство собственного достоинства и разумное стремление к лучшему, и в итоге порождает «несчастное сознание»

Современная практическая философия рассматривает феномен «избыточной духовности» прежде всего в структуре матрицы традиционного сознания, а именно в качестве важнейшего следствия традиционных религиозно-метафизических «постулатов несвободы», а также в контексте роста степеней человеческой свободы [5]. Такие «постулаты несвободы» как «мы не свободны», «нам только кажется, что у нас есть свобода выбора» и «от нас ничего не зависит» выполняют роль блокирующих установок, которые мешают продвижению человека и общества к высшим степеням свободы-самостоятельности, и прежде всего к политической самостоятельности.

В данном случае мы будем опираться на модель 10 степеней человеческой свободы как самостоятельности, которая представляет собой социально-антропологическую схему, применимую и к развитию конкретной личности, и к развитию современного общества в целом. Когда многие наши сограждане говорят, что они не свободны, то на самом деле они имеют в виду только определённую степень своей не свободы. Модель 10 степеней свободы позволяет ясно понимать, что человек всякий раз свободен в определённой степени, а это очень важно и с теоретической, и с практической точки зрения.

Общая схема 10 степеней свободы как самостоятельности:

Первая степень свободы – это *физическая самостоятельность* человека, которая обычно достигается ребёнком к 3 годам, и проявляется в умении ходить, принимать пищу, говорить и элементарно заботиться о себе.

Вторая степень свободы начинается с *психо-эмоциональной самостоятельности*, и связана с осознанием своего Я, своих желаний и внешних правил. Обычно она достигается ребёнком к 7 годам.

Третья степень свободы – это *интеллектуально-волевая самостоятельность*, которая формируется в подростковый период. На этом этапе развития человек начинает сознавать своё особенное бытие в мире, и начинает утверждать себя в качестве деятельного и вместе с тем ответственного субъекта. На этом этапе у подростка складываются мировоззренческие понятия и практические принципы поведения.

Четвёртая степень свободы – *правовая самостоятельность или юридическое совершеннолетие*, в нашей стране наступает в 18 лет. На этом этапе человек получает полную формальную независимость от своих родителей-опекунов, и вместе с тем приобретает полную личную ответственность за свои действия.

Пятая степень – *экономическая самостоятельность* в разных обществах достигается по-разному. В современных условиях молодые люди обычно обретают её после получения профессионального образования и последующего трудоустройства. Когда они начинают себя материально обеспечивать, то становятся по-настоящему взрослыми людьми.

Шестая степень свободы может быть названа *социальной самостоятельностью*, которая выражается в создании собственной семьи, рождении и воспитании своих детей, т.е. в создании новой «ячейки общества». Этот этап взросления человека одновременно налагает и новую ответственность за семью и детей, за благополучие своего рода. Также уровень социальной самостоятельности проявляется в личном самоопределении человека в своем ближайшем социуме: в семье, роде, в трудовом коллективе.

Седьмая степень свободы – *политическая самостоятельность* – будет последовательно вытекать из предыдущей, так как забота о своём будущем и будущем своей семьи-рода-народа предполагает политическую зрелость и выражение своих частных интересов в политической сфере, т.е. в сфере распределения материальных благ. Наличие политических убеждений, интересов и активности свидетельствует о вдумчивом и серьёзном отношении к земной жизни, к будущему своих потомков.

Восьмая степень свободы предстаёт как *нравственно-религиозная самостоятельность* человека, и обычно достигается в зрелом возрасте, когда на основе жизненного опыта складывается собственная автономная система нравственных ценностей и религиозных убеждений.

Девятая степень свободы проявляет себя в творческой самостоятельности человека, которая является свободным самовыражением, творческим созданием различным материальных и нематериальных благ, ценностей, которые доставляют удовольствие и самому творцу, и другим людям, которые ими пользуются.

И десятая степень – высшая ступень человеческой самостоятельности – это *гениальность*. Она предполагает, что творческая активность человека достигает общечеловеческого, мирового признания, и нацелена на будущие поколения людей.

III. Если мы применим эту модель роста степеней свободы к любому постулату человеческой несвободы, то обнаружим, что указанные «постулаты» удерживают конкретного человека и все общество на 5-6 уровне социально-экономической самостоятельности, и препятствуют дальнейшему продвижению к высшим степеням свободы. Но, как отмечают многие обществоведы [1; 2; 8], без достижения этих высших степеней не возможно достичь современной экономической и технологической эффективности и высокой производительности труда, и как следствие, невозможно материальное благополучие большинства членов общества, а не только правящей элиты.

Вместе с тем философский, рационально-критический анализ традиционных «постулатов несвободы» предполагает замещение их научно-позитивными смыслами и ценностными установками, которые поддерживают и направляют деятельную энергию большинства граждан к соучастию в решении общезначимых проблем и к достижению общего блага, которое складывается из совокупности личных благ. В условиях информационной революции без признания конкретной степени свободы каждого действующего субъекта невозможно устанавливать точную персональную ответственность, и определять границы его полномочий. Если мы допускаем, что рост степени свободы сопровождается ростом личной ответственности человека, то самые неожиданные последствия информационной революции не будут губительными для человеческой цивилизации.

Литература

1. Аузан А. Национальные ценности и модернизация. М.: ОГИ, Полит.гу., 2010. 188 с.
2. Инглхарт Р., Вельцер К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
3. Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ. М.: Политическая энциклопедия. 2016. 334 с.
4. Мясников А.Г. Избыточная духовность как проблема современной практической философии // CREDO new. Теоретический журнал. 2018. № 3. С. 113-129.
5. Мясников А.Г. Право на ложь как ловушка для свободы // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С.174-186.
6. Мясников А.Г., Константинов В.В., Чернецов М.А., Мясникова Т.А. Происхождение, структура и функции ловушек для свободы: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 2А. С. 158-170.
7. Сурков В. Долгое государство Путина // «Независимая газета» 19.02.2019. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения 18.10.2019.)
8. Höffe O. Kritik der Freiheit: Das Grundproblem der Moderne. München: C.H. Beck Verlag, 2015. 384 S.

«ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА», СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЭТОС НАУКИ*

Вадим Юрьевич Перов

*Кандидат философских наук, доцент кафедры этики
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: vadimperov@gmail.com*

В центре внимания данного исследования является изучение причин такого явления как «гражданская наука» в его отношении к «классическому» и «постакадемическому» этосам науки. В ходе исследования выделены следующие основные положительные причины: (1) возросший уровень образования людей; (2) развитие науки и технологий в современном обществе привели к тому, что

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 19-011-00234).

научное или используемое в научных исследованиях оборудование стало относительно дешёвым и доступным; (3) существование Internet; (4) развитие информационных технологий расширяет возможности современных информационных средствах общения и коммуникации, что проявляется в возникновении профессиональных научных социальных сетей. В качестве негативных причин определено появление этоса «постклассической науки», существование которого подрывает доверие к науке. Показано, что несмотря на то, что особенности «гражданской науки» в большей степени соответствуют основным принципам и императивам «классического этоса» науки, возникающие этические риски способствуют расширению некоторых видов лженауки.

Ключевые слова: «гражданская наука», этос науки, сетевые сообществ, лженаука

“CITIZEN SCIENCE”, NETWORKING COMMUNITIES AND THE PROFESSIONAL ETHOS OF SCIENCE*

Vadim Y. Perov

*CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Ethics
Saint Petersburg State University
E-mail: vadimperov@gmail.com*

The focus of this study is to analyze the causes of such a phenomenon as “citizen science” in its relation to the “classical” and “post-academic” ethos of science. The study identified the following main positive causes: (1) increased level of education of people; (2) development of science and technology in modern society has led to the fact that scientific or used in scientific research equipment has become relatively cheap and affordable; (3) existence of the Internet; (4) development of information technologies expands the possibilities of modern information means of communication and communication itself which is manifested in the emergence of professional scientific social networks. The emergence of the ethos of “post-academic science”, the existence of which undermines the credibility of science, is identified as negative reasons. It is shown that despite the fact that the features of “causes science” are more consistent with the basic principles and imperatives of the “classical ethos” of science, the emerging ethical risks contribute to the expansion of some types of pseudoscience.

Keywords: “causes science”, ethos of science, network of communities, pseudoscience

За последние годы все большее распространение получает такое явление как «гражданская наука». Под последней понимается разнообразная деятельность, но главной характеристикой «гражданской науки» является вовлечение широкого круга неспециалистов в процесс научных исследований. Можно говорить о различных как позитивных, так и негативных причинах данного феномена. К положительным причинам следует отнести:

(1) *возросший уровень образования людей* (конечно, речь идёт о странах с развитой системой образование). Несмотря на многочисленные «стенания» по поводу кризиса современного образования, следует признать, что получаемое большинством людей в таких странах образование во многом превосходит уровень предшествующих исторических эпох. Во многом это объясняется и ростом научного знания, результаты которого постепенно находят своё отражении в школьных программах. Кроме того, во многих странах наблюдается и то, что может быть названо «массовизацией» высшего образования. Хотя этот процесс вызывает оправданную критику, его следует отнести к положительным тенденциям общественного развития. В прошлом высшее образование было предназначено для элиты и готовило, в том числе, и научную элиту, которая обладала характерной «элитарной закрытостью». В современном мире оно стало открытым и доступным для различных социальных групп. В результате, (а) даже те, чья жизнь и профессиональная деятельность не связана непосредственно с научными исследованиями в силу имеющегося образования

* RFBR №19-011-00234.

потенциально могут испытывать интерес к науке; (б) увеличилось число тех, кто обосновано полагает, что их уровень образования позволяет критически осмысливать и оценивать если не все, то многие достижения современной науки. Тем самым, существовавшая на протяжении большей части истории человечества граница между «образованными людьми науки» и остальными людьми, если не стирается, то сдвигается и становится более прозрачной, что способствует формированию «гражданской науки».

(2) развитие науки и технологий в современном обществе привели к тому, что научное или используемое в научных исследованиях оборудование стало относительно дешёвым и доступным. Сегодня практический каждый может позволить себе купить электронный микроскоп, телескоп, центрифугу и т.д. Появление и распространение персональных компьютеров и соответствующего программного обеспечения делает возможным обрабатывать большие массивы данных. Это позволяет оборудовать домашнюю лабораторию с такими техническими характеристиками и возможностями, о которых ещё несколько десятилетий назад большинство профессиональных учёных даже мечтать не могли. В результате находятся люди, которые проводят самостоятельные инициативные исследования практически «на дому». Эти исследования рассматриваются «гражданскими учёными» как дополнения к «официальной» академической науке, но иногда и в качестве альтернативы ей. Положительным моментом является то, что данная деятельность способствует расширению сферы научно-исследовательской деятельности, позволяя обратить внимание на те научные проблемы, которые в силу каких-то причин оказались «на обочине» или вне научного мейнстрима.

(3) в качестве одного из существенных факторов становления и распространения «гражданской науки» следует признать существование Internet. В каком-то смысле символично, что в современном виде он вырос из протоколов обмена научной информацией, возникших в среде учёных. И хотя сегодня Internet уже в меньшей степени ассоциируется с миром науки, любой его пользователь, не выходя из дома, может получить моментальный доступ к гигантскому массиву научной информации. Это цифровые версии классических библиотек, многочисленные электронные библиотеки, базы данных научных книг и журналов, классические и цифровые энциклопедии, социальные сети для обмена научной информацией и т.д. Многочисленные системы автоматического и интеллектуального поиска позволяют любому желающему без особых усилий постоянно быть в курсе состояния любой науки. Такое распространение научной информации ведет к возрастанию интереса к научным исследованиям и расширению круга желающих приобщиться к науке, в том числе, занявшись самостоятельными научными исследованиями.

(4) развитие информационных технологий особенно наглядно проявляется в возможностях современных информационных средств общения и коммуникации. В современном обществе помимо общих существует огромное количество специализированных и профессиональных социальных сетей. Не осталась в стороне и научное профессиональное сообщество. Такие социальные сети позволяют учёным обмениваться результатами, обсуждать гипотезы, ход и перспективы научных исследований, формировать научно-исследовательские группы и т.д. Большинство таких сетевых ресурсов созданы по принципу открытого доступа, поэтому непрофессиональные «гражданские учёные» могут как принимать участие в деятельности научных сетей, так и создавать частично или полностью самостоятельные от профессиональных сообществ сети. В результате появляются возможности для организации широкомасштабных исследований посредством вовлечения в них многих как профессиональных, так и «гражданских» ученых, распределив между ними различные этапы исследования, особенно такие трудоемкие, как сбор и обработку данных. Последнее особенно востребовано в таких научных областях, которые основаны на многочисленных наблюдениях за природой (мониторинг окружающей среды, метеорология, орнитология и т.д.), а так же в медицине и исследованиях, связанных с поведением людей.

Наряду с положительными причинами, способствующими развитию и расширению феномена «гражданской науки» следует отметить и негативные тенденции, самой наглядной из которых является существующее в современном обществе падение доверия к «официальной» науке. В этическом плане всё большее распространение получает точка зрения, что на место классического этоса науки, описанного Р.Метроном, приходит «этос постакадемической науки». К наиболее известным в этом контексте являются концепции Дж.Зиман (*J.Ziman*) и П.Штомпка (*P.Sztompka*). Дж.Зиман полагает, что начиная со второй

половины XX века в получающей всё большее распространение «постакадемической науке» этос ученого ориентируется на следующие характеристики научно-исследовательской деятельности: *proprietary work* (собственная работа – стремление получить право собственности на результат); *local work* (локальная работа – решение узких конкретных задач, *authoritarian work* (авторитарная работа – задачи исследования определяется начальством); *commissioned work* (заказная работа для достижения практических целей); *expert work* (экспертная работа выполняется ограниченным кругом «назначенных» экспертов)[1]. Похожую точку зрения занимает П.Штопка, который выделяет такие характеристики современного состояния науки: фискализация, приватизация, коммерциализация, бюрократизация, снижение эксклюзивности и автономности научной общественности [2]. Такая наука именно в силу своего сомнительного «этоса» и отсутствия не только личных, но и институциональных гарантий добросовестности не может вызывать доверия. Не обсуждая в настоящее время оправданность подобных заключений, следует признать, что такие пессимистические взгляды по поводу состояния современной науки достаточно распространены как в научной среде, так и в общественном мнении. Результатом падения доверия к науке оказывается то, что возникает потребность в более достоверном и этически корректном альтернативном научном знании. Именно на эту роль во многом и претендует «гражданская наука».

На первый взгляд, кажется, что «гражданская наука», особенно в ее «сетевом» выражении, гораздо в большей степени соответствует основным принципам и императивам классического «этоса науки» Р.Мертон. Например, «коммунализм» обеспечивается тем, что участники сетевого научного сообщества не только коллективно проводят исследования и их результаты становятся сразу доступными всем, «универсализм» означает, с одной стороны, принципиальное равенство участников (вплоть до их анонимности), с другой – практически полное отсутствие «входных» барьеров для новых исследователей, «организованный скептицизм» обеспечивается не только отсутствием фиксированных иерархических структур и институционально непререкаемых авторитетов, но возможностями организации максимально широких форм обсуждения любого этапа исследования, «бескорыстность» связана с тем, что большинство участников «гражданской науки» является добровольцами, которые заинтересованы именно в самих исследованиях и их результатах, а не в каких-то «внеаучных» пруденциальных благах. Возникает представление, что подобна сетевые взаимодействия «гражданских учёных» имеют все основания если не сейчас, то в перспективе стать основой для возрождения подлинной науки как автономного самоорганизующего сообщества исследователей, занятых поиском истины.

Насколько такие перспективы реальны, особенно, в этическом плане. При ближайшем рассмотрении оказывается, что при всей этической привлекательности «гражданской науки», одновременно возрастают и порождаемые ею этические риски, связанные с возникновением ряда проблем и вопросов. Прежде всего, это проблемы, связанные с существующими в современной науке исследовательскими процедурами и этическими нормами, обеспечивающими достоверность научных исследований, научного общения, публикаций, признания результатов и т.д. Если в «официальной науке» даже при многочисленных проблемах и сбоях «процедуры научной добросовестности» существуют, то в «гражданской науке» они ещё только зарождаются, но существующая в «гражданской науке» свобода « сетевого» творчества и самовыражения во многом является препятствием для соблюдения протоколов и этических норм научных исследований. Показательно, что в таких областях как биология и медицина рост сетевых сообществ «гражданских» исследований одновременно сопровождается ростом лженаучных явлений (например, биохакинг, движения антипрививочников и ВИЧ-диссидентов, альтернативная псевдомедицина, гомеопатия и т.д.). В связи с этим, не отрицая положительных как собственно научных, так и этических преимуществ у «гражданской науки» в настоящее время нет оснований полагать, нет оснований полагать, что она действительно является или в ближайшее время станет реальной альтернативой «официальной» науке.

Литература

1. Ziman J. Real Science: What It Is and What It Means. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 399 p.
2. Штопка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012. С. 396.

БЛОКЧЕЙН: ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО ИЛИ ТЕХНОЛОГИЯ ЗЛА?

Александр Анатольевич Шевченко

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

Институт философии и права СО РАН

E-mail: shev@philosophy.nsc.ru

Рассмотрены основные характеристики технологии блокчейна с точки зрения возможных этических последствий ее распространения и использования. Главным преимуществом технологии является решение проблемы доверия, что обеспечивает возможность осуществления быстрых, недорогих и надежных операций даже между незнакомыми людьми. Это позволяет считать технологию блокчейна некоторым «мета-благом», так как именно отсутствие доверия является основной проблемой при производстве традиционных общественных благ (public goods) и ведет к проблеме фри-райдерства. Технология также позволяет создавать подтвержденные, достоверные и публичные «цепочки данных», что особенно важно в тех случаях, когда нужен доступ к «истории вопроса», например, к истории владения имуществом, или информации о производственной цепочке. Технология блокчейна, кроме того, делает возможным производство «цифровой идентичности», облегчая миллионам людей доступ к современным банковским, медицинским и другим услугам. Фундаментальные опасности для моральной субъектности связаны, главным образом, с потенциальной подменой автономного морального выбора готовыми технологическими решениями, что ставит под вопрос и необходимость сохранения института моральных добродетелей.

Ключевые слова: блокчейн, информация, доверие, анонимность, верификация, фальсификация, цифровая идентичность

BLOCKCHAIN: THE PUBLIC GOOD OR A TECHNOLOGY OF EVIL?

Alexander A. Shevchenko

DSc in Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy and Law, SB RAS

E-mail: shev@philosophy.nsc.ru

The article considers the main characteristics of the blockchain technology focusing on the possible ethical consequences of its proliferation and use. The main advantage of the technology is the solution to the problem of trust which opens the way to inexpensive and reliable transactions even between strangers. This allows us to treat the blockchain technology as a certain “meta-good”, since it is precisely the lack of trust that is the main problem in the production of traditional public goods leading to the free-rider problem. The technology also allows creating verified, reliable and public “data chains” which is especially important in cases where we need access to the case history – for example, to the history of property ownership or information about the production chain. The blockchain technology also makes it possible to produce a “digital identity” making it easier for millions of people to access modern banking, medical, and other services. The fundamental threats to moral subjectivity are mainly related to the potential substitution of autonomous moral choice by ready-made technological solutions which calls into question the very need to preserve the institution of moral virtues.

Keywords: blockchain, information, trust, anonymity, verification, falsification, digital identity

Технологические прорывы не обязательно связаны с очень сложными, трудно постигаемыми открытиями. Часто это новый способ сделать так, чтобы уже привычные операции могли выполняться быстрее, проще, дешевле и удобнее. Такова технология блокчейна, о которой сегодня много говорят. Фактически блокчейн – это база данных,

объединяющих участников сети. Основные характеристики этой базы: распределенность, отсутствие централизации, публичность (открытость) и определенная степень анонимности (лучше, по-видимому, говорить о псевдонимности). Помимо чисто технологических удобств фундаментальная проблема, которую призван решить блокчейн – это проблема доверия. Стандартные операции (к примеру, покупка недвижимости) сопряжены с целым рядом избыточных действий, вызванных именно отсутствием доверия между сторонами. Проверка чистоты квартиры, возможных обременений, организация безопасных финансовых расчетов требуют целой армии посредников – риелторов, нотариусов, банкиров и т.п., что значительно удорожает и усложняет операции между индивидами. Иногда говорят даже, что главным преимуществом блокчейна, то есть, технологии распределенных реестров, является не распределенность информации, а распределение доверия. Доверие в рамках каждой конкретной транзакции обеспечивается тем, что информация хранится на всех компьютерах сети, верифицирована на стадии ввода и не может быть фальсифицирована позднее. Таким образом, издержки по обеспечению доверия перекладываются на всех участников сети и, учитывая невысокую стоимость компьютерных ресурсов, цена такого решения весьма необременительна. Сейчас наиболее известным примером использования технологии блокчейна являются криптовалюты. В этой сфере этические проблемы уже обсуждаются весьма активно. Имея ряд преимуществ (определенную анонимность, низкую стоимость и высокую скорость расчетов), криптовалюты могут использоваться и в неблагоприятных целях. Их анонимность и децентрализованность, таким образом, создают ряд очевидных этических дилемм, с одной стороны облегчая расчеты, с другой – создавая новые возможности нарушения налогового и финансового законодательства. Но технология блокчейна, в основе которой – цепочка информационных блоков, не имеющих единого центра, открывает и множество других возможностей и, в перспективе, создает новые серьезные проблемы.

Эта технология все более активно используется там, где необходим надежный «след», «история вопроса» – например, история использования или владения имуществом, история производства цепочка поставок. Она хорошо подходит для ведения разного рода имущественных реестров, в частности, объектов недвижимости, позволяя создавать надежную базу данных, которую невозможно фальсифицировать (благодаря «распределенности» информации фальсификация потребовала бы одновременных изменений во всех компьютерах сети). Активно применяется блокчейн в фармацевтике, позволяя проследить какие именно ингредиенты используются в производстве медикаментов, верифицировать производителей на всех цепочках производства, гарантировать потребителю, что он имеет дело с оригиналом, а не подделкой или дженериком. В сельскохозяйственном производстве технология блокчейна играет аналогичную роль – она позволяет фиксировать какие технологии, пестициды или условия хранения использовались на каждом этапе производства, что особенно важно для групп потребителей с особыми потребностями, например медицинскими или религиозными. Наличие множественных и достоверных «цепочек» данных также сильно упрощает локализацию проблемы, позволяя увидеть, где именно произошел сбой. Блокчейн также все чаще начинает использоваться на рынках предметов искусства, обеспечивая надежную «историю владения» и, таким образом, уменьшая риск подделок.

Становится возможной принципиально иная система отношений граждан с государством. С одной стороны, технология обеспечивает возможность проверяемых и подтверждаемых транзакций индивидов как друг с другом, так и с государственными органами (обеспечивая, в частности, надежность и проверяемость различного рода имущественных реестров или списков избирателей). В идеале такая открытость ведет к повышению доверия между гражданами и государством, более широкому демократическому участию и демократическому контролю. Однако при этом возможности технологии могут быть использованы гражданами и для противодействия решениям государственных органов. Например, возможен обход цензуры путем создания децентрализованной системы доменных имен.

Особо выделим два примера использования технологии блокчейна, которые могут вести к фундаментальным этическим проблемам, затрагивающим привычную суть отношений между людьми, общепринятые ценности и ожидания. Первый пример – создание «цифровой идентичности». В мире существует огромное количество людей, не обладающих полноценной идентичностью в привычном нам смысле слова. К ним относятся не только беженцы, нелегальные мигранты, т.е. люди, не имеющие официальных документов и, таким образом, формально не признанные на территории проживания, но и те, кто не имеет доступа к

полноценным банковским, медицинским или другим услугам. Решая проблему доверия между контрагентами, блокчейн позволяет создавать цифровую личность (набор цифровых сертификатов для тех или иных целей) и, таким образом, решать ряд проблем, непреодолимых в обычных условиях. Конечно, такая идентичность не будет полноценной и устойчивой, так как не она обеспечена всей полнотой социальных связей, однако позволяет существенно расширить возможности людей, благодаря локальному решению «проблемы доверия», что позволяет незнакомым людьми совершать операции между собой. Проблемы здесь очевидны: технологически решая проблему доверия локально, для каждой конкретной операции, блокчейн ставит под сомнение необходимость в доверии как общечеловеческой ценности, которая культивируется, воспитывается, зарабатывается. Возникает опасность утраты таких добродетелей как благонадежность, порядочность, сомнительной становится необходимость существования института репутации.

Второй потенциальный пример использования технологии блокчейна – возврат индивидуального полного контроля над личной информацией, когда человек сам решает, кому и какую информацию о себе он готов передать в каждом конкретном случае. Например, работодатель нуждается в информации о квалификации и опыте работы претендента. Удерживая информацию о своем возрасте и половой принадлежности, мы не только обеспечиваем тем самым приватность таких личных данных, но и блокируем возможность возрастной или гендерной дискриминации. В медицинские учреждения передается информация о медицинских диагнозах и т.п. Фактически такое «распыление» информации по разным реестрам может приводить практически к полной анонимности, что также имеет неоднозначные этические следствия – мы каждый раз имеем дело с некоторым псевдонимом (аватаром), дисперсной идентичностью, с которой, тем не менее, можно вести дела, так как доверие и надежность информации обеспечиваются с помощью технологии. При этом принципиально отсутствует «точка сборки» цельной идентичности, так как информация в данном случае распространяется по разным реестрам. Этическая проблема состоит здесь в опасности утраты традиционной социальной идентичности, которая обеспечивалась бы долгосрочными социальными связями, правами и обязательствами, институтом репутации и т.п.

Кроме того, проблематичным становится и сам статус моральных норм. Мораль, понимаемая, как форма социальной регуляции, предполагает, что авторы моральных норм – сами моральные субъекты, подразумевает наличие некоторого консенсуса в отношении содержания этих норм, а также возможность их изменения. В случае же широкого распространения технологии блокчейна, например, уже упомянутое «доверие» становится не автономным выбором морального субъекта, а готовым технологическим решением, которое автоматически входит в условия взаимодействия людей.

Оптимистический взгляд на технологию блокчейна позволяет трактовать ее как общественное благо (public good), в техническом смысле этого слова, как блага, которое обычно не может обеспечить рынок из-за наличия «безбилетников», которых нельзя лишить возможности это благо потреблять. Классические примеры таких благ – маяки, чистый воздух, безопасность и др., которые обычно финансируются с помощью принудительного сбора налогов. В нашем случае таким общественным благом, обеспечиваемых блокчейном, является доверие. В свою очередь это, среди прочего, может способствовать и решению основной проблемы, связанных с производством общественных благ – проблемы фри-райдерства, за счет создания надежной и прозрачной системы добровольных «контрактов» людей друг с другом. В то же время новая технология создает и ряд новых этических проблем, которые в перспективе могут привести к эрозии традиционных способов взаимодействия людей в качестве автономных моральных субъектов.

Второй Международный Конгресс Русского общества
истории и философии науки
«Наука как общественное благо»

Том 5

Сборник научных статей
Сетевое электронное издание

Научная редакция и составление – Л.В. Шиповалова, И.Т. Касавин.

Компьютерная верстка: Т.М. Хусяинов

Подписано к использованию 15.11.2020.

Формат: PDF/A. Усл. печ. л. 14,6.

Объем данных – 3,7 Мбайт.

Минимальные системные требования:
браузер Google Chrome v. 2.0 и выше,
пропускная способность сетевого подключения не менее 128 кбит/с

Издательство «Русское общество истории и философии науки»

105062, Россия, Москва, Лялин пер., д. 1/36, стр. 2, комн. 2.

E-mail: info@rshps.ru

ISBN 978-5-6045557-0-5

